

831.167.1
с 47

Николай Слепцов

Веселовская исповедь

библиотеке пос. Ожарык от автора этой
книжки в дар за любовь читателей к чтению
и писателя к редактору.
Н. Слепцов

Николай Слепцов

15.11.2018.

Веселовская
исповедь

Караганда, 2018

Николай Андреевич СЛЕПЦОВ:
Веселовская исповедь.

Подготовлено к печати: ТОО «Издательский дом
«Классик», отпечатано: ТОО «Арко».
Караганда, 2018, стр. 264

«Я, конечно, не Жан-Жак Руссо», - неоднократно повторяет писатель из поселка Агадырь Николай Слепцов, имея в виду автора автобиографического романа «Исповедь». Безусловно, трудно сопоставлять творчество французского маэстро, родившегося на свет около трехсот лет назад, и современного самобытного литератора. Однако верно и то, что у Николая Андреевича есть нечто общее с Руссо, а именно желание излить душу перед благодарными читателями. У Николая Слепцова своя жизнь - и собственная исповедь, которой он хочет поделиться с другими...

Предисловие

Я помните, друзья мои, к каждой своей книге давал маленькое, но предисловие, в каком пытался хоть как-то настроить читателя на читабельный шаг к предлагаемой книге. Не удержусь я от этого и теперь. Что можно мне сказать в нем? Ну хотя бы то, что книгу эту я назвал, как и Жан-Жак Руссо триста лет назад, исповедью. Конечно, у Руссо была своя исповедь, у меня - своя. Как я с нею справился - не ведаю и не представляю, надеясь па позицию моих издателей. Люди они чрезвычайно литературные, чрезвычайно Белинские, от каких я жду их холодного разностного слова или теплого доброжелательного. Мне хочется знать, что они скажут мне в глаза.

Этой книгой я, по сути, подвожу итоги своей писательской деятельности, какой отданы десять-двенадцать лет моей «дембельской» жизни. До «дембеля» я не писал, даже близко не прикасался к перу, а на «дембеле», да еще в мои крутые семьдесят, на меня вдруг наехала лермонтовско-есенинская телега, от которой я не сумел увернуться. Телега была литературно-поэтической, потому я и стал выдавать свои душевные творения.

Эта книга является пятнадцатой, чем могу даже погордиться. Погордиться хотя бы тем, что писал я все эти книги с семидесяти моих кровных лет до нынешних мои восьмидесяти двух. Женка моя так удивляется моей усидчивости и говорит, что это не к добру. Или я, по предсказаниям бабок, в недалекий день отброшу копыта, или издательский дом не захочет издавать эту книгу из-за ее слабости и безыдейности. «Сам же говорил, что тебе самому не нравится, что ты в этой последней книге наворочал...». Мне и впрямь не нравится, что я затеял эту книгу в таком плане, но деваться теперь некуда, и я с нетерпением жду, что скажут и об этой книге мои друзья. Скажут, что это не книга, а убожество - я приму это как должное, как правду больших знатоков литературы и всего писательского дела и нако-

нец-то пойму, что я не писатель, а бумагомаратель. Если издатели скажут мне такое, я им только пожму руку и буду знать, что мне до Лермонтова и Есенина, как свинье до неба. Когда специалисты говорят правду, надо им верить и даже кланяться им за это, что я и делаю, как говорится, собственноручно.

О дальнейших моих действиях после этой книги ничего не скажу определенного, хотя я прямо указывал, что с писательством и с писаниной завязываю. На моем девятом десятке, думаю, это правильное решение, только удержусь ли я от пера и мыслей к нему? По идее, надо бы, а по жизни - кто знает... Если издательский дом поприветствует меня этой книгой и скажет, что завязывать с писаниной не надо, я безусловно подчинюсь ему и буду мороковать что-то новое. Отбрасывать копыта я не собираюсь, просто нет к тому причин.

Вчера, 22 июня, отбросил копыта мой товарищ, житель соседнего дома, такой же, как и я, бывший деповчанин, бывший классный машинист тепловоза и электровоза, водивший грузовые и пассажирские поезда - Евгений Иванович Гуляев, семидесяти одного года. Как и Алексей Петрович Чеботарев, ни на что не жаловался, а вот что-то кольнуло в сердце, и он не проснулся. Ему-то стукнуло только семь десятков, ему бы жить да жить, а нет: то ли природа нынче такова, то ли время такое наступило, что люди копытаются без всяких болезней. 24-го Евгения Ивановича схоронили, помянули в большом веселовском кафе. На кладбище друзья его и сослуживцы говорили проникновенные речи о жизни и работе Евгения Ивановича, сказал свое слово и я, потому как хорошо его знал по совместной сорокалетней работе в веселовском депо.

Возвратившись домой после поминок, я долго думал о бренности человеческой жизни. Чем грозят мне мои ближайшие годы - честно говоря, ни в зуб ногой, а вот что я хочу жить, скрывать не стану. Хочу жить и общаться с моим издательским домом, какой стал для меня моим издателем, другом и, наверное, моей судьбой. От судьбы и правда не уйти. Поэтому я подчинюсь ей и буду просто жить в моей Веселовке с моим веселовским народом, какой сделал из меня человека и писателя, свидетеля жизни моей Веселовки, ее такового красивого города, жизни своего времени и наступившего века.

Максим Веселовский

Глава первая

Женка моя как-то намеренно сказала:

- Слушай, Темирбай-оглы, читаю я авторов всех времен и народов, твои произведения тоже удосуживаюсь и прихожу к выводу, что у всех вас в произведениях ужасная скучища! Ну скучно все у вас, неинтересно, не занимательно... А можно ведь какие-то тексты оживить, найти какие-то литературные приемы и находки, чтобы как-то взбодрить читателя. Ну, скажем, сделать какое-то отступление, передышку вроде и что-то такое сказать, как у нас принято, про Абрама и Сару. Ну, скажем, вот такое:

«- Скажи, Абрам, почему ты так поздно женился?

- Видишь ли, Сара, прежде чем решиться на такой серьезный шаг, я хотел иметь надежный и постоянный доход.

- И ты его имеешь?

- Да. Я получаю пенсию по старости».

Или вот еще такое:

«- Скажи, Абрам, вешать лапшу на уши - это прогресс или регресс?

- Конечно же, Сара, прогресс.

- В чем его суть?

- Хотя бы в том, что он помогает читателю уметь. Лапша на ушах хоть чему-то учит».

Или возьмем хотя бы это:

«- Скажи, Абрам, есть ли разница между кошельком и сердцем?

- Ну, Сара, еще какая! Сердце бьется всю жизнь и всегда наполняется кровью, а кошелек тоже бьется всю жизнь, но часто и густо пустеет. Оставь сердце без крови, и оно просто умрет».

Я бы еще и такое приплела:

«- Скажи, Абрам, почему наш кот так ластится к тебе и очень внимателен, когда ты ему лично читаешь свои стихи?

- Так ведь больше некому их читать. Ты к стихам равнодушна, а кот у меня прилежный слушатель, потому как, видно, любит стихи. Мне кажется, что он в свое время где-то окончил шесть классов, а потому грамотный».

Вот я назвала тебя сегодня обычным именем Темирбай-оглы, тогда как ты на самом деле есть Максим Веселовский. Вижу, что ты даже улыбаешь-

ся, когда я назвала тебя не твоим именем. Почему бы нашим современным писателям не кувырнуться в сторону какой-то смешинки? Так нет же, вас держат какие-то условности литературного плана, от каких просто спать хочется.

- Ну, друг мой, ты мне такую занимательную тему подкинула! Если автор намерен писать нечто комедийное, скажем, для эстрады, для тех же русских бабушек, то тут автору и карты в руки. А если у человека серьезный роман о человеческой жизни? Что мог юморного сказать Фадеев в своей «Молодой гвардии» или тот же Толстой в «Войне и мире»? Нет, Жакен Калкеновна, у литературы своя специфика. У нее есть свои жанры, своя последовательность, а у жанров - направление и назначение.

- Я понимаю тебя, Тутеш-оглы, все это абсолютно правильно, но ведь нельзя все время быть у жизни на поводу. Надо ее как-то уметь разнообразить, делать ее как-то привлекательной. Вот мои бабки, что днями-вечерами кучкуются на завалинке, так говорят, что человек сегодня должен иметь два-три, а то и более личных имен. Зачем это нужно? У бабок свое мнение. Мир сегодня, говорят они, какой? Просто безобразный мир, не тот, что был в их годы при Сталине, при хрущевском коммунизме. Посмотрите, какие нынче люди! Все куда-то на машинах спешат, куда-то рвутся, не замечая даже пешеходов, каких сбивают и мчатся далее по своему направлению, бросая раненых, а то и убитых ими же пешеходов. Что ими движет, кто их гонит? А одна забота - добыть деньги. Теперь они и в СНГ в каждой стране свои, свои кровные...

У нас так наша кровная тенга, в России - так вечный рубль. У нас в нашем одиннадцатитысячном поселке на работу, по сути, некуда воткнуться, тогда как до СНГ тебя всюду встречали хлебом-солью, лишь бы ты упирался рогом. В локомотивном депо при коммунизме так было почти восьмисот человек, а нынче, говорят, и двухсот не набирается. Скажи, куда народ подевался? Фронт работ остался прежний, ремонт только теперь электровозов: по-нашенски, им также надо приделывать ноги, чтобы они бегали.

Конечно, на тепловоз требовалась целая армия слесарей разного профиля. Тут должны быть дизелисты, автоматчики, топливники, аккумуляторщики, электрики, ходовики, а на электровозе - электрики да ходовики. В целом же тепловоз и электровоз - тяговая сила, какой надо давать жизнь. А давать ее могут только специальные люди, слесари значит, каким ты и

был, Максим, целых три коммунистических пятилетки. Из двенадцати гавриков, то есть вас, присланных в Веселовское депо на отработку, остался только ты один, отдавший твоему одноименному поселку целых шестьдесят лет. За это тебе, Тугамбай Дарибаевич, надо поставить памятник!

- Ну ты даешь, Бикеш Калкеновна! Сразу и памятник... За какие такие заслуги?

- Вот смотри, Адамбай Калкен-оглы, ты уже делаешь подвиги с юмористическими проделками. Я была у тебя и Бикеш Калкеновной, и Рабигой Тутешевой. Думаю, в заначке у тебя и еще найдутся для меня экзотические имена, какие мы только слышали по кино и в жизни. А я ведь во жизни, Сегизбай Тукен-оглы, всего лишь Надежда Веселовская, а не какая-то там Рабига да Бибигуль.

- А ты, Кадиша Темиргаликызы, так и недосказала: что советуют бабки на завалинке насчет различных имен для одного человека?

- Так вот, запиши себе для памяти, Амантай Калкенович. Бабки говорят, что люди нынче злые, завистливые, глазливые. Есть такие, какие могут позавидовать твоему благополучию, твоему уравновешенному богатству, твоей красоте, красоте и благополучию твоего сына или дочери. По первому случаю они могут пожелать тебе разорения и чтоб твое богатство перешло к ним. Он будут называть твое подлинное имя, а у тебя их два или три, так что вся их зависть падет на имена, которыми мы кличем друг друга, оставляя наш собственные неприкосновенными. Бабки могут пожелать молодым парням бросить своих жен и взять бабкиных дочерей. И наоборот - бабкины дочери присушат себе богатых и деятельных парней. Нечто подобное мы уже видели в собственном поселке. Думаю, нынешние бабки на многое способны, им до лампочки наш новый век и тот же Интернет.

- Бабки эти, как я вижу, многое могут. В них столько коммунистической довоенной и военной закваски! Они, говорят, и впрямь могут присушить для своего сына молодницу или же успешного бизнесмена для дочери или для внучки. Не знаю, как подействует нынешний век на бабок нового поколения, только старые бабки времен очаковских и покорения Крыма многое могут в принципе зла, присушить парня или девку. Говорят, это у них классически получается. А все как они и теперь живы сталинским и хрущевским временем, какое всегда несло в себе много зла. Сталина за его

«врагов народа» надо бы было и близко не ложить в Мавзолей, а Хрущева сослать на жительство в один из целинных совхозов и поселков. Нам же с тобой, Рабига, бояться нечего, бабки нам до лампочки, поскольку мы с тобой уже поменяли восьмерки на нули. Богатства у нас с тобой нет, хозяйства никакого нет, присушивать у нас некого, поскольку дети наши проживают на Алтае, куда бабки взглядом достать не могут. Так что, Кадишакиды, мы можем жить и спать спокойно. Однако они видели намеренно, какое мы купили аховское кресло, на каком можно даже вращаться, что и делают наши правнуки, когда навещают Веселовку. Так что будем жить, Рабига, своей жизнью, а на бабок ноль внимания и два презрения.

- Главное, Сагентай, ты с бабками здоровайся, но в разговоры не вступай. Чего они со старика могут взять? Присушивать тебя они не станут, поскольку чувствуют, что ты недееспособный. Денег ты им на бутылку не отвалишь, чего они всегда добиваются от прохожих с предложением погадать и сказать правду. Богатства у нас с тобой, Марат Тугамбайулы, как у латыша, живем лишь на живую пенсию. Видишь ли, Сагентай, пенсия - она и в Африке пенсия, так что рваться нам в целом некуда, разве что в областной центр да в новую столицу, в какой я отродясь не бывала - ни в старом ее названии, ни в новом. Я плохо знаю и свой Сарыаркинский край, кроме моей Веселовки, где родилась восемь десятков лет назад. Здесь я слышала голоса о войне, потом о Победе. Потом первый класс и десятый, потом вас принесло в Веселовское депо, потом наша с тобой любовь, венчание, наш сын Валерка... Сколько нам судьбой определено, Тугамбай, прожить - неведомо, только, слава Богу, по аптекам мы не шлюндраем, в больнице не знаем, где вход, тогда как бабки, если их послушать, состоят из сплошных болезней. Выходит, среди них я сама боевая, самая подвижная, самая безболезненная, а они так просто ждут своего конца, о чем и сообщают своим детям и внукам, какие присылают им деньги на аптеку и лечение...

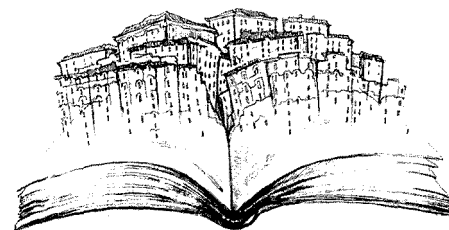
Вот такой у нас состоялся с моей Надеждой-Кадишой да Батимой в апреле 2018-го разговор. Не знаю, как мой поселок Веселовка принял холодный и даже снежный апрель, только областной центр сказал по телевидению, что его засыпало снегом чуть ли не по самое колено. Ну, не ведаю, чего это природа так давит на нашу Сарыарку, только Веселовка на двести верст ближе к южной столице, а это наверняка и спасает ее от снежных

заносов. В целом же мы ждем в своей Веселовке настоящей весны и настоящего тепла, а с ними потепления во всех душах веселовских жителей.

Не знаю, как и где, а у веселовских жителей души за минувшую зиму истинно похолодели. Ну, во-первых, зима давила их своей потребностью тепла во всех квартирах двух-, трех- и пятиэтажных домов одиннадцатитысячной Веселовки. Все квартиры в домах отапливаются обыкновенными крестьянскими печками с плитами, вьюшками да поддувалами. Такое убожество навалилось на веселовцев двадцать лет назад. Интересно, что все эти двадцать лет веселовцы несут этот крест, никуда не жалуются и никуда не пишут. Знатоки так говорят: бесполезно о том затевать разговоры в верхах, поскольку верхи знают всю веселовскую историю.

А история заключалась в том, что в Веселовке была-таки большая и мощная котельная высотой в добрую пятиэтажку, какая проработала всего лишь семь лет. А после развала Союза и коммунистической поры котельную почему-то закрыли как нерентабельную и даже разорительную для государственного бюджета. Трубы в четырнадцать километров от котельной до поселка в две нити и диаметром что-то аж в половину русского метра порезал и куда-то увезли, четыре мощных котла тоже демонтировали и куда-то дели. Так что Веселовка осталась на бобах, ни с чем, голая, как мать родила.

Что думают местные веселовские власти и областные - Бог весть, только веселовцы привыкли к своему положению и считают, что так и надо. Веселовка уже двадцать лет на собственных печах живет, двадцать лет заботится об угле и дровах. Веселовке в прошлом 2017-ом была круглая восьмидесятка, лет пятьдесят она понятия не имела о каких-то котельных. Десять лет пользовалась цивилизацией, а в последние двадцать лет новая эпоха сделала свое темное дело.

Глава вторая

Не знаю, не ведаю и не придумаю, каким образом моя фамилия сплелась с именем моего поселка Веселовка, о существовании какого я понятия не имел до 1959-го, когда нашу училищную братву в двенадцать гавриков прислали в Веселовское локомотивное депо отрабатывать свои четыре послеучилищных года. Акмолинское железнодорожное училище по тому времени только-только начало готовить тепловозников всех мастей, от слесарей до помощников машиниста. Машинистов, как нам говорили, готовили какие-то дортехникумы, о каких мы только слышали.

Братва моя и я лично удивлялись такому необычному совпадению моей фамилии с названием поселка, в каком нам требовалось отработать по четыре года, установленных какими-то правительственными указаниями да постановлениями. Такому совпадению удивлялись многие, а начальник отдела кадров депо так особенно. Он меня даже как-то спросил:

- Скажи, Максим, а не бывали когда-либо в прошлые времена твои предки в местных краях? Народ ведь у нас мудр, но по имени своего хозяина мог назвать и село, в каком они жили и в каком служили своему хозяину.

- Я понятия не имею, Тугамбай Калкенович, о своих предках, где они родились, где крестились и где обитали. Я только единственно что знаю, так это то, что отец мой был трактористом в совхозе Кенбидаик Кургальджинского района, а на войне танкистом. Чей он сам и кто его предки, понятия не имею. Думаю, что это случайное совпадение - Веселовка и Веселовский. У Веселовки своя жизнь, у Веселовского - своя, так что мы просто обязаны будем друг друга дополнять.

- Ну и правильно, Максим. Сейчас тебе только двадцать, а дальше жизнь покажет, кто чего стоит...

Не знаю, как училищная братва, только я полюбил Веселовку с первых ее улиц и переулков. На одном из них, носившем название улица Пионерская, и проживала моя будущая любовь, женка и судьба - моя Надежда Ильинична по фамилии Катгулевич, что отдавало далекой Белоруссией.

Когда мы познакомились с Надеждой на веселовских вечерах, Надежде было двадцать, а мне аж целых двадцать три. Ну, думал, двадцать - они и в

Африке двадцать, потому наше знакомство не обязано было продолжаться месяцы и годы. А через каких-то сорок дней и ночей после нашего знакомства я предложил Надежде венчание. На свадьбе была вся моя училищная братва, какая проживала, как и я, в веселовском общежитии ВОХР, что расшифровывалось как Веселовское общежитие холостых рабочих.

Родители Надежды не сопротивлялись такому быстрому скачку их старшей дочери, поскольку у них на руках были еще две, но школьницы. Вероятно, это и заставило их поддаться на просьбы их старшей о браке со мной, обычным слесарем, а не каким-то там закрученным доктором или педагогом. Проще всего выскочить было за какого-то инженерешку депо, только я наверняка опередил их всех, поскольку женка моя оказалась сущей красавицей, которая достойна была настоящего принца, а не такой бедной и потрепанной мелюзги, как я.

Достоинством же моим было лишь то, что до Надежды я не знал поцелуя, кроме материнского, и вообще боялся находиться в девичьем кругу и утомляться их вниманием. Не умел я общаться с прекрасным полом ни в детстве, ни в десятом классе, тогда как мои сверстники на месте могли рвать подметки. И рвали, и ухаживали за девчонками, и даже целовались. А после поцелуя кто знает, что может быть... Я того не знал и не представлял романной любви, как в той же «Войне и мире» и ей подобных. Единственное, что отличало меня от других: я неплохо шарил на баяне. Вот шарил себе в усладу, а там хоть трава не расти!.. Веселовка, конечно, прознала о таком общежитейском весельчаке, потому и приглашала его на свои домашние мероприятия. На таких мероприятиях, конечно, наливали «беленькой», но я постоянно отказывался, говорил, что не пью, не умею этого делать, поскольку не приучен.

А не пил, поскольку матушка всегда говорила мне, что отец мой отродясь не пил, хотя было за что и было на что. Не знаю, из какой семьи были его предки, только отец выпивоном не занимался, что просто обижало его близких и далеких друзей. Матушка тоже его в этом деле не поддерживала и говорила, что противопоставлять себя обществу не к лицу молодому и красивому трактористу, умеющему хорошо работать, зарабатывать и приносить домой деньги все в женкин кошелек. А как она управлялась с ним, это знала только она одна. Советовались они с моим отцом или нет - не ведаю, поскольку мало чего знал в свои пять лет, когда отца забрали на фронт.

В тот военный год моей сестренке стукнула только тройка лет, а старшему братану - целых двенадцать. Матушке он оставался серьезным помощником во всех делах с нами, малыми балысятами, какие истинно под стол пешком ходили. Матушка постоянно пропадала на кенбидайских пашнях, поскольку была комбайнером прицепного комбайна «Сталинец», какой она освоила с первых дней войны. Такой совет был дан ей моим отцом, какой не признавал ее уборщицкую должность в местной больнице. С ее четырьмя классами образования комбайн ей все равно покорился, а дальше были настойчивость, упорство и желание содержать семью. Без мужа осталась не только она, потому женщины трудились всюду. В совхозе работы хватало всем. На их руках были скотные базы с крупным рогатым парком, с местной мельницей, с ветеринарной больницей, с местным клубом и местной конторой, где обитало все кенбидайское начальство, руководившее совхозом и всем аулом Кенбидаик.

Сейчас это только память. Минуло с той поры как бы не все семьдесят пять лет. В нынешнем, уже 2017 году я разменял свою круглую восьмерку с большим нулем и вот уже целый год иду по своему девятому десятку. Моей Надежде восьмерка шибанет в 2019-ом, а это будет означать, что в доме №28 в Веселовке, на улице Кыздарбекова живут своей жизнью и старятся две бывшие деповские жизни, отдавшие Веселовскому депо по сорок лет своей жизни.

Когда я уходил из депо на «дембель», старого нашего кадровика Тугамбая Калкеновича Каскырбаева уже не было в живых, что было для меня лично крайне печально. Моими предками он интересовался много раз, но я ничего не мог ответить вразумительного насчет моей фамилии и нашего села. Это и теперь остается загадкой мне и всему моему Веселовскому окружению.

Женка моя тоже стала Веселовской, и сын наш и его дети ходят по свету Веселовскими, что четко и ясно отмечено в их паспортах. К тому, что я есть Веселовский, за свои восемьдесят лет я привык, а вот почему Веселовка стала именно Веселовкой мне, видать, никогда не удастся узнать. Может, только спецы когда-нибудь разберутся, только вряд ли им захочется этим заниматься...

По нынешним временам спецов можно бы и нанять, но для этого потребуется куча башлей. А где их возьмет пенсионер долбанный? На жизнь,

па деликатесы, на поездку к детям на Алтай вполне хватает и даже остается, а вот на такие развлечения с Веселовкой - извините! Пусть Веселовка остается Веселовкой, пусть по-своему она живет и кувыркается, а мы, семья Веселовских, то есть я и моя Надежда, будем жить своей жизнью Веселовских в своем поселке Веселовка.

Хотелось бы оповестить моего доброго и внимательного читателя о том, как я жил и живу в Веселовке все эти шестьдесят лет. Почему-то считаю, что некоторым будет интересно, может, даже и занимательно. Может, я где-то начну сползать на «Исповедь» Жан-Жака Руссо, какая, думаю, и не такая уж скучная вещь, хотя я, признаться, не раз засыпал над некоторыми его страницами. Кто знает, почему так получилось, только, думаю, мысли и поступки трехсотлетней давности не по вкусу нашему нынешнему читателю и нашему времени. Нашему так подавай нечто веселое, экзотическое, выращенное на современной нашей почве. Сейчас ведь кругом мобильники, ноутбуки, компьютеры, Интернет, смартфоны и прочие новинки современной цивилизации, какими можешь связаться за считанные секунды с нужным тебе собеседником, находящимся в любой точке нашей планеты. Такого не было при Жан-Жаке Руссо. Он подавал читателю простую человеческую жизнь со всеми ее недостатками и наполнением. У нас художественной надуманности непочатый край, однако мы ее принимаем, по-своему оцениваем и даем какую-то свою оценку.

Вот такие у нас с женкой дела на нашем долгосрочном «дембеле», какой на сегодня длится уже двадцать лет. У женки моей свои дела, у меня - свой. Она так с утра до вечера занимается со своим планшетом, по какому связывается с детьми на Алтае, какие демонстрируют для ее своих детей, какие являются для нее правнуками.

Одной из таких правнучек является десятилетняя Настя и пятилетняя Карина. В Веселовку они приезжали уже дважды. На этот раз внучка Марина так привезла сразу обеих своих дочерей. Апрель 2018-го стал для нас с женкой шепутным, дотошным, хлопотным и где-то даже бессонным. Внучкой и ее детьми занималась больше всего моя Надежда, то есть бабушка, а я выполнял все ее указания.

Магазины мне не доверялись, потому как бабушка и внучка с детьми безумно любили магазинные вояжи и шлюндранья и все покупки в них. Правнучки бросались на все экзотическое, бабулька же тратилась на все

с удовольствием. Куклы разного размера и фасона в нашей квартире так шагали, прыгали, кувыркались и падали чуть ли не в каждом ее углу. Дети тому радовались и прибирали кукол в свои упаковки. Разные медведи, обезьянки и собачки с кошечками тоже знали свое место на диване, в креслах, на столе и на телевизоре. Дети делали все, что хотели, и, может, только завтра и обед отрывали их от дела.

Как справлялись с ними мама и бабушка - не представляю, только малютки в постель не бросались, а после всех вояжей по магазинам занимались своими покупками. Я так больше молчал, налегал на Есенина, на Исаковского с Твардовским, какие меня как-то подогревали, и даже вечерами, когда все отдавались в объятия Морфея, я усаживался у себя в комнате за свой журнальный столик и начинал что-то строчить. Женка поспывала и похрапывала, а я вел какой-то разговор со своими стихами и с прозаическими налетами вроде этих.

Такое наваждение прорезалось у меня как бы не все десять лет назад, вплоть до сегодняшнего дня. Удивительно, что первые «дегмбельские» десять лет я понятия не имел о том, чтобы садиться за стихи или какую-то прозу - не было у меня к ним ни вдохновения, ни притяжения. А вот последнее десятилетие почему-то навалилось на меня всей своей творческой одержимостью - что приходило в голову, то и писал. Приходили больше стихи, о каких я прежде не мечтал, да и вообще был тупой в стихоплетстве. Спросил у женки: не знаешь, почему со мной такие пушкинские штуки и есенинские завихрения? Спроси, мол, у своих бабок, может, они разъяснят, откуда такое со мной наваждение. Бабки - они ведь и в Африке бабки, потому они своей мыслью общаются даже с космосом...

И правда, спросила моя женка, такая же кровная бабка: что это за наваждение литературного плана навалилось на моего мужа? Ладно бы был молодым или хотя бы шестидесятилетним, а то ведь по девятому десятку топает ее дед, какой во сто шуб одет... Бабки моей женке так прямо и сказали, что это печать на грани отбрасывания копыт. Главное, на что бабки обратили внимание, что это зло не так далеко от объекта. По бабкиным прикидкам, объект просто заснет и не проснется.

- Ну ты, Кадиша Калкеновна, совсем меня расстроила и загнала в задумки о человеческой жизни, о ее начале, продолжительности и конце! Неужто я в свои восемь десятков отброшу копыта? Не знаю, с чего это

твои бабки взяли. Ведь я, Бибигулькизы, не курю и не пью, по утрам постоянно делаю зарядку, да и хожу в ту степь по три, а то и пять километров ежедневно без всяких выходных. Ты утрами так давишь до восьми-девяти, а я в половине седьмого сделал зарядку, побрился, умылся и сажусь что-то писать до твоего утреннего чая, который я как казахстанец люблю с самого детства. Мен де бас истейде, аягым истейде, Гульчатай шай береде, тагада не керек? Конечно, остается налегать на стихи и прозу, на то, что приходит в мою старческую голову. На машинах я не езжу, в магазины хожу по тротуару, куда машинам не дотянуться. Как это я, Алтынай Бикешкызы, могу отбросить копыта, когда меня столько лет абсолютно ничто не тревожит? По аптекам мы с тобой и больницам не шлюндраем, никаких прививок от нас с тобой как стариков не требуют, поскольку нет надобности в них. Питаемся мы с тобой так, как советует Елена Мальшева, не переедаем. На свинину и говядину не налегаем, а вот курочкам делаем харакири. Ну, курочка, она ведь легкоусвояемая, так что организму не надо с ней бороться, как с той же свининой или бараниной с прочей говядиной, какие организм просто устает переваривать, а курица легка на подъем в еде и в желудке. Не знаю, Сандугаш Каскенкызы, когда это меня оставят мои копыта... Бабки не называли сроки?

- Ничего они не называли и вообще имели в виду какой-то неопределенный предмет. Возможно, ты тут вообще ни при чем.

- Но ты же говорила о моих старческих закидонах в литературе, вот они и имели в виду именно меня. А я, представь, Карлыгашкызы, вообще не хочу отбрасывать копыта, поскольку у меня уйма творческих планов. Вот закончу эту книгу и буду с писаниной завязывать. Как-никак, а надо знать меру! Вот эта книга будет у меня пятнадцатой по счету, а потому надо завязывать с этим делом, чтобы не копировать старое в моих прежних книгах. Новое я вряд ли что придумаю, а повторить старое, да на какой-то новый лад - на то у меня ума хватит...

Далеко мне до Пушкина, Лермонтова да Есенина, а потому надо завязывать с писаниной уже в этом 2018-ом. Может, и голове моей уже надоело мыслить аналитически и политически, так что надо дать ей покой и отдохновение.

Глава третья

Ну, не знаю, что бабки на своих посиделках говорили моей женке - такой же, как они, старушенции - о моих старческих поэтических завихрениях, только предсказания насчет отбрасывания копыт меня насторожили и держат в плену уже не один год. Из тех самых бабок две так сами отбросили копыта, мы их проводили в последний путь и даже положили на их могильные холмики по какому-то цветку. Что удивительно, бабок молча опускали в могилу, каждый сопровождающий бросил на гроб по горсти земли. Бабок закопали, и никто не сказал о них ни перед этим, ни после ни единого слова - об их жизни в Веселовке, об их работе, об их жизненном подвиге. Видно, что это сейчас не принято или бабки были обычными простыми бабками, какие просто жили, просто работали и просто растили своих детей, какие приехали из разных краев на похороны своей матушки.

В Веселовке такую печальную картину приходится видеть не раз и не два, на что моя женка Надежда-Кадиша да Бибигуль как-то сказала:

- Вот смотри, Тугамбай Бикеш-оглы, вчера так проводили в последний путь еще одну из наших бабок из нашей посиделки. Боевая и шустрая была бабулька, как электровеник. Главное, грамотная, в школе училкой работала. Троих своих детей вырастила, в люди определила, какие оставили провинциальную Веселовку и подались в свет наловлю счастья и чинов. А Веселовка славилась лишь железной дорогой и всеми железнодорожными организациями в ней. Шустрая все-таки была бабка, а вот два года не дотянула до круглой восьмерки. И не болела ведь, и ни на что вроде не жаловалась, а вот смотри ты - заснула и не проснулась. Это что за наваждение на сегодняшнее человечество? Что ты о том думаешь, Тюлебай Калкенович? Может, на то нынешний космос влияет, в каком и ракет хватает, и самолетов разных, и испытания атомных бомб в атмосфере, в воде и под землей?

- Ну ты даешь, Рабига Амантайкызы, какой космос? Семьдесят восемь, Рабига, это тебе не двадцать, не тридцать и не все шестьдесят даже, а ведь делаю восьмерка почти, что, по сути, совсем немало. Посмотри на наших предков! Поэт Николай Некрасов прожил всего лишь пятьдесят семь лет, наш современник поэт Николай Заболоцкий так целых пять лет не дотянул до своего шестидесятилетия. Твардовский так только несколько-

ми месяцами наступал на злополучную семерку, какая и свела его в могилу.

Ну чего бы такому большому поэту, автору «Василия Теркина», не покувыркаться хотя бы до лет Льва Толстого? Так нет же, видно, у природы свои законы...

- Ну, а чего она вдруг заснула и не проснулась? Чего ей не хватало? Ведь жила бойко, красиво, небедно, на месте подметки рвала, ни в чем не нуждалась... И вдруг заснуть и не проснуться? Такое, Сагентай, может случиться с каждым из нас? Скажем, со мной, с тобой, с нашими детьми?

- По этой части, Кадиша Корпешкызы, я тупой, как сибирский валенок. Мен бельмеем, что делается в свете. Заснуть и не проснуться - природа знает давно. Какие тут действуют силы, я теряюсь что-то сказать вразумительного, а вот медики наверняка знаю всю эту жизненную подоплеку. Мой братан Иван, ты же знаешь, точно также заснул в мае 2012-го и ис проснулся. Я два с половиной года крутился подле него, поскольку его разбил инсульт, но он был в памяти, не ходил, но сигареты потягивал одну за другой. Упаковки в десять пачек ему хватало не больше как на неделю. Видно, на роду у него было написано заснуть и не проснуться... Не знаю, Кадиша, что советуют тебе твои бабки насчет меня, только я не хочу отбрасывать копыта ни сегодня, ни завтра, ни в 2018-ом, ни в 2028-ом. Хочу дотянуть до девяноста пяти, как некоторые наши медалисты, участники прошлой войны. За эти годы я могу родить несколько дополнительных книжек. Не хотелось бы, Бибигуль, чтобы вот эта книга была последней. Я, конечно, хочу и ей приделать ноги, чтобы она бежала по Веселовке, а то и по всему Казахстану. Уж обо мне тогда точно заговорят, а за моим гробом речь так наверняка произнесут. Хотя она мне будет до лампочки, но в людях останется обо мне какая-то память. Память, Амина, тоже вещь наша житейская...

- Не знаю, как насчет памяти, Абдрахман Тутеш-оглы, только я не хочу, чтобы ты копытился именно в твои восемь, а то и в девять. Когда я отброшу копыта, ты еще можешь покувыркаться, а там тебя деповчане зароят и наверняка произнесут речь. Как-никак, а ты есть наш Веселовский писатель. О тебе мало кто знает, но кто-то все-таки тебя усек как писателя и как поэта. Это простые работяги тебя не знают, а начальство наверняка что-то о тебе да знает, поскольку оно, небось, навевается временами в пашу библиотеку, а там все твои книги лежат. Не могут же они не заметить

такие красочные книги, да еще своего собственного веселовца! Веселовца уж точно в Африке не встретишь, а вот в Веселовке можно встретить.

- Ну, не надо так громко, Жанар Сутбаевна. Это я для тебя писатель и поэт, а для веселовцев я обыкновенный старикан. Ты же знаешь, Жанар Жаксыкызы, что меня никто не читает, кроме тебя. В библиотеке все мои книги лежат без движения, а почему - не ведаю. Я бы так на них набросился бы только из-за их красоты, выполненной типографией «Арко», какой я кланяюсь и какую надо бы увековечить в памятнике.

- И правда, почему тебя, Дарибай-оглы, не читает Веселовский читатель? Или он с появлением Интернета вообще разучился читать?

- В том есть своя логика на сегодняшний день, Аминакызы. Ну разве нет допотопной логики в действиях Горбачева, давшего указания вырубать виноградники - якобы рассадники пьянства? И ведь вырубал кто-то и где-то, но основной-то народ эти указания не поддержал, и Горбачев остался в своем корыте. Сейчас ему аж восемьдесят семь, и хоть когда-нибудь он анализировал свои поступки как глава государства? Думаю, что до него такое вряд ли дойдет, потому как он остался прежним трактористом, а не руководителем государства. А насчет того, что не читают... Так нынче читатель кто? Такие же стариканы, как и я. Молодежь нынче в библиотеку никакой манной небесной не заманишь, а старики больше бросаются на тех, кого они прочли в юности, да с годами забыли о них. Вот не прочли они всего Пушкина и Лермонтова, всего Тургенева и Толстого, не прочли и того же засону «Обломова» талантливейшего автора Гончарова. Читать их было просто некогда, тогда как школа давала конкретные произведения изучаемых авторов. По Пушкину так надо было знать «Евгения Онегина», по Лермонтову - так «Смерть поэта» да «Героя нашего времени», а по Тургеневу - его неизменных «Отцов и детей» без всяких охотничьих рассказов.

Не знаю, как там кувырчался прочий книжный мир, только школа требовала знать конкретные произведения, начертанные на школьной программе. Было все это как бы не все годы, когда мы учились с тобой с восьмого по десятый класс, когда изучались эти самые Онегины да Печорины с Базаровым да Обломовым. Не знаю, Жанар Тукенкызы, чем и как живет нынешняя школа, только мыв свое время любили ее, любили своих учителей и старались выполнять все их задания. Говорили выучить наизусть

такую-то строфу из «Онегина» - выучивали и читали в классе вслух. Учительница оставалась довольной к стихам и к дикции ученика и что-то записывала в свою тетрадь. Читали мы наизусть «Смерть поэта» и даже что-то из «Железной дороги» Некрасова. Что делается в школах нынче - не ведаю, но, думаю, им далеко до наших сталинско-хрущевско-брежневских времен, когда умели ценить писателей и поэтов прошлого. Ценили мы и живших в наши дни Фадеева, Шолохова, Твардовского, да и Исаковского и прочий писательский мир нашей эпохи...

О прошлых днях и летах школы наших с Надеждой времен очаковских и покоренья Крыма говорилось нами не раз. Толкала нас на то не иначе как уходившая от нас молодость, какой не иначе как хотелось, чтобы о ней помнили и, может, даже писали о ней. Какими мы были в первых, вторых и последующих классах, сейчас вряд ли можно вспомнить отчетливо. О себе я так вообще ничего определенного сказать не могу, потому как абсолютно ничего не помню. Кто была моя первая учительница - не помню, не помню ни ее лица, ни имени.

Более всего так отложился в памяти второй класс, когда нам сказали, что закончилась война, и притом нашей Победой. А потом на центральной площади нашего аула было грандиозное празднество с митингами, гулянием и обильным праздничным угощением, каким мы, пацанва, пользовались на всю катушку. Ели бешбармак и баурсаки, пили крепкий казахский чай с теми же баурсаками и конфетами, неизвестно откуда появившимися. В общем, на день Победы мы, пацанва, чувствовали себя тоже героями и даже были готовы рваться в какой-нибудь примитивный бой.

День Победы в том победном мае 1945-го в нашем ауле праздновался еще как бы не два или три дня, только нас, пацанву, туда уже не допускали. Правда, после школы туда заскакивали и мы на бешбармак и баурсаки.

Не знаю, как встретила День Победы моя женка, только в тот день ей было шесть лет, и она понятия не имела, что такое школа, бешбармак и баурсаки. Теперь я почему-то считаю, что память - она где-то дурная по себе. Ну дура неотесанная, и все! Чего надо, она не помнит и понятия не имеет о том или ином событии или человеке, а вот что-то дурное и незначительное она хранит, как говорит, да гроба... Ну чего было помнить на празднике этот самый бешбармак, конфеты и баурсаки? А вот первую свою учительницу не помню ни вдоль, ни поперек, ни по фамилии, ни по имени.

Сейчас, говорят, проще простого. Пройдут годы, а то и целый век после смерти твоей первой учительницы, а твой ноутбук или смартфон непременно скажет, кто была эта твоя первая учительница. Нынче век такой наступил, что за человека может думать даже техника. Роботы так вообще превращаются в человека и даже делают его работу. А все как нынче другой мир, другой век, другая человеческая эпоха.

В новую эпоху я попал уже пенсионером. С 2000-го по сегодняшний день топчу веселовские улицы и переулки, а тротуарами так ухожу за поселок в ту степь и делаю свои ежедневные три-пять километров. Делаю это я все пенсионные годы и думаю, что эти километры как-то да продлят мою жизнь. На бабкины заверения, что я скоро отброшу копыта, я ноль внимания и два презрения, но, буду откровенным, что-то где-то да давит своей неизвестностью и какой-то потаенной боязнью без времени отбросить копыта...

А я, друзья мои, хочу жить. Хочу успеть закончить ту наверняка мою последнюю книгу. Что в ней будет, пока не представляю, какое ей дам название - тоже. Набегают сегодня такие, как «Веселовские вечера», «Веселовские дни и ночи», «Мое веселовское небо». Думал над всеми этими названиями - не привлекали они меня. «Веселовское небо» так вообще предполагало говорить о человеке неба, о летчике, какой на маленьком «кукурузнике» распылял над Веселовскими полями удобрения, что делалось, говорят, в сталинско-хрущевско-брежневскую эпоху. Сейчас вроде такие мероприятия не проводятся.

Тогда были колхозы и совхозы государственного подчинения, а нынче повсюду главенствует частник. Поле и земля нынче частные, посевы и урожай, уборка зерновых - все частное, все в руках одного хозяина, как было при царе-батюшке и при нынешнем капитализме. Как там растет зерно, что дает колос - белый свет не знает, это только хозяину и нужно. Если будут знать многие, то станут донимать какой-то помощью, и им непременно надо платить. А так хозяин сам крутится, как белка в колесе, и сам за все в ответе.

В магазинах, как мы видим, хлеб есть всегда, любого цвета и любого сорта, за то люди и благодарны хлеборобам, какими бы они ни были. Мы-то теперь знаем из телевидения и вообще из жизни, что нынче над всем довлеет частник, а как он крутится и добивается своих результатов, это уже

зависит лично от него. Не сделали на полях снегозадержание, как это было в сталинско-хрущевскую эпоху - пеняй, частник на, себя. Без снегозадержания на полях в весенний сев земля может оказаться просто сухой, пеувлажненной.

Как нынче хлеборобы справляются со своей работой, я не представляю, но знаю, что нынче никакое снегозадержание не делается уже как бы лет пятьдесят. В мою пору, когда я работал на целинных землях 55-56-ых годов, за полем ухаживали, как за малым дитем. Нынче же не ведаю, как крутятся хлеборобы, чтобы поднимать урожай. Наверное, надеются на Аллаха и на природу, какая пошлет дожди. Но эти товарищи бывают такими скупыми, о чем и телевидение говорит в открытую. В одних местах СНГ хлеб удачный, в других - крохи, а не центнеры с гектара...

В общем, говорить мне о себе есть чего. О школьных днях и о своем десятом классе говорить не стоит, поскольку был я в этом десятом ровно шестьдесят три года назад. Куда подевались мои одноклассники, я понятия не имею, ни об этом из них. А нас ведь в классе было аж целых двадцать гавриков. Уйдя из десятого класса на целину, а после в железнодорожное училище, я никогда не встречался ни с одним из моих одноклассников и вообще не знал их судьбы. Слышал краем уха, что Любовь Мамонова подалась в Одессу и делала свою судьбу там. Валя Гаврилина, опять же по слухам, обосновалась где-то в Ерментауском депо. Те же жалтырские слухи донесли, что Николай Райков обосновался в Новосибирске, а Тамара Боковина так прыгнула аж в Прибалтику. Петр Калиновский и Лина Юлдашева вроде поженились и вроде обосновались в Балхаше. Немецкие товарищи так ударились в свою Германию, в чем им никто не препятствовал. Теперь я даже их фамилий не помню. Знаю, что были очень грамотные и аккуратные юноши и девушки, каких мы всегда уважали и даже учились у них хорошим манерам.

Всем нам на сегодня стукнуло бы по большой восьмерке с нулем, а то и с хвостиком. Все мы были в то время одноклассниками. Кто из моих одноклассников жив-здоров и где он обитает - не представляю. Жалтырские слухи об их размещении были услышаны мною лет шестьдесят назад, а за по время многое могло измениться. Так что из всех двадцати пяти моих десятиклассников я знаю только себя, только себя единственного. И все же, друзья мои, не думаю, что из двадцати пяти одноклассников в живых

остался только я один, такого быть не может. Однако где же все остальные двадцать четыре гаврика, куда их занесла судьба и наша тогдашняя молодая жизнь, подогретая целиной, Хрущевым, собственным комсомолом и призывами, как говорили, родной коммунистической партии, какая довела над всем советским народом?

А я так в двадцать лет после Акмолинского ЖУ обосновался в Веселовке, какая стала моей судьбой на все шестьдесят лет и на всю мою оставшуюся жизнь. Сколько я еще протяну в ней - не ведаю, но на здоровье пока не жалуясь. Ничто меня не тревожит, никакие хвори не донимают, а донимают лишь мои творческие поползновения - свои собственные стихи, проза и вот эта, по моим расчетам, моя последняя книга.

Отделаться от них не могу и в мои сегодняшние сексен быр жарым. Себе же и женке сказал: заканчиваю эту книгу и на том завязываю всю свою творческую деятельность. Буду отдаваться телеку, а там пусть жизнь сама решает, как со мною быть. Или она пошлет ко мне костлявую с косой, или я буду доживать до лет Владимира Зельдина, большого артиста России, какой только недавно покинул этот свет в возрасте ста одного года. До стольких лет в нынешний наш век я вряд ли дотяну, а вот до девяти десятков хотелось бы...

Эту самую книгу я добыю в 2018-ом, а выйдет она в свет где-то в 2019-ом, в каком мне стукнет восемь с двойкой, а моей Рабиге-Гульчатай и Маргарет Тэтчер, то есть моей женке Надежде, так шибанет круглая восьмидесятка. Приедут ли дети на эту восьмидесятку - Бог весть, только случится это 25 марта, когда еще будет лежать снег и в нашей Веселовке, и на том же Алтае. А какой будет вот эта моя книга - не представляю, какое будет иметь название - тоже, только закончить я планирую-таки в нынешнем 2018-ом.

Перелистывая черновики, заметил: в книге я больше говорю о себе, как это делал Жан-Жак Руссо триста лет назад в своей книге «Исповедь». Наверное, и правда говорить о себе - значит исповедоваться перед людьми, перед обществом, перед большим народом, перед своей страной и даже перед большим миром. Лично я не хотел делать этого, не хотел уподобляться Жан-Жаку Руссо, но у литературы свои законы, и мне пришлось подчиниться им. Коль я им подчиняюсь, значит, я в чем-то выигрываю. А в целом, выигрываю я или проигрываю, только название моей книги

нее равно прилепилось к «Исповеди» все того же незабвенного и далекого француза Руссо, поскольку я дал ей название «Веселовская исповедь». Не знаю, как там было у Руссо триста лет назад, только у меня в мой век, своя жизнь и своя исповедь. А в целом, по моим прикидкам, исповедоваться я вообще не собираюсь, как это сделал Жан Жак Руссо, а о своей жизни расскажу просто, где-то и занимательно.

У меня был мой век с его жизнью, повадками, традициями, с его успехами и недостатками, с его каким-то прогрессом, а то и регрессом. Родился я перед войной в 1937-ом, в год, когда по стране разгуливало сталинское указание о борьбе с «врагами народа». Неведомо, откуда они взялись в большой стране СССР, тогда как их отродясь не было ни при Великом Октябре, ни после революции 1917 года, ни при Ленине, ни целое десятилетие после его смерти. А вот при организации коллективных хозяйств

колхозов и совхозов - вдруг начали появляться эти самые «враги народа», которые просто-напросто уничтожались, как безвинный маршал Тухачевский и тысячи ему подобных военных и самых простых жителей, как та же Лидия Русланова - обыкновенная артистка, обыкновенная певичка.

В моем ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области «врагов народа» не выявили, потому население аула трудилось во славу большого СССР и самой Москвы, какая всюду имела свою руку. Ее люди приезжали и в наш аул, шарили по нему, но ничего подозрительного не находили. Никто на советскую власть не жаловался, никто не говорил, что и магазинах нет одежды, материи, детских игрушек и много чего другого. Московские товарищи как раз и ждали подобного возмущения людей. Но такого они от кендибаикцев не дождались, а значит, не нашлось и «врагов народа».

А когда началась война, так я уже под стол пешком ходил. Батка радовался такому моему положению, часто брал меня на руки, и я подолгу сидел у него на коленях, раскусывая печенку или конфету. Отца взяли на фронт только на второй год войны, поскольку на всю механизированную братию совхозных трактористов кендибаикского тракторного парка районным военкоматом была наложена какая-то бронь, какая закончилась после хлебоуборочной отрады, вспашки яби, ремонта техники и какого-то снегозадержания на кенбидаикских хлебных полях. Только после

наступившего января 1942-го отец мой и вся его механизаторская команда были увезены в Акмолу, а оттуда их разослали уже по воинским частям.

Такие вот были дела, когда я появился на свет Божий. Батяка мой был обычным трактористом, обычным пахарем, какой ударно распахивал кенбидаикские пашни и в помощь арыктинские. В Арыкты был свой совхоз, но он не всегда справлялся со своими пашнями, какие тянулись до самого Кургальджино. Конечно, с батькой была и прочая механизаторская братия, какая умела работать и помогать соседям.

С началом войны кендибаикский тракторный парк, по сути, опустел, и на трактора стали сажать женщин. Села на трактор и моя матушка Анна Васильевна Веселовская, какая ходила на курсы трактористов-комбайнеров сразу же с началом войны. Батяка мой посоветовал ей сделать это, потому как знал: его заберут на войну, а его жене, то есть нашей матушке, оставаться с тремя детьми и жить на зарплату уборщицы будет просто бедно, а значит голодно и голо. Механизаторская же работа как-никак, а будет кормить и одевать в нужном порядке.

Насколько я помню, когда уже пошел в 1944-ом в первый класс, матушку отчего-то на трактор не посадили, а вручили ей большой хлебоуборочный комбайн «Сталинец». Штурвальным, то есть помощником, у матушки тоже была женщина. Комбайн матушки волочила по хлебному полю тоже трактористка, выпроводившая мужа на войну. Такой тандем продолжался всю войну, пока не пришла долгожданная Победа. С нею возвратились и несколько механизаторов тракторного парка. А вот батяку моего война не уберегла, поглотила...

День Победы, конечно, мы встретили с необыкновенной радостью. Матушка в честь такого знаменательного события так накормила нас, своих детей, хорошей питательной лапшой с курятиной и даже дала по тройке конфетных подушечек, отчего нам даже хотелось пуститься в пляс. Но делать такого мы не стали, а просто зацеловали нашу матушку, нашу дорогую маму.

В год Победы мы, мамыны детки, уже заметно подросли, и у мамы уже не было с нами больших трудностей. Мне так исполнилось аж целых восемь лет, и я ходил уже во второй класс, а сестренке стукнула лишь шестерка. Нашему братану Ване так шел уже двенадцатый год, и он, в общем, за нами все время приглядывал, когда мама была на работе - на той же хле-

боуборке со своим комбайном «Сталинец». Как-никак, а Ваня умудрялся сам готовить какую-то питательную похлебку из макарон или просто картошки, заправленную постным маслом. Продуктовые карточки еще не отменили, и мы питались тем, что они нам предписывали.

Так жили все, так жили и мы, дети Андрея и Анны Веселовских. Андрея Веселовского после войны не стало, а Анна Веселовская, то есть наша мама, растила нас и ухаживала за нами всю войну и после нее. В войну, по правде, приходилось и голодать, и холодать, но мы все вынесли. Как, наверное, и все жители нашего аула, какие умели помогать друг другу. Друзья мои часто подкармливали нас сестренкой баурсаками, какие я любил в те годы, люблю их и теперь, когда иду даже по своему девятому десятку. Наверное, эта привычка и любовь умрут вместе со мною.

Глава четвертая

Не ведаю, как там крутился шар земной, только наша жизнь крутилась по своей орбите. После всех победных торжеств победного 9 Мая в Кенбидаик нагрянули какие-то большие акмолинские силы, какие моего братана Ваню и нескольких его друзей, окончивших семилетку, с помощью милиции привезли в клуб и при родителях объявили, что их забирают от нас в Акмолинское ФЗО. Война закончилась, потеряно много бывших тружеников, а потому это заведение будет готовить новый рабочий класс.

- Жизнь теперь, друзья, совсем другая пойдет! Мы отвоевались, победили, за Победу положили много жизней, почему молодые ФЗОшники и придут им на смену. Сыновья заменяют своих отцов, чему и учит современная логика жизни. Потому, друзья-родители, вы не должны препятствовать становлению ваших сыновей. ФЗО делает из них хороших рабочих, которые нужны на фабриках и заводах. Таково постановление страны и лично указание товарища Сталина. Так что не будем сопротивляться и возникать, а подчинимся требованиям времени...

Говоривший-это был дядькой в летах, в очках и строгом черном костюме с галстуком. С братаном сидели мы и с матушкой, как и другие дети и взрослые. Братану на тот период стукнуло пятнадцать, а мне аж целых во-

семь, так что я уже понимал, о чем идет речь. Понимал, что Ваню увезут, а с матушкой останусь я и шестилетняя моя сестренка Лида, какая, по сути, еще не перестала ходить под стол пешком. Как матушка будет справляться с нами, я не представлял, поскольку летняя хлебоуборочная кампания длится не один день и не один месяц. После зерновых, как говорила матушка, идет подсолнух, какой тоже умудрялись засеять. Не ведаю, куда отправлялись семечки, только маслозавода поблизости и в самой Акмолу не было. А страна наверняка знала, куда отправлять эти масляные семечки, что, вероятно, и делалось.

После клубного собрания на другой день ФЗОшные призывники собрались у конторы, их посадили в большую открытую машину и по пыльной дороге увезли в ту степь. А это означало - в ту самую ФЗОшную Акмолу. Ваню мы проводили, мама собрала ему какую-то сумку из обычного полотенца. Ваня нас расцеловал и сказал, что будет достоин памяти отца, будет хорошо учиться и хорошо работать.

А я так подумывал: кто же будет с нами, кто будет за нами доглядывать? Нам с сестренкой-то на двоих стукнуло всего лишь четырнадцать годиков. Посмотрел на других ребятшек и их мам и понял: не только Веселовские столкнулись с подобным горем. Но о других не так болела голова, как о нашей семье. Как будет выкручиваться из создавшегося положения наша кровная матушка? Похлебку нам готовить надо? Надо. Продуктовые карточки отоваривать надо? Надо. Мыть, купать нас надо? Надо, и притом не раз и не два в месяц.

Ну, мыть-купать - не такая уж плачущая забота, а вот пошамать на стол подать, так это надо делать как бы не все три раза в день. Когда был Иван, он умел каким-то образом шамовку готовить сам, мама была рада за него. Не знаю, учила ли она его готовить супы из картошки, из риса, из макарон или из пшена, только Ваня умел это делать даже классически. Конечно, пельмени он не готовил, как не готовил котлет, гуляшей и других экзотических блюд вроде вареников и плова, не говоря о бешбармаке, куырдаке и других национальных блюдах, от каких в былые времена текли слюнки. Иван так больше налегал на простые супы да на жареный и толченый картопан. Перепадал нам и картопан в мундире, от чего мы с сестренкой тоже не отказывались. После еды мы чаем никогда не пользовались, потому как братан не умел его заваривать. Мы с сестренкой

обеда-ужины запивали обычной колодезной водой, и ничего, росли и по-своему жили...

Как будет теперь без Ивана, я не представлял, а у матушки не стал спрашивать, чтобы ее не расстраивать. Хотя мне и было восемь, к плите я никогда не подходил и не знал, как там готовятся супы да картопаны разной масти. Понимал, в мундирах да толченку делать проще простого, были бы вода да огонь.

При матушке мы с сестренкой уплетали толченку за милую душу, запивали компотом и считали, что ничего вкуснее на свете нет. Все это было, когда матушка была рядом с нами, находилась дома, а не на работе. Теперь же без Ивана неизвестно кто будет заниматься нами с сестренкой, какая ничего не умела делать, кроме как только пить, есть и играть.

С друзьями так играли в жмурки, где дежуривший с закрытыми глазами кричал: «Кто не спрятался, я не виноват!» - и пускался на поиски сбежавших пацанов. Играла со мной и сестренка, какая также умела прятаться от глаз людских за домами и кучами кизяка. Иногда мы играли в лапту, а то и в футбол - с мячом, сшитым из старой шапки и начиненным тряпьем. Настоящего футбола или большого резинового мяча у нас отродясь не было, но в кино мы видели настоящий футбол и настоящий мяч. Аульный магазин о них понятия не имел.

Пацанва и я с нею любили также играть в асыки. Игра интересная и заманчивая. На ней я так наловчился сшибать асыки своей сочкой, что не раз выходил победителем, отчего выигрывал уйму асыков малого и большого размера. В доме у меня их накапливалась целая гора, какую я тоже умел проигрывать. Находились такие смельчаки, какие сшибали асыки как бы не за десять шагов от них. Я так умудрялся сбивать их шагов с четырех-пяти, а на большее у меня не хватало тям.

После того, как мы выпроводили своего Ивана, дома матушка так пригорюнилась:

«Как же мне теперь, дорогие мои, с вами быть, с кем вас оставлять в уборочную отраду? Вас надо не только накормить, но за вами нужен серьезный глаз... Ты, Максим, кроме как дважды два ничего не знаешь и ничего не можешь, как только гонять в лапту, в футбол и в асыки. Лида так вообще еще под стол пешком ходит, за ней нужен не только серьезный глаз, а скопище всяческих биноклей. Убегала же она с детворой куда-то в

ту степь? Целым отрядом добровольцев их искали и, слава Богу, нашли. И куда их понесло? Да на паслен и понесло. Крохи-малютки, чего им надо? А чего-нибудь куснуть, тем более такую сладость, как паслен...

Да, были приключения с моей сестренкой и ее подружками, какие никогда не знали детского садика, поскольку его в нашем ауле отродясь не было. Если откровенно, то мы, пацанва, росли как-то сами по себе. Ну что мог поделаться со мной брат Иван, когда после еды меня и мою братву тянуло на подвиги? Мне хотелось ударить в лапту, в жмурки, в асыки, а когда повзрослел до семи-восьми лет, так нас тянуло на наше кенбидаикское озеро купаться и вообще шлюндрать на водных просторах. Пусть озеро было неглубокое и в камышах, но отдать в нем концы не составляло труда, что, говорят, здесь случалось, чему были свидетелями кенбидаикцы и само озеро.

Я тоже любил озеро и купался в нем не раз, но братан научил меня плавать брассом и даже на спине, так что озера я не боялся. А за другими хлопцами нужен был-таки глаз, какого они и удосуживались от кого-то из своих старших. Были ими сестры, а больше бабушки, какие все умели видеть. За мной лично так следить было некому, а сестренку к озеру я не подпускал. Если даже и забирал ее с собою, то усаживал ее на берегу и нарывал ей кувшинок и других каких-то водных цветов и давал ей в них искать свою забаву. Так и шла наша жизнь без Ивана, какая начинала просто терять свою чистоту и какое-то жизненное наполнение.

Вообще, без братана Вани было нам с сестренкой далеко не сладко. При нем мы хоть как-то да были сыты. В доме всегда находилась какая-нибудь похлебка, жареный картопан или просто картопан в мундире, а без него мы после гулянки всегда чувствовали себя голодными. А чего в доме было искать, где 45-47-ые еще не крепко кормили? Конечно, мы с сестренкой находили в доме какие-то сухари, размачивали их, а то и вовсе грызли насухо. Когда мама была дома, мы не голодали, а без нее жизнь наша теряла свою привлекательность. Я так понятия не имел, как там народ обращается с картопаном и что-то из него готовит, ту же толченку.

А в целом, когда мама была на летней хлебоуборке и неделями пропадала на своем полевом стане, весь питательный процесс обеспечивала нам соседка, какую матушка наверняка о том просила. Соседка тоже проводила своего мужа на фронт и тоже оставалась солдаткой-одиночкой с

такими же несмышленишками, как и мы с Лидой. Конечно, нам не пекли пирожков и оладий, но макаронный или пшенный суп соседка делала нам классный.

- Вот когда придет ваша мама, она и напечет вам пирогов и оладий, а я так воздержусь, поскольку она меня не просила делать этого, так говорила нам тетка, и мы почему-то ей верили.

Только вот удивлялись: отчего это наша матушка не позволила ей готовить нам какую-нибудь стряпню, на какую мы с сестренкой были страшно падки? Мы с Лидой любили баурсаки и табанан, курт и еремщик, но мама умела делать только две первые вещи, а последними нас угощали или наши друзья, или их матери, когда мы приходили с их пацанами к ним в гости.

А в целом к 1947 году, когда мне шел уже одиннадцатый год, я-таки научился готовить картопан в мундире, и мы с сестренкой расправлялись с ним, как с врагом народа. А там уж без проблем: доставай соль, снимай кожуру, кусай хлеб и прикусывай его картошкой. Как-никак, а голод утолялся, и мы с сестренкой готовы были бежать на улицу на игры или какие-то подвиги.

Вообще-то, в 1947-ом я уже был большим мальчиком и ходил аж в четвертый класс, а Лида - во второй. Но хоть и был я большим мальчиком, готовить супы и каши не умел. Матушка отчего-то не пыталась учить меня этому искусству, отчего нам с сестренкой и приходилось не раз класть зубы на полку. Конечно, хотелось нам и борща, и котлетки, и поджаренного картопана, но делать я их не умел, и с сестренкой мы ждали, когда закончится эта чертова хлебоуборка, мама придет домой и будет нас кормить всем, чем питается все человечество. Но хлебоуборка имела свою специфику и свое время, потому наша мамуля так долго задерживалась.

Быть без матушки мы с сестренкой уже привыкли, потому как она отсутствовала дома всю летнюю хлебоуборочную отраду. До 1945-го за нами приглядывал Ваня, а когда его забрали в ФЗО, то, по сути, никакого пригляда за нами не было. Меня так больше всего волновал питательный процесс, а все остальное мы умели с сестренкой делать сами. Что удивительно, я не умел готовить чай, тогда как мы с сестренкой его обожали. Конечно, соседка нам делала его, но это было по утрам, а в день-деньской мы с Лидой пили обычную нашу колодезную воду. Похлебали суп, кашу, что нам готовила соседка, утром запили чаем, а там крутитесь, дети, как хотите...

В целом, росли мы с сестренкой сами по себе и надеялись больше на самих себя. Надеялись на себя в том же 45-ом, и в том же 46-ом, и в 47-ом, который сделал в нашей с сестренкой и в маминной жизни особый опорот, какой не забывается мне и сегодня, когда я иду уже по своему девятому десятку.

Глава пятая

Все, о чем я поведал вам, друзья мои, со мной было, как было с моими братиком, сестренкой и матушкой. После Дня Победы пролетело аж два года. Сестренку я так лично привел за ручку в первый класс, посадил ее с каким-то мальчиком и, конечно, удалился, поскольку учительница сказала, что она с первоклашками разберется сама, а где, кому и с кем сидеть, она тоже решит. Я смиренно удалился в свой четвертый класс, в каком учительница знала, куда меня носило и почему я опоздал на урок.

Осень 1947-го для меня и всей семьи Веселовских стала последней. В 45-ом и в 46-ом в Кенбидаик приезжали мамыны братья, вернувшиеся с войны живыми, но подкованными войной. Посмотрели дяди на нашу с сестренкой и с матушкой жизнь и решили, что здесь мы больше жить не будем, а будем жить вместе с ними на станции Жалтырь, где они оба работали на железной дороге. Матушке они так прямо и сказали:

- Давай, Нюра, пакуй свои чемоданы, и поедем в наши края. Ехать придется на обычной подводе с лошадкой, какая вас и довезет за тройку дней. Ночевать придется в юртах чабанов, о чем уже договорено. Благо, Нюра, ты хорошо лопочешь по-казахски, так что вас всюду примут. В Акмолу вы заезжать не будете, она останется далеко от вашей дороги, а поедете через Караегин, Сабунды, Челкар, Новочеркасск, Астраханку, а там через двенадцать верст и Жалтырь покажется...

Как было сказано, так все и было сделано. Ехали мы этими поселками, ночевали у чабанов, с какими матушка мило и душевно беседовала. Я почему-то матушке просто завидовал, что она так свободно знала чужой язык. Я лично знал всего лишь какой-то десяток-другой слов, а говорить на казахском не умел. Мама же делала это ну просто классически. Хозяева

были удивительно гостеприимными. Мы ели бешбармак и пили изумительно вкусный чай со сливками, к тому же нас с сестренкой угощали куртом и еремщиком. Давали нам и конфеты-подушечки, и даже в бумажках. Такого деликатеса мы с сестренкой у себя не помнили, а тут так целые живые шоколадки! Я так говорил: «Коп рахмет!», а сестренка лишь питалась деликатесами.

Как бы там ни был, через трое суток мы наконец-то въехали в Жалтырь. Там я увидел впервые железную дорогу и паровоз с его оглушительным криком. Нашу бричку с лошадью встретили те же мои дяди, Василий и Илья, и их мама, какая, конечно же, была мамой и для нашей мамы. Объятия да поцелуи были долгими, какие достались и нам с сестренкой.

А после был сытный обед, охлажденный компот, а для нас с сестренкой - конфеты разного сорта и конфигурации. Заначки никакой не делали, а уминали все, что лежало на столе. У взрослых были свои разговоры, а мы сестренкой ушли прогуляться по двору. Землянка нашей бабушки была небольшой, но чистенькой и побеленной обычной известкой. Окна небольшие, близ каких не было ни единого деревца, какие были у других подобных халуп. Сыновей своих бабушка поженила, жили они своими семьями и своими халупами, а бабушка теперь проживала одна, пенсионерилась, и нам теперь оставалось жить у нее год-два, а может, и на веки вечные.

О чем говорили взрослые, я не представлял, но, когда дяди разошлись, понял, что разговор шел о будущей маминной работе. Как-никак, а у нее на руках было аж двое гавриков, которых надо было поить, кормить, одевать, к тому же и учить в школе. По мне так плакал четвертый класс, а по сестренке - второй. На завтрашний день ничего не намечали, потому как было воскресенье, а на будущее бабушка грозилась отвести нас в местную школу, где определят нас как местных учеников. Насчет же маминной работы мамыны братья обещали что-то придумать и что-то подыскать подходящее. Это сказала бабушка, а она знала, что говорить.

Насчет школы бабушка сделала свое дело. Я определился в своем четвертом классе с учительницей Марьей Ивановной, а сестренка попала к своим второклашкам. Кто у них была учительницей, я не имел представления, но видел, что это была исключительная молодница. Мне так тоже шел аж одиннадцатый годок, что обязывало серьезно браться за себя. Тут,

как я понял, не было нашей аульной вольности, дисциплина была во всем. Перемена и тут была переменной, но на ушах и на бровях тут становиться не позволялось: после перемены сразу начинались уроки, и никаких опозданий не допускалось.

С друзьями я познакомился быстро. Станционные ребята тоже были моих лет, но они во многом разбирались лучше меня и даже могли преподавать некоторые жизненные условности. Себя я так еще считал аульчанином с его психологией и примитивными мыслями, какие касались больше собственной персоны. Однако я старался-таки что-то у них ухватывать. От своих аульных привычек приходилось отказываться и идти в ногу со всеми. Если чего-то не узнал, то учительнице прямо говорил: читал, но не освоил, потому как чувствую себя тупым в этом вопросе. Учительница двойку не ставила, а советовала к следующему уроку подготовиться. Параграф нетрудный, надо только в него хорошо углубиться...

И я углублялся. Спросить дома, что бы это значило, было просто не у кого, поскольку бабушка не могла букву «А» отличить от буквы «Б», а матушка с ее четырехклассным образованием времен очаковских и покорения Крыма вряд ли знала даже таблицу умножения. Так что во многом приходилось разбираться самому. По арифметике я был тупой, как сибирский валенок, а вот русский и литература давались мне без всяких затруднений. Учительница даже приветствовала такое преимущество во мне, почему мне даже поручалось читать некоторые пушкинские стихи со сцены нашего школьного клуба. Читал я аховски, поскольку любил литературу со всем, что в ней было.

Как бы ни было и как бы ни тащились мои четвертый, пятый, шестой и седьмой классы, в восьмом так мне стукнула аж целая шестнадцатая весна. Учился по математике я отвратительно-средне, но русский и литература давались мне с легкостью, всегда на круглую пятерку. Мои сочинения учительница даже пыталась зачитывать перед классом, отчего я не меньше как зеленел перед ним. Учительница находила какую-то свою тональность и поэтическое обрамление, граничащее с Пушкиным и Лермонтовым, а с Есениным так в первую голову, какого я читал больше других. Не знаю, почему злополучный Сергей доставал меня больше всего в моем Жалтыре, но вот доставал, хоть ты убеги от него в самую дальнюю и широкую степь...

Удавались мне сочинения такого плана больше на вольную тему, какую я раскручивал по-своему. Раскрутка эта нравилась учительнице, и она зачитывала мои писательские находки всему классу. В восьмом классе у меня почему-то хорошо работала моя шестнадцатилетняя голова по части сочинений. Учительница даже спросила, не пишу ли я стихи.

- Ну что вы! - сказал я. - До Есенина мне как до Лондона пешком...

- А ты попробуй, друг Максим. Думаю, что у тебя должна получиться занимательная поэтика.

- Так стихи должны ведь сами приходиться, а просто рифмовать строки - это будет смахивать на стихоплетство. Ударить, как делал Есенин, я вряд ли смогу, к нему моя природа и природа литературной словесности вряд ли допустят. Стихи сами должны находить поэта и хватать его за фалды, что равносильно за душу. Ко мне они не приходят и ни за что не хватают, и это говорит о том, что я к стихам бездарен. Может, в будущем я ударюсь в Чехова, а может, даже ступлю на тропу Николая Островского с его Павкой Корчагиным. Кто знает, кем я стану, но мне хотелось бы всегда быть в окружении писательского мира.

- Однако ты попробуй, друг мой, ударить, как ты говоришь, по Есенину. Мне кажется, что в тебе живет есенинская жилка...

Ничего я пробовать не пытался, но о стихотворстве задумался. Писал же Лермонтов в юношеские годы, и Пушкин тоже со стихами вращался в такие же годы, а я не смогу ли прославить свой Жалтырь? Они прославили Россию, а я, возможно, прослаблю мой Жалтырь, какой я просто люблю. Не только потому, что я здесь живу, а потому как здесь есть учительница Марья Ивановна, мой восьмой класс, мои жалтырские улицы и переулочки. А главное, в Жалтыре удивительно добрые и красивые люди, какие бегут на свою работу, здороваются с незнакомым пацаном и, наверное, со своими красивыми мыслями уходят сами в себя...

Как бы ни было, а я решил удовлетворить требование учительницы. Не ведаю, каким будет первое мое стихотворение, но сотворить его надо. Раз Марья Ивановна верит в мои стихотворные возможности, то попытаюсь ее веру оправдать. Что из этого получится - не представляю, но попытка не пытка. Ну, спляпаю я стихотворение, Марья Ивановна прочтет для себя и скажет, в чем и где я недорабатывал... Для поэтов не существует никаких уставов и параграфов, каких надо придерживаться. Поэт не иначе как

хватает мысли из космоса или из жизни и просто их рифмует. Хватил же Есенин вот эти простые строки и срифмовал и притянул к себе читателя, который просто умилился этими строчками:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли...

Затаил в себе мысли и я - мысли о себе, о моем Жалтыре, о его и моей судьбе. Что на меня набежало, то я и срифмовал. Это первый мой стих, а каков он, пусть судит Марья Ивановна.

У Жалтыря любимого своя судьба и честь,
Есть своя больница, есть и своя школа,
В нем даже собственная мукомолка есть,
Где с зерном клиенты часто на приколе.

Колхозники с мешками обычно тут как тут,
Пшеничку они точно превратят в муку,
На трудодни пшеничку ту им часто выдают,
Хотя их больше денежки обычные влекут.

Но у колхоза ихнего житейские порядки:
Чем колхоз богатый, то он и дает,
Колхозники от их мешков жизнь не считают сладкой,
Но муку они пускают все же в оборот.

У себя от той муки свой хлеб, свои лепешки,
Баурсаки, табанан и доброе теспе,

Дети умудряются печь свои матрешки
И гуляют с ними в мальчишечьей толпе.

Ну, а я, братишки, все-таки жалтырский,
Только наша станция мне вовсе не родня,
Для своего поселка остаюсь я свойский,
Как и незаметная жалтырская семья.

Жалтырь с Веселовским - просто совпадение,
Никакого родства тут не было и нет,
Такое у жалтырцев возникает мнение,
Так молвит восьмиклассник - начинающий поэт.

На одном из следующих уроков учительница вызвала меня к ответу что-то по Лермонтову, и я положил перед ней стих, о каком она просила, хоть и говорил я ей, что по стихам я бездарь. Однако положил перед ней свою первую пробу пера. Читала Марья Ивановна молча, и мнения ее я не представлял. Посчитал, коль она ведет гуманитарные уроки, ведет словесность, значит, в стихе она разберется и на досуге скажет, чего я там намолол.

- Да, Веселовский, я же говорила, что есть в тебе пушкинский дух! Я думаю, что его можно прочесть даже для всей школы. Надо, чтобы в школе знали, что у них есть свой стихотворный самородок.

- Марья Ивановна, ну прочтите сейчас! Зачем нам ждать какого-то клуба? Веселовский - наш, восьмой класс - наш, значит, и поэт будет наш. Нам ведь интересно, Марья Ивановна, знать, как пишутся стихи и что там сотворил наш Максим...

- Ну что же, друзья, тогда слушайте. Как ты на это смотришь, товарищ поэт?

- Делайте что хотите, хотя я в принципе против. Это же моя первая затравка, а в ней немало всякого бурьяну..

Читала Марья Ивановна с вдохновением. Делать она это умела, и мы все были во внимании. В ее исполнении мой стих даже приобретал какую-то яркость. Класс внимательно слушал свою училку, какую слушал и я. На класс не глядел, боялся его реакции. Когда училка закончила чтение, мне

поголовно все хлопали, подбегали и жали мне руку. Сделала то же самое и Марья Ивановна.

- Я же говорила тебе, Веселовский, что есть в тебе есенинская жилка. Продолжай в том же духе, может, тебя заметят даже в нашей районной газете. Журналисты - ужасно дотошный народ, какой может пронюхать о тебе и после десятого класса даже пригласить к себе на работу. А после они заставят тебя поступить на факультет журналистики в наш республиканский КазГУ имени Кирова, и ты потом станешь профессиональным журналистом. У тебя появятся свой хлеб и свое будущее...

Ну, о будущем в тогдашнем своем восьмом классе думать мне не хотелось. Мне хотелось футбола да волейбола, а то и обычных шахмат, какие отвлекали от всех земных забот. Домашние уроки по всем предметам были сами по себе, а все равно хотелось каких-то развлечений. Думать о домашних проблемах в шестнадцать лет мне ни как не хотелось. Дома у меня всегда было чего куснуть, а после всех школьных мероприятий душа требовала какого-то взлета. Не хотелось тишины и умиротворения, а хотелось беготни, движения, действий рук, ноги головы.

На досуге не раз подумывал: видел ли кто-либо и когда-либо скучающего шестнадцатилетка? Их, видать, вообще не существует в этом возрасте. Они коллективно прорываются в кино, на концерты, на школьные мероприятия. А коль ничего этого нет, куда себя девать?

Такие мысли я записывал в своем дневнике, о каком, конечно же, не знал ни один человек на земном шаре, а в Жалтыре и подавно. Мои домашние о нем тоже не имели представления. На этот раз так в дневнике записал реакцию класса на мое стихотворение. Кстати, для стихов я завел отдельный толстый и красивый с виду журнал, где на первой странице и появилось это самое стихотворение без названия, подписанное маем 1953 года.

Посмотрел я на стихотворение и подумал, что скучно ему будет одному в таком красивом и объемном журнале. А это как-то обязывало подумать о следующем стихотворении. О чем оно должно быть? В прошлом восьмом классе несколько человек окончили его и подались куда-то на учебу в техникумы, куда, говорят, принимали даже с седьмого класса. Нет, лично я буду добивать десятку. А там с аттестатом легче будет соваться по разным институтам - техникумам.

Раздумывая над своим первым стихотворным творением, подумал: о чем писать дальше? Оказывается, нужно намечать тематику! Но где ее возьмет шестнадцатилетний пацан? А вот Лермонтов находил и писал стихи и в пятнадцать, и в шестнадцать, даже имел в эти годы свои печатные книги. Россия видела гения и давала ему дорогу в читательский мир... Для себя же в дневнике я записал: ни на что я не способен, как только любить литературу и все поэтические поделки поэтов всех времен и народов. Может, эта любовь и сделает из меня в будущем настоящего Есенина? Только вряд ли. Время летит, а стихи ко мне не приходят, потому как нет к ним тяги. А то, что родил для учительницы, так это был своеобразный заказ, какой я выполнил. Другого заказа ни жизнь, ни мое окружение мне не диктуют, потому я на стихи и не налегаю.

Да, все было хорошо в моем восьмом классе. Не хуже шли дела в девятом, и в десятом. Все сочинения я срабатывал на отлично, прочие предметы падали на три-четыре-пять, а математика не вылезала из твердой тройки. Не понимал я ее и не любил, но школьная программа заставляла упираться рогом и в математические исчисления. В классе так были истинно математические вундеркинды, перед какими я просто преклонялся. Наверное, каким-то вундеркиндом считался и я в литературе, но литература - это ведь простая словесность, болтология по-русски, просто говор того, что на ум придет. Этим пишущий народ и пользуется. А в математике столько загадок, столько раздумий и столько секретов в математических расчетах!

Все, что нас окружает, сделано по математическим расчетам. Самолет без математики не построишь, и он не полетит вообще. Корабль не поплывет, паровоз не поедет, колеса его не закрутятся. Без математических расчетов не было бы Кремля и Красной площади, не было бы Медео и что на нем построено, не было бы вокзала на первой Алматы и канатной дороги. Вообще, без математики не было бы Эйфелевой башни и наших телевизионных вышек, как и тех же телевизоров. Так что, на мой взгляд, надо ставить памятники математикам, а не поэтам и писателям.

Все эти рассуждения поглотил неизменный мой дневник, какой завел и я, глядя на Печорина. А чего, подумал, какому-то Печорину двухсотлетней давности можно было что-то доверять дневнику о себе, а в наши 50-ые мне лично нельзя? Вот и завел я этот дневник и доверяюсь ему.

Оказывается, умные были наши предки! Умный и тот же Печорин. От какого-то события по жизни на душе муторно - записал и указал причину такого положения с человеком. Где-то тут сыграла свою роль природа человека, где-то сам человек, а где-то и жизненные обстоятельства. Но ведь жизненные обстоятельства делает никто иной, как сам человек. Человек, а не кто-то иной на земле источник всех человеческих дел. Войны всех времен и народов - только от человека, мир - от человека, дети - от человека, музыка - от человека, книги - от человека. А наши дома, улицы, машины, корабли да самолеты, наши бомбы, ракеты, космос, наши мечты и планы - все от человека, какого надо просто величать и писать его с заглавной буквы. Человек делает природу, себя и то, что позволяет человеку вообще жить.

Вообще, мне нравится общаться с моим дневником. Он даже навеивает на меня какие-то мысли. Ну, скажем, кем я стану после школы, куда пойду учиться? Марья Ивановна со своих позиций так советует мне идти в журналистику. А чего я туда пойду, когда я в ней ничего не смыслю? Разве только я один в классе крепко топчу по литературе? Тамара Тюковина так чешет сочинения вообще на одни пятерки. А Валя Гаврилина? И ведь их никто не заставляет писать стихи, как это сделали мне...

Нет, сплошные пятерки по сочинению не обязаны толкать ученика на журналистику, писательство или на то же учительство с русским и литературным уклоном. Хорошо написал - значит, хорошо подумал, хорошо усек материал и умно его проанализировал. Аналитика тоже должна быть у ученика. Вообще, ученика надо натаскивать на мысли, на аналитику, учить его видеть не только простую человеческую жизнь, но и то, что поддерживает эту жизнь.

Вообще, у меня в дневнике много всяческих записей о жизни. Не знаю, к чему все эти жизненные мысли, только мысли Николая Островского о жизни я так без затруднений выучил наизусть, потому как писатель правильно заметил: «Жизнь человеку дается только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, и чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире - борьбе за освобождения человечества».

Записал я другие умные мысли о жизни, скажем, у того же Горького:

«Очень интересное занятие - жизнь, и даже несколько жаль, что дают ее на один раз. Раз пять бы пожить, вот было бы забавно. Но и один - хорошо!». Не знаю, почему к жизни я приклеил и Тургенева: «Жизнь не шутка и не забава, жизнь - тяжелый труд». Не обошел я слова о жизни и далекого Чернышевского: «Что же милее всего для человека? Жизнь, потому как с нею только и связаны все наши радости, все наше счастье, все наши надежды».

Не берусь судить все эти высказывания, но могу лишь заверить себя, что так могли сказать только гениальные люди нашей планеты. Кем я буду в будущем, никогда не задумывался и не ставил себе целью стать тем-то и тем-то. Не задумывался я, кем стать, даже в десятом классе, когда нам перевалило за семнадцать и даже восемнадцать.

В моем десятом в 1955-ом мне так лично шибануло две девятки, и в весну, когда объявили о какой-то целине, я, подчиняясь призыву Москвы, Хрущева и комсомола страны, бросил школу и рванул на эту самую целину, где после краткосрочных курсов трактористов на своем ДТ-54 вместе со всеми поднимал целинный пласт. Комсомольцем я был исполнительным, пахал, как того требовали технология и наш бригадир Савелий Дыдышко. В некоторые разы я даже опережал по гектарам своих одноклассников. Словом, числился на целине не единственным передовиком, какого даже тискали на районную доску почета.

Так и мчались мои целинные 55-56-ые годы, какие однажды даже заставили задуматься: а твоя ли это судьба - целина? Подумывал: ну, буду я пахарем и в следующие годы, стану даже комбайнером на самоходном комбайне СК-4, каким заменили прицепные «Коммунар» и «Сталинец». Ну, буду я косить хлеба, буду приносить пользу своему району и всей своей стране, потом заберут меня в армию, а затем черт знает какой получится суп с котом. А потом все равно надо будет овладевать знаниями, которые выработало человечество. Надо будет просто учиться какой-то профессии на всю жизнь? Своей ДТшкой или тем же СК-4? Нет, так низко падать я не хочу. Все эти агрегаты пусть достаются старшему поколению, у которых пять или семь классов и какие учебу считают не иначе как наказанием, о чем мне и говорил один передовой и отпетый тракторист.

Подумывал: добывать хлеб - это наверняка судьба тех, кто из российской глубинки ринулся на целину. Раз ринулся, значит, думал о земле, о

хлебе, о том, как его добывают. Ринулся на целину, как я заметил, народ из Украины и Белоруссии, из российских городов и деревень, из Молдавии, а вот кавказцев и прибалтов я не встречал.

Не было на целине и среднеазиатских товарищей, каким до Казахстана было не больше как рукой подать. Не без того, что кто-то все-таки вырывался на казахстанскую целину, но их было крайне мало. Женщины оттуда вообще на целину не обращали внимания, тогда как российские красавицы на целине воздух рассекали вовсю. Им тоже находилась работа, и ими даже славились некоторые казахстанские области, куда ступила целина. Много их было в Кустанае, в Кокчетау, в Акмоле, в Павлодаре. Другие области не светились, потому как там не было большой целины, а то и вовсе никакой.

На акмолинской целине тракториста Веселовского, то есть меня, знали по его работе и его газетным портретам. Работать я умел и любил, не считался со временем. Пахал даже в вечерние сумерки, когда мотор тракториста не грелся и тянул во все свои лошадиные силы, и дышалось легко охлажденным ночным воздухом. Бригадир утром замерял вспашку, жал руку и говорил, что я настоящий целинник. Если бы все так работали, то целина бы цвела и гордилась своими героями и своими обширными пашнями, какие только и ждут, когда в них опустят зерно. Сеялки с зерном я тоже таскал, засевал поля и с нетерпением ожидал колоса. Если он высокий и тучный, значит, тут есть и моя заслуга...

Вот насчет выбиться в передовики, честно, меня никак не тянуло. Я просто добросовестно делал свою работу и радовался, когда мне удавалось опережать какие-то необходимые планы, какие все-таки были. Бригадир нам о них говорил и предупреждал, что перевыполнение фиксируется и, конечно, оплачивается. Лично я за деньгами не гнался, а работу выполнял исправно, добросовестно и с перевыполнением. Возможно, тому способствовала молодость, а может, моя простая любовь к любой работе. Пока я ничего другого не умел, а умел лишь пахать, любить эту землю и отдаваться ей с истинной любовью.

А чего не отдаваться, когда я видел, как отец пахал наши кенбидаикские поля, как матушка своим комбайном бороздила хлебные покосы? Они были рождены на этой земле, они ее и возделывали. Конечно, они любили свою землю и ту страну, в которой они живут на этой самой земле.

Какая-то любовь к земле передалась и мне, а это надо было просто ценить, что я и делал, подавшись на целину.

Как бы ни было, как ни привык я к целине, а 1956 год стал для меня на целине последним. Прощаться с друзьями я не стал, тихо забрал в конторе свои документы и какой-то попуткой вернулся в свой Жалтырь, где проживали мои матушка, сестренка и, конечно, моя дорогая бабушка. Я вернулся домой и пока только отлеживался и общался лишь с моим дневником, какой стал мне другом и советчиком.

Глава шестая

Как бы там ни было, а общение с дневником стало моим правилом, а то и необходимостью. В этом плане было чему завидовать Печорину. То, что он думал о людях, друзьях и врагах, знали только он и его дневник. То же самое было и у меня. Только у Печорина разные события просто налегали друг на друга, а у меня одна жизненная скука тащила за собой на поводу другую. У Печорина был день, когда его понесло на речку Подкумок, что близ Кисловодска. Именно здесь княжна Мери Литовская первая самолично призналась в любви Печорину, который остался равнодушным к такому признанию.

Не знаю, не знаю, как бы поступил я, если бы мне объяснилась в своей любви какая-нибудь из девчонок моего десятого класса, какой я оставил и бросил, как предатель родины, оставшись без аттестата и без надежды на будущее. Два года, какие я отдал целине, кое-чему меня все-таки научили. Первое, на что упирало начальство: от меня требовалась хорошая работа, за какую меня могли повесить на доску почета и даже пропечатать в газете хвалебную статью с моим портретом. Такое со мной было, целина обо мне знала, а вот насчет каких-то девчонок и какой-то любви я был тупой и просто недоступный сам себе.

В зеркале себя я видел каждый при бритье и прикидывал, можно ли на меня девчонкам заглядеться. Вроде не косой и не кривой, нос - обычная картошка, как у всех, уши не такие, как у ишака бухарского, щеки чистые и даже где-то с румянцем. Ну, конечно, я не Муслим Магомаев, и за мной

не будут гоняться платья и юбки, но взгляд на меня можно бросить и даже найти во мне какую-то привлекательность.

Как бы там ни было, а успеха в классе я не имел и был обычным Ванькой с пивзавода. Посредственности во мне было вагон и маленькая тележка, а привлекательности не набиралось даже на малую детскую качалку. Другие парни так с девочками и под руку ходили, и за девичью талию держались, а я был обычной серой мышкой, какую мог подловить и съесть любой кот.

Когда я вернулся с целины домой, мне шибанула аж целая двадцатка. Ростом я был 175 сантиметров, волосы русые, густые, какие я зачесывал назад. Упитанностью не бросался в глаза, потому как втихаря занимался зарядкой. Сестра Лида так почему-то заметила, что я кривоногий, но я того не замечал, потому как носил расклешенные брюшки, как было в то время принято у парней. Одевался я не хуже других, носил то, что носили и мои сверстники, так что был я обычным пацаном-парнягой, на какого можно бы и бросить глаз. Девчонки этого по отношению ко мне не делали, хотя других парней удостаивали своим вниманием.

Вот такие были мои послецелинные дела. Весь 1956-ой я, по сути, валял дурака, не работал и не учился. Матушка была довольна, что я был дома, не шлялся по разным танцплощадкам и молодежным развлечениям, а много читал Лермонтова и Есенина. Из моего десятого класса все разбежались по разным уголкам страны, мне не с кем было просто встретиться и просто поговорить. Вечерам иногда ходил в кино, не находя другого развлечения. В школу не заходил и даже не заглядывал, чтобы не встретиться с учителями, какие учили меня уму-разуму с четвертого по десятый, в каком учился тюха-матюха Веселовский, оставивший школу и убежавший на целину. Не знаю, кто оценит такой подвиг, только я стал себя корить и крыть самыми последними житейскими словами, какие выработало российское человечество.

Говорят, так ругаться и материться, как это делает наш русский мужик, человечество на земле не способно. Такие выражения и слова надо просто родить неизвестно каким органом, и только русский мужик делает это просто классически. Иностранцы, даже зная русский язык, не могут понять ту или иную русскую ругань. Были случаи, когда они даже спрашивали: что бы сие значило и почему всюду камнем преткновения является мать?

Что я выиграл, оставив десятый выпускной? Не понимал, не представлял. Целину повидал, Хрущева удовлетворил, а теперь вот в свои двадцать красивых, но неприкаянных не знал, куда себя деть и куда приткнуться. В дневнике жаловался на себя и на свою жизнь, заодно же и винил себя в поступке, какой совершил ради целины. Целина теперь цветет и пахнет, а бывший ее целинник Веселовский ничего не делает и просто давит клопа.

Матушка так даже начала волноваться за мою судьбу и говорила:

- Сходил бы ты, сынок, куда-нибудь к друзьям и подругам, в клуб или куда-нибудь на молодежные посиделки! Собираются же где-нибудь твои сверстники? Нельзя же все время читать-писать и оставаться без движения. Это же ваши книги говорят, что движение - это жизнь. Солнце движется, Луна движется, другие планеты крутятся вокруг своей оси и по своим орбитам. В целом все они делают движение, какое и рождает в итоге жизнь. Так что, сынок, займись каким-нибудь движением, и я буду видеть, что ты живешь, питаешься и о чем-то мечтаешь. О чем - не знаю, но в тебе есть какие-то мысли, какие ты наверняка записываешь, поскольку часто сидишь над тетрадкой...

Насчет мыслей матушка правильно прикинула. В руки мне попала наша областная газета «Акмолинская правда», в какой я вычитал объявление о приеме в Акмолинское железнодорожное училище ЖУ-4 на новый факультет «Тепловоз и тепловозное хозяйство». Быть железнодорожником мне всегда хотелось, потому как оба дяди трудились на железной дороге, ходили в добротной железнодорожной форманке, в какую не раз хотел воткнуться и я.

В марте 1957-го в это училище я как раз и воткнулся и через два года выпустился слесарем по ремонту тепловоза, на пути какого оказалось Веселовское депо. Двенадцать училищных гавриков тоже оказались вместе со мною в Веселовке, где мы делали себя и свою судьбу. Государственные четыре года все мы в депо отработали и свою жизнь могли распоряжаться по-своему, как умели и на что были способны. Все одиннадцать моих одноклассников после отработки Веселовку покинули, подавшись в разные стороны большого Советского Союза.

Я лично в свой Жалтырь возвращаться не стал, а остался в Веселовке, в родном для меня депо, какое поило меня, кормило и по-своему лелеяло. В депо же я лично делал свою жизнь, набирался ума, в депо же нашел себе

женку, женился, родил сына, на что указывала и моя жена, окончил вечернюю школу ШРМ, что было в то время принято, с аттестатом подался на журналистику в КазГУ, какой и окончил через шесть лет. Вышло все в моей жизни так, как и предполагала моя давняя училка Марья Ивановна. С дипломом журналиста навестил я и свою жалтырскую школу, чтобы сказать Марье Ивановне рахмет и что ее мечту я исполнил. В школе Марьи Ивановны не оказалось, она уже там не работала и вообще покинула Жалтырь. Как мне сказали, ее усадил в свою машину какой-то офицер и увез в неизвестные края. Так что поклониться мне моей бывшей учительнице не удалось...

А в целом шел я по жизни неспешным шагом. Три хрущевско-брежневские пятилетки я отслесарил, а последующие двадцать пять отдал отделу снабжения. Не знаю, как кому, а депо я любил, любил его людей, его рабочих и даже его начальство, какое и заставило, а больше надоумило меня уже на «дембеле» написать книгу о моей Веселовке, какая почти носила мое имя, и о моем депо.

Такую книгу я родил и дал ей название «Годы Орлиные». Писал я роман как бы не семь лет, и только в 2013-ом он увидел свет стараниями издательского дома «Классик». Разгоняться на экземпляры я не стал, а заказал всего лишь пять десятков. На большее я разоряться не стал, потому как уже целых тринадцать лет был раскулаченным пенсионером. Когда я работал, жил не бедно, а пенсия не давала мне права топнуть ногой, топнуть другой. Это теперь у нас пенсии подскочили чуть ли не вдвое, а в 2013-ом раскошелиться не всегда удавалось. К 2018 году нам с женой наша пенсия уже позволяла топнуть ногой, топнуть другой и даже помогать нашим детям, внукам и правнукам к их знаменательным датам.

Как бы ни крутился шар земной, наша жизнь на «дембеле» с женой идет своим чередом без всяческих перекосов. В доме у нас ни курчонка, ни поросенка, а потому мы всегда свободны. Женка так постоянно висит на телефоне с Алтаем, где проживают наши дети, внуки и правнуки, а я занимаюсь писаниной в своем дневнике и в моем журнале, где появляются и хранятся все мои поэтические завихрения. После того первого стихотворения, навеянного Марьей Ивановной, появились и совсем новые, какие даже вышли отдельной книгой под названием «Мои веселовские зори».

Эту мою первую книгу в двадцать пять экземпляров, сработанную все

тем же «Классиком», я крутил в руках и так, и эдак, любовался ею и даже целовал. На обложке после названия книги стояла приписка: «Стихотворения, поэмы». Когда вышла эта книга, мне было уже семьдесят пять лет, о чем говорила и оповестительная текстовка сотрудника «Классика» Кирилла Круглова: «Сборник стихов жителя нашей сарыаркинской глубинки подкупает искренним, уважительным отношением к своему поэтическому творчеству. Любовь к поэзии сопровождает Максима Веселовского всю его жизнь, выплескиваясь порою в частушечные куплеты, а порой в поэмы, полные философского смысла. Стихи 75-летнего автора заставляют задуматься о добре и зле, о смысле человеческой жизни».

Честно, не ожидал я такого теплого внимания ко мне, долбаному старикану, со стороны знаменитого издательского дома, о каком я прознал только в 2013-ом. А откуда прознаешь, когда я шестьдесят лет живу в глубинке, в моей доброй и вечной Веселовке, моей однофамилице, ставшей моей жизнью и судьбой?

Насчет же теплого слова Кирилла Круглова обо мне скажу: я бы так не смог добротнo говорить о человеке, потому как у меня на это не хватило бы тям. Говорить об авторе произведения и самом произведении я вряд ли смогу теперь и в будущем, потому как я просто тупой в этом деле. Охарактеризовать автора и его книги может только человек, понимающий душу человека и его психологию. Я в этом деле тупица, а Кириллу Круглову просто поклонюсь благодарственной душой старика, но мыслящего и живущего надеждой на другие свои книги.

А перелистывая «Мои веселовские зори», я усек, что 120-страничная моя вещь делится на три части: «О времени и о себе», «Блажь лиричная и песни» и «Моим издателям». Не буду говорить о каждой из них и что-то комментировать, но каждая часть имела какую-то свою тематику и нагрузку. Под названием книги стояла приписка: «Стихи, поэмы и, хоть тресни, блажь лиричная и песни». Когда я делал такую приписку, то действительно думал о чем-то лирическом, веселом и забавном, чтобы не утомлять читателя скукой и нашей жизненной повседневностью. Что получилось на деле, судить не могу, а читатель у нас нынче себе на уме, и вытащить из него слово можно разве что только по Интернету, в каком я лично разбираюсь, как свинья в апельсинах.

А кто эти самые мои читатели? Да те же мои друзья-пенсионеры, с ка-

кими я сорок лет прошагал по Веселовке и по нашему Веселовскому депо, какое, как и наш поселок, стал нашей жизнью и судьбой. Ничего не говорили и мои родственники, каким я тоже подарил свою первую книгу, удивительно красивую и привлекательную, сработанную, дай ей Аллах здоровья и процветания, областной типографией «Арко». Сдал я эту мою первую книгу и в нашу поселковую веселовскую библиотеку, но и ее посетители молчат, как рыба, и не говорят ни единого слова о моей книге.

Может, еще не наступило время? Но вот минул 2017-ый, вот половину срока прошагал 2018-ый, а отзывов о своей книге я не слышу. Подумываю: или книга не стоит никаких слов, или люди нынче на книги просто не бросаются. Говорят же, что нынче век другой, не читабельный, не тот, что был в мое время, когда мы зачитывались Пушкиным да Лермонтовым, Фадеевым да Шолоховым и прочими авторами прошлого и современного мира. Наверное, и правда, что каждая жизненная пора имеет свою специфику и свое направление. Нынешний наш век так ударился в Интернет и во все компьютерные установки, сработанные человеческой цивилизацией. Но не будем об этом, потому как тема эта бесконечная, спорная и неразрешимая.

Если на поверку, то мне с моей первой книгой работалось легко, даже весело. Наверное, не хотелось мне видеть наши негативные жизненные проявления, какие доставали каждого жителя в отдельности и весь поселок в целом, а то и область и всю страну. Весна, кажется, 2016 года так затопила и оставила многие поселения в нашей Сарыаркинской области без жилья, без нажитого жизнью добра, а часто и без средств к существованию и даже документов, поскольку все было поглощено весенним потоком. Коснулось сие бедствие и моей Веселовки, затопив большой двухэтажный деревянный дом постройки 1937 года.

Дом был как дом, и в нем жил люди. Жили, не тужили, ни на что не жаловались. Как все, учились и работали, ходили по магазинам и в большой железнодорожный парк Веселовки, где отдыхали, отводили душу и на летней эстраде смотрели концерты. Дом был таким же, как все дома в Веселовке, но весенняя распутица и водный поток нашли слабину именно в этом доме и затопили его в первых этажах по самые кровати. Народ эвакуировали, но дом пошел под снос, и на его месте теперь вырос каменный, такой же двухподъездный и двухэтажный, соответствующий нашему новому времени.

Если по-хорошему раскрутить мою первую книгу, то открывается она почему-то стихотворением «Паслен» - не тем первым в моей жизни, какой я сработал по заданию моей учительницы Марьи Ивановны, какая даже это мое первое стихотворение прочла всему тогдашнему моему восьмому классу. Так вот, в этом самом «Паслене» мы, дети войны, в военные годы бегали на огороды, отыскивали и ели этот самый паслен, который хоть как-то утолял наши голодные желудки. Паслен - обыкновенная ягода, однако она в какую-то малость утоляла голод и давала какую-то сладость, что для детей всегда считалось праздником. А закончил я книгу большой стихотворной подборкой и словами, какие я все-таки приведу:

Что ж, друзья, закончу я
Свое душеизлияние,
Пусть оно проходит
Мой путь, который скользкий.
Я приложил к стиху
Свои скупые знания
И даже ставлю подпись:
«Максимка Веселовский».

Все стихотворение так заняло аж двадцать три страницы, отчего я привел лишь концовку. А в целом, друзья, хотелось бы предложить вам трехкуплетное стихотворение «О себе». Ну, самые простые слова о себе со школьных лет по нынешний день.

Школа отшагала по родной стране
С шумной и веселой красивой детворой,
Их сегодня много в столичной Астане,
Где каждый ребяенок - волшебник и герой.

Они не просто школьники - хозяева земли!
С романтикой, мобильником и красотой одежды.
Они к нам не иначе как с небес сошли,
Неся с собой свет солнца, мечтанья и надежду.

Я рад такую видеть чудо-малышню,
 Ах, сколько в ней лучится жизни и огня!
 Оттого, быть может, и Астану люблю,
 Что есть она столица солнечного дня.

Разумеется, всю книгу цитировать я не собираюсь, но наталкиваю своего читателя на то, чтобы он эту мою книгу все-таки прочел или хотя бы просто пролистал от скуки. Может, ему какие-то строчки и приглянутся, и он даже заучит некоторые, как это мы делали в наши годы с Пушкиным да с Лермонтовым.

Лично я так больше налегал на Лермонтова и был его поклонником, может, даже больше, чем все тот же знаменитый Виссарион Белинский, какой видел в Лермонтове путь даже большим, чем у Пушкина. Конечно, я человек другого времени, но меня как-то да достают мои стихотворные поползновения. Простительно было бы, приди эти стихи в мою молодость, так нет же - они во мне не жили вообще и не донимали меня почти до самого моего 75-летия...

Как можно думать аналитически в такие годы, я не представляю. Ладно, так думал Лев Толстой в мои годы, а я-то против него шишка на ровном месте, простая прореха на человечестве, а то и вовсе жертва аборта, каким я себя именoval и прежде. Остаюсь тому верным и теперь.

Глава седьмая

23 апреля 2018 года до нас, пенсионеров, дошла печальность новость: умер, просто заснул наш товарищ, пенсионер, 89-летний Алексей Петрович, какого я знал и дружил с ним как бы не все шестьдесят Веселовских лет. В наши тогдашние годы мы с Петровичем не раз, бывало, ударяли по жузу елю и по еке жуз, в целом же опустошая бутылку до дна. Оставлять слезы, как говорил Петрович, мы не любили. А чего их оставлять? Два здоровых мужика, способных даже быка завалить, да не расправятся с какой-то долбаной бутылкой? Не тех мы, железнодорожники, кровей!

Но все то было до 2012-го, когда я схоронил своего брата Ваню, вось-

мидесяти двух лет, какой меня как-то воспитывал до 1945-го, когда его забрали в ФЗО, после какого работал на заводе «Казахсельмаш» тогдашней Акмолы. После же была почти пятигодичная служба в Приморском крае, в городах Черниговка и Сысоевка, где размещались военные самолеты. После службы братан дембельнулся, возвратился в Акмолу, так же работал, женился, родил четверых дочерей, какие живы в поныне: одна живет на БАМе в какой-то Вихоревке, другая в Белоруссии, третья в Краснодарском крае, и лишь четвертая облюбовала Жезказган, где пенсионерит и мечтает о свидании со всеми своими сестрами. Не знаю, как они списываются, сговариваются и созваниваются, только я с ними, моими племянницами, не общаюсь и не созваниваюсь, потому как не знаю, как их искать и где они, как и они ничего не знают обо мне.

Так вот, после 2012-го я в рот не беру даже пива. А все как брат мой лет двадцать жил без своей первой жены, какая умерла, оставив на его попечение целый выводок девчонок, каких он воспитывал с помощью нашей матушки, вывел в люди и какие разъехались по белу свету. Матушка и впрямь помогла ему во всем, перед ее памятью он всегда кланялся. А вот в 2009-ом брата моего стукнул инсульт, и он два года не знал улицы и движения. В мае 2012-го братан мой заснул и не проснулся, что стало и с нашим Алексеем Петровичем.

Провели мы нашего доброго и в чем-то красивого дедугана, какой дочери на другой же день на специализированном катафалке увезли в нашу южную столицу, где похоронены его жена и сын. Дочери, как только подросли и отучились в Веселовке, подались в Алматы и там уже делали свою жизнь. Жена Петровича так умерла в Алматы, когда проходила там лечение, так что Алексей Петрович очень долго холостяковал — вплоть до 23 апреля текущего 2018-го, когда заснул и не проснулся.

Девять дней дочери отмечали по отцу в Алматы, где его и похоронили рядом с женой и с сыном, а в самой Веселовке девять дней отметили его друзья по работе и пенсионным посиделкам, а также участники ансамбля или простого хора пенсионеров «Сударушка», каким Петрович руководил как бы не целую пятилетку.

Об Алексее Петровиче я даже писал статью в областную газету. Она вышла с его портретом в железнодорожной форме. Статья посвящалась 85-летию нашего заслуженного ветерана локомотивного депо Веселовка,

какой тридцать лет водил поезда на тепловозах и до ухода на «дембель» на электровозах. Так что Веселовка и Веселовское депо знали этого человека как заслуженного железнодорожника, к тому же преданного руководителя ансамбля «Сударушка», какого Веселовка всегда любила и приветствовала.

В статье я говорил о том, где родился и где крестился Алексей Петрович, наш юбиляр, что пять лет он отдал воинской службе на корабле в Севастополе. После «дембеля» окончил какую-то дортехшколу в Саратове и решением каких-то властей из тогдашнего МПС в 1957-ом был направлен в Веселовское локомотивное депо, какое только-только начало переходить на тепловозную тягу. Паровозы свое отжили, свое дело они сделали, и вот на смену им современная цивилизация дала тепловозы. Как раз в Акмолинском железнодорожном училище и нас учили тепловозному делу. Так что мы с Алексеем Петровичем делали родственную работу: я ремонтировал тепловозы, а он водил ими поезда.

А вот последние лет двадцать пять или двадцать семь мы с Алексеем Петровичем участвовали в нашем хоровом коллективе «Магистраль», какой за свою жизнь бывал на гастролях в коммунистическую пору в Кемерово и даже в Новосибирске, где выступал в самом Академическом городке. Свои же областные городки, такие как Абай, Шахтинск, Темиртау, Балхаш, тоже предоставляли «Магистрالي» свои сцены. С годами «Магистраль» распалась, но на ее базе мы создали наш хоровой пенсионный коллектив «Сударушка». Алексея Петровича мы единогласно выбрали своим руководителем, поскольку Алексей Петрович был и художественным руководителем участников железнодорожного клуба поселка Веселовка как бы не все тридцать лет, пока существовали МПС и этот самый железнодорожный клуб.

В этой «Сударушке» я так был ведущим баянистом, а Алексей Петрович тоже помогал мне дуэтом на таком же баяне. Два баяна, как говорили, просто наводили шорох и красоту звучания. Звучание двух баянов публика приветствовала даже стоя, что нас с Петровичем просто возносило, как и всю нашу «Сударушку», если не до небес, то до воображаемых нами высот. Теперь же из баянистов остался я один, а «Сударушка» - без талантливого преданного руководителя.

Дочери Алексея Петровича намечают сорок дней Петровичу провести в Веселовке. Как это будет происходить и где, я не в курсе, но, как доходят

слухи, планируют оккупировать одно из вместительных веселовских кафе, каких в поселке нынче много, сам черт ногу сломит. Какое они облюбуют, я пока в неведении, но что-то быть просто обязано. Кто будет на этих поминках, тоже не ведаю. Девять дней так мы отметили своим коллективом «Сударушки» в двенадцать душ, а вот кто будет на сороковнике, не представляю. Кроме «Сударушки», у Петровича была уйма друзей-машинистов, с какими он как бы не сорок лет водил поезда и какие вместе с ним и ушли на «дембель», но в разные годы.

Как бы жизнь ни бежала и ни крутилась, а коллектив «Сударушки» без Петровича осиротел. Достоинством Петровича было и то, что он всегда числился непревзойденным ведущим, чем, видать, его одарила природа. Он мог представить и свой коллектив, и любого выступающего в самых привлекательных красках. Достоинством же самого Петровича была его хорошая память, держащая в себе такие обширные стихотворения, как знаменитое «Ленин и печник», какое он читал в Веселовском железнодорожном клубе в старую коммунистическую эпоху.

Замену Петровичу в «Сударушке» я не нахожу и думаю, что она просто сложит свои крылья. Без дуэта баянистов «Сударушка» многое теряет, и как она будет выглядеть при одном баянисте, не представляю. Публика привыкла к красивому музыкальному звучанию, а один баян вряд ли наведет прежний шорох и музыкальную красоту.

Но одиночное мое сопровождение практиковалось в «Сударушке» не раз и не два. Того требовала сама песня и сами солист-солистка, где нужна была тихая плывущая музыка со своей душевностью, лиричностью и своим проникновением в сердце. Одиночных исполнителей чаще я сопровождал один, а хоровые вещи, конечно, сопровождались дуэтом. В том и другом случае баяны делали свое дело, где-то даже завораживая зрителя.

Конечно, я не Виктор Гридин, какой постоянно сопровождал песни Людмилы Зыкиной, но что-то мог шарить на своем баяне и я, сопровождая песни отдельных солистов. «На закате ходит парень» так не раз вызывалась на «бис». Удоставалась того же и «Дайте в руки мне гармонь», где, как вы помните, были золотые планки и парень девушку домой провожал с гулянки.

Как и что теперь будет с «Сударушкой» - лично я в замешательстве. Кто будет ею руководить, не ведаю. О том наверняка будет думать руко-

водство веселовского клуба, какое само по себе боевое, известное веселовцам своими песнями, выступлениями и красивыми концертами с красивыми и талантливыми самодельными артистами. Веселовка их знает, любит и всегда душевно принимает.

Кто будет во главе «Сударушки», коллектив ее пока не ведает, но думаю, что свято место пусто не бывает. Коллектив «Сударушки» за последние два года так потерял двоих своих участников. Год назад мы проводили в последний путь нашего участника Марата Исбасаровича Каракисекова, какой не дотянул и до семидесяти. Теперь вот ушел от нас и наш незабвенный Алексей Петрович, но в свои сексен сегыз жарым. Клубное руководство, разумеется, видит эту картину и, возможно, даже предложит нам сложить оружие, поблагодарив, конечно, за прежние наши заслуги перед клубом и перед веселовцами. Каков конец - не представляю, но что-то неординарное с «Сударушкой» должно произойти.

На деле же, на мой взгляд, «Сударушке» и впрямь пора сложить крылья. Все-таки нашим участникам всем под семьдесят и за семьдесят, а это не шутейные годы. Как бы ни было, а прежние пять лет мы радовали веселовцев и Веселовку своими концертами. Веселовская публика знала нас, как знали и мы эту публику, потому как все мы были веселовскими жителями. Мы с покойным Петровичем так прожили в Веселовке по шестьдесят лет, а прочий народ - кто его знает, однако Веселовка оставалась их родиной и судьбой.

Теперь в «Сударушке» нас осталась круглая десятка. На поверку не так уж и мало. Таким коллективом можно и вправду горы ворочать, но кто знает, как посмотрит на нас руководство клуба. Я бы так всех распустил и даже каждому пожал руку за участие. Как баянист я тоже теперь никому не нужен, поскольку у клуба своя художественная самостоятельность, свои оркестранты и домбристы, свой давний собственный аккордеонист на штатной должности. Конечно, нам в «Сударушке» не хотелось бы складывать крылья, потому как мы все-таки привыкли к полету. Мы и теперь в хорошем движении, у нас горячие сердца и звучные голоса, есть желание дружить с песней и нашим добрым веселовским зрителем, какой всегда тепло принимает своих самостоятельных Зыкину и Шафрину, Кобзона и Лещенко, Валерию и Зару и целый ряд талантливых артистов современности.

Что ожидает «Сударушку» в будущем, я пока в неведении, но мне хотелось бы ее как-то увековечить, что-то сказать о ней теплое во всеуслышание, а лучше бы на всю Вселенную. Веселовка, конечно, знает «Сударушку» от и до, вдоль и поперек, но хотелось бы, чтобы знал о ней весь крещеный мир, а больше наша Сарыаркинская область, которая всегда приветствует новые художественные коллективы в городе и на селе. В этом плане я подумал: помочь может стих о «Сударушке», какой могут прочесть даже большие люди нашей области. А коль они прочтут, то могут каким-то образом продолжить жизнь самостоятельного художественного коллектива. Такой стих я состряпал и предлагаю его вам на ваш суд:

«Сударушка» пять лет крутилась в Веселовке,
Столько лет на сцене зал принимал ее,
«Сударушка» крутилась своей живой сноровкой -
Она давала людям веселое житье.

Она дружила с песней и с народной пляской,
Она давала людям живительный заряд,
О ней вели повсюду шумную огласку,
Чему был каждый житель Веселовки рад.

И мы, конечно, были рады нашей песне,
Рады, что мы людям радость приносили,
Мы не собирались отсиживаться в кресле,
Мы выступали всюду, где люди нас просили.

Мы и теперь готовы с песней породниться
И ее народу живой преподнести,
Желаньям веселовцев готовы подчиниться
И готовы радость им песнею нести.

А еще готовы мы даже в пляс пуститься
И вообще со зрителем брататься и дружить,
Зритель нам поможет снова возродиться,
Коллектив «Сударушки», значит, будет жить.

А коль будет жить, значит, будем с песней,
 Ну, а в песнях наша жизнь и душа,
 С песней нам и зрителю ну никак не тесно,
 Потому как жизнь ну просто хороша.

Не знаю, какие впереди ожидаются происшествия с нашим коллективом, только руководство клуба уже почти сорок дней как отмалчивается, и мы не знаем свою дальнейшую судьбу. Могли бы вызвать меня как ведущего баяниста и прослушать мое мнение, но и меня не вызывают. Наверное, руководство клуба себе на уме, а что та дума думает, мы не знаем.

Клубная самодеятельность уже давала свой концерт в честь какого-то национального праздника, мы на нем были, слушали и восхищались непревзойденными талантами всех участников концерта. От нас, «сударушцев», не потребовали никаких выступлений, заставив нас понять, что нами все кончено. Однако нам пока вслух этого не сказали, потому мы сидим как на иголках.

Анализируя наше пятилетнее существование, я пришел к выводу, что очень многое сделал для «Сударушки» покойный Алексей Петрович Чеботарев. Он вовлекал в коллектив известных ему пенсионеров, какие как-то славились своим дарованием. Лиля Марченко любила и пела русские песни и частушки, Рая Аманжолова вообще была ведущей певицей, какая пела русские и казахские песни. Красиво звучали песни, исполняемые на три голоса, когда к ним присоединялась и Жумагуль.

Их песни в основном сопровождал я на своем баяне, а Петрович не успевал выучить казахские мелодии. Русские песни он помогал сопровождать, и получалось это у нас, как говорили, очень даже классно. Наверное, в двух баянах и правда была какая-то своя классика. Двухбаянного сопровождения мы придерживались при любой возможности, отчего «Сударушка», видать, и выигрывала.

Как будет теперь без Петровича - не знаю, не ведаю и не соображаю. Только чувствую, что потеряно что-то такое, какое нелегко и непросто будет восполнить...

Глава восьмая

Мои воспоминания не иначе как являют собой такую же своеобразную исповедь, граничащую с подлинной «Исповедью» трехсотлетней давности француза Жан-Жака Руссо. Коснулась она многих лет моей жизни бегства из десятого класса на целину, потом такое же бегство с целины, поступление в железнодорожное училище, распределение после него, какое и привело меня в Веселовское депо и саму Веселовку, в какой я уже шестьдесят лет.

Депо так поглотило сорок лет моей жизни слесарем и снабженцем, научило меня жить. Дало мне женку и сына и, конечно, торжественно проводило меня, как мы все говорили, на «дембель». В этой своей повести я только и хотел подвести итоги моей жизни. Не знаю, для чего это нужно делать, но, говорят, делают это поэты и писатели часто, когда чувствуют какой-то свой недалекий конец. Не знаю, где блуждает мой жизненный конец, только что-то подсказывает, что надо спешить. Идти по девятому десятку - это не шутка и не прогулка при луне. В целом я просто намеревался вкратце сказать, где я родился и где крестился, где учился и где пригодился. Как я уже говорил, в депо я пригодился на сорок лет, после каких, конечно же, отправился на «дембель», на каком я сегодня аж целых двадцать лет.

Примечательно в этих двадцати моих пенсионных годах то, что именно в эти годы я начал писать стихи и прозу, то есть заниматься творческой деятельностью. Удивляет меня в этом творческом деле лишь одно необычное обстоятельство: почему же стихи и проза и все мое творческое вдохновение пришли ко мне и настигли меня тогда, когда мне стукнула круглая семидесятка? До этого я ничего подобного не имел, не делал никаких стихов, хотя всегда любил поэзию и прозу всех времен и народов. Но любить - это не значило самому ударяться в стихи или прозу, вообще в какую-то творческую писанину, сработанную твоим умом и сердцем. Говорят же, что писатели пишут сердцем. Мол, Пушкин писал сердцем, и тот же Лермонтов, и даже тот же наш боевой Сергей Есенин...

Не знаю, откуда у меня все бралось, только я писал неустанно. В 2013 году издательский дом «Классик» так выпустил аж три моих книги с назва-

нием «Мои веселовские зори», «Пестрые письма» и большой четырехсот-страничный роман «Годы Орлиные». Вот сидел я над ними пять лет назад, сижу и теперь и в который раз спрашиваю себя и провидение: так где же ты, прореха на человечестве, был до этого, до твоих семидесяти пяти лет? Выходит, я только в семьдесят пять лет поумнел, ступил на пушкинскую и есенинскую тропу и даже на своем девятом десятке не бросаю своего писательского пера.

И правда, как можно было его бросить, когда в 2014-ом вышла моя повесть «Жизнь моя забубенная» и стихотворный сборник «Жизнь на ладо-ни». 2016 год так порадовал меня стихотворным сборником «Мой причал», а в 2017-ом так я распоясался книгами «Веселовские рассветы» и «Поэ-тические этюды», «Мои дороги» и «Пестрые письма, книга вторая». Что можно было сказать о всех этих моих творческих подвигах? Бас истейде, аягым истейде, Гульчатай шай береде, тагада не керек? Правильно, оста-валось только писать, что я и делаю до сих пор. В нынешнем 2018-ом так растелился аж двумя книгами - прозаической «С миру по нитке» и поэти-ческой «Жизни моей колесница».

Не ведаю, как будет дальше, только нынче задумываюсь вообще завя-зать с писаниной, как-то притормозить со всем писательством, со стихами да прозой, поскольку я все-таки иду по своему девятому десятку, но жизнь и тот же телек так всюю кричат: не тормози, сникери! И вот не торможу, пишу, рожаю стихи и прозу. В издательство только что отвез прозаическую вещь «Душевная повесть» и поэтическую «Мои поэтические завихрения». Пока книги в работе. Какими они будут - не представляю, но думаю, что будут они, красивыми и привлекательными, как и прежние мои двенад-цать книг.

Как бы мой бас жаксы ни работал, вот на этой книге, друзья, хочу по-ставить точку и навсегда завязать с писаниной. Все-таки мне, чертову Хоттабычу, идет девятый десяток, и голова моя в эти годы не может быть светлой, как солнце, да еще ударяться в писанину.

А что нового у меня, так это женка моя перестала быть первым моим чтецом и тем же первым редактором. На всю мою писанину она теперь не обращает внимания и говорит обо мне только одно: коту нечего делать, так он ясно чем занимается... То же делается и со мной. Я не обижаюсь, а продолжаю отстукивать на «Москве» все свои творения, и когда их на-

капливается на целую книгу, отвожу в «Классик». Ну, а там удивительно грамотный журналистский народ, какой свое дело знает туго. Мои вещи, как и прочие другие, он тщательно вычитывает, правит, сокращает, а то и вовсе что-то выкидывает.

Думаю, так должно быть всюду. Наверняка такое было до Пушкина, при Пушкине и после него вплоть до наших дней. Наверняка печатались книги при Иване Калите и Иване Грозном, а вот печатались ли они при Олеге, Игоре, Ольге, при Дмитрии Донском и Александре Невском - не знаю и не представляю, потому как абсолютно тупой по этой части чело-веческого развития. Не ведаю, когда китайцы или другой народ изобрел бумагу, потому как в этом деле я дуб дубом. Бумага как раз и позволила не-сти на себе человеческие мысли, печатать книги и даже бумажные деньги.

Насчет же дальнейшей моей писанины так заверяю читателя, что с пи-саниной завязываю. Все, что надо сказать о себе, я сказал, что надо сделать за мою десятилетнюю творческую деятельность, я сделал, оповестил мой человеческий мир, а что будет со мной дальше - не ведаю. Теперь у меня на душе и на сердце желание увидеть живой вот эту мою последнюю книгу. Как ее состряпают в издательстве и в типографии, я ни в зуб ногой, какую сделают правку - тоже. Однако, как показывает время, мы с «Классиком» хорошо дружим и понимаем друг друга. Сотрудничество у нас регулярное, к обоюдному удовлетворению, потому надеюсь увидеть эту мою послед-нюю книгу живой если не в нынешнем году, то в будущем непременно.

Как бы ни гуляло время и как бы ни становился на дыбы апрель 2018-го, роднясь с зимой и со снегом, я у себя в Веселовке добиваю эту мою последнюю книгу. Перед нею я отправил в издательство мои истинно по-этические завихрения «На есенинской волне», о судьбе которых мне пока ничего неизвестно. Что с ними будет делать «Классик», будет ли он их чи-тать и редактировать - понятия не имею. Мне так лично не сообщают, не звонят, не советуются. Может, хотя т преподнести сюрприз, вручив мне готовую книгу? Может, и правда хотя т обрадовать долбаного дедугана? Коль такое случится, я буду плясать от радости и даже под конец посвящу «Классику» какую-нибудь поздравительную оду.

Ну, а с этой моей последней книгой я все равно расправляюсь, как повар с картошкой. Мысли бегут, донимают, остается только ловить их и запи-сывать, чем я и занимаюсь. После этой книги не иначе как отдамся пен-

сионным занятиям, какими занимаются все пенсионеры в нашем дворе. Сидят мужики за столом и бьют в домино и шахматы, в лото и подкидного дурака. Не встречал я у себя во дворе, чтобы мужики сбрасывались на пузырь «родимой», что делают, говорят, в Веселовском микрорайоне, где пенсионеры кучкуются по гаражам и сараюшкам и давят этот самый пузырь, после чего раздаются песни и даже кто-то пускается в пляс. Кто-то приносит гитару, а кто-то даже свою бывалую гармозу. Гаражи и сараюшки далеко от жилья, потому они никого не привлекают и никому не мешают жить и мыслить.

Близ таких гаражей и сараюшек мне приходилось бывать не раз. Меня стариканы приглашают в свой круг, я иду, но от стакана отказываюсь, потому что, друзья мои, иду уже по своему девятому десятку. Народ, конечно, возмущается и кричит:

- А нам, думаешь, меньше? Да нам где-то столько же, а то и больше. Ты идешь по своему девятому десятку только какой-то год-другой, а у нас есть товарищи, какие топают по нему по пятому, а то и седьмому году. И ничего, выпивают русскую рюмку-другую, закусывают и радуются жизни. А насчет того, сколько нам отведено природой еще потопать по Веселовке, о том пусть Бог думает, у него большая голова и седая борода. Он ведь руководит нашей жизнью и судьбой, а мы будем принимать то, что он будет нам посылать. Пошлет болезнь - будем лечиться, пошлет смерть - будем отбрасывать копыта. Живые так заколотят нас в цветной гроб, опустят в могилу, зароят, а может, даже речь произнесут, после чего жизнь покатится для всех так, как она и катилась до этого. А все как это природа, наша человеческая жизнь, какая всегда имела и имеет свое начало и свой конец...

Как бы меня ни уговаривали, к стакану я не прикасался, а слушал таких же стариканов, какие умели мыслить, говорить и вспоминать прошлое. Многие из них прошли удивительную школу жизни. Воевать им не приходилось, потому как им с началом войны было хрен да маленько, а вот работать их в их двенадцать-тринадцать лет так заставляли без всяких. Кто-то пас колхозную скотину, кто-то убирал навоза на колхозных базах, а кто-то в бочках доставлял воду на полевой стан. Слава Богу, сейчас при пенсионном настрое это учитывается и даже оплачивается как работнику тыла. Не такие уж и большие деньги, но на них можно купить часы и трусы с носками...

Все услышанное я забрасывал дома в свой дневник, а потом что-то использовал при написании повести или романа. Получалось несколько художественно, несколько литературно, а главное, правдиво. Умом такое не всегда придумаешь, а вот жизнь так подсовывает настоящую быль, настоящую жизненную правду.

Не ведаю, как будет идти дальше жизнь «Сударушки» без Алексея Петровича, только коллектив ее начал почему-то охладевать к ней. Руководство клуба и при жизни Петровича не вызывало нас для проведения каких-то концертов. Наверное, причина была в нас самих, поскольку коллектив состоял из одних пенсионеров, каким ударило за шестьдесят, а то и за семьдесят. Петрович так ходил на восемьдесят девятом году, я лично так на восемьдесят втором. Мы были в коллективе самые старые, но и прочий народ не блистал молодостью. Клубный же коллектив состоял из молодых и деятельных артистов, какие где-то трудились, где-то работали, но любили сцену и шли на запись в свой веселовский клуб, где были у них свои руководители, своя программа и наверняка свой любимый зритель. Думаю, что нравиться зрителю тоже надо уметь.

Не ведаю, какова будет судьба «Сударушки» в дальнейшем, только после смерти Петровича с нами еще не разговаривали, ничего не предлагали и не спрашивали, кто все-таки будет руководителем коллектива. Себя я в счет не брал, потому как мое дело было известное - кнопки и меха. Кто из наших был готов идти на такой крест, я не представлял. Почему-то подумал, что проще его избрать из клубных работников. Нам, старикам, так непременно нужна боевая свежая сила, какая бы знала возможности пенсионеров.

Конечно, что-то мы все-таки могли, что-то пели, выступали с чтением стихов и всяких монологов. Удивительно, что у пенсионеров была удивительно крепкая память. Удивлялся я тому и сравнивал с собой, не помнящим наизусть даже собственных стихов. А потому, как я считал, был я тупым от природы. Матушка была с четырехклассным, отец где-то с семиклассным образованием, бабушка так вообще не могла даже расписаться и ставила в ведомости простой крестик. Так откуда мне было набирать ума, когда в роду у меня все были колхозными Ваньками и ничего не могли делать и знать, кроме как возделывать землю?

Не помнил даже своих стихов... Наделе я не раз пытался прочесть их с

листика, но Петрович заверил, что это некультурно, да и вообще не принято в артистическом мире. Тогда я просил сделать это Петровича, потому как у него просто аховская память и он может ударить со сцены и что-то мое, но не называя автора. Я был против того, чтобы называли мою фамилию. Петрович не возражал и одно из них все-таки прочел с Веселовской сцены. Читал Петрович исключительно артистически, а стихотворение то и называлось просто - «О стихах».

Ах, зачем уводить в поднебесье
И в какую-то мглу в тишине,
Спорить с солнцем и тихою песней,
Не пришедших сегодня ко мне?

Как же все мы в стихах усложняем,
Не заботясь об их простоте,
Свою вычурность всюду рожаем,
Как лучину в сплошной темноте.

С каждым словом мудрим и гадаем:
Как средь звезд бы его разместить?
Среди туч красоту выбираем,
Где ему и начертано жить.

А слова, что по жизни простые,
Очень часто приходят ко мне,
Когда строки стучатся лихие
В моей шибко седой голове.

А стучатся они не однажды,
Я для них нужных слог выбирал,
Видел друга в отдельности и каждом,
Жизнь каждому в строчке давал.

И рождался мой стих вдохновенный
Со своею особой душой,

Он служил мне открыто и верно,
Что и значило - все хорошо.

Как-никак, он с «Сударушкой» знается,
Где-то служит и песне, и ей,
Для людей он всегда открывается
И любовью, и песней своей.

Потому мы стихи уважаем
И хотим, чтоб их зритель любил,
Каждый стих мы душой провожаем,
Мир стиха нам и дорог, и мил.

Хлопали Петровичу, вернее, аплодировали ему исключительно признательно и, наверное, думали, что автор стиха не иначе как сам чтец. Петрович кланялся и даже сказал:

- Спасибо, друзья! Не думал, что какой-то стих может вас взволновать и чем-то тронуть ваши души, навеять какие-то мечты. На стихи нынче народ не бросается, потому как старые надоели, а новые появляются редко. Во всяком случае, мы встречаем их только в нашем журнале «Простор». Вот одно такое мы отыскали, и я его прочел вам. Думаю, у этого стиха есть своя душа, какую надо только понять. Я ее понял по-своему и преподнес вам это понимание... Спасибо, друзья, еще раз! Коль вы так тепло принимаете стихи, будем отыскивать для вас подходящие. Что бы о стихах ни говорил, в каждом стихе есть свой корень, своя душа. Рахмет, друзья, за приветствие и понимание!

Мне лично так Петрович сказал, что я для него просто вундеркинд - на баяне шарю и еще стихи стряпаю классные, какие народ принимает. Как ни крутись, а народ обмануть трудно, понимает он и стихи, и песни, что мы им преподносим. Зритель нынче не тот, что был при хрущевско-брежневском коммунизме, который по призыву партии ударился в работу, на какой все и держалось - и почет, и уважение, и та же зарплата. Нынче же человечество избаловано цивилизацией, компьютерами, мобильниками да знаменитым Интернетом. Стихи, песни, концерты его вовсе не волнуют, поскольку он все это может найти в Интернете в любом количестве и в любом качестве.

Такие мы вели с Петровичем беседы и понимали, что мир нынче не тот, как и мы уж не те, что были тридцать или даже двадцать лет назад. А все потому как локомотивщики при коммунизме уходили на «дембель» в 55 годков, а просто трудяга - в 60. Нынче этот уход на «дембель» повышен для локомотивщиков до 57 лет, а для простого Ваньки-трудяги - до 63. В России, говорят, прошлый срок выхода на пенсию остался на том же уровне, а у нас в Казахстане он несколько завышен.

Стали судить и соображать на этот счет более масштабно, и выяснилось, что на Западе пенсионный срок повсюду завышен, и вообще там по этому делу черт ногу сломит. В той же Германии, говорят, мужчины уходят на «дембель» в 65, а женщины - вроде в эти же годы или с небольшой скидкой. То же самое, говорят, делается и в Америке. Ну, Америка и Германия нам, что зайцу вытрезвитель, а вот хотелось бы, чтобы наши казахстанские пенсионные сроки не поднимались выше тех, что определены государством нынче. Женщин так вообще надо бы пожалеть и сделать им «дембель», как было при коммунизме, в 55 лет, потому как женщину к этим годам старят ее дети и внуки, каким женщина отдает себя всю без остатка.

Глава девятая

Весь майский месяц у веселовцев прошел в ожидании сороковины поминоков по нашему незабвенному Алексею Петровичу Чеботареву, какого хорошо знала и даже любила вся Веселовка. Не знать и не любить его было просто нельзя. Ну, во-первых, прожил он в Веселовке полных шестьдесят лет. Женка его отдала Веселовке тоже полный полтинник, и только смерть ее, случившаяся лет двенадцать назад, разлучила их теперь уже навсегда. В Веселовке у Петровича родились две дочери и сын, который ушел из жизни вслед за матерью. Теперь в нашей южной столице похоронены рядом Петрович, его жена и сын, а дальше неизвестно, кого будет ожидать это их семейное кладбище. У Петровича много внуков и правнуков, да и дочери его тоже не первой молодости, и кто знает, как будет распоряжаться жизнь его судьбами.

Так вот, Веселовка в ожидании печальной сорокадневной даты. Конеч-

но, больше в ожидании коллектив «Сударушка», каким Петрович руководил круглую пятилетку, какая жила концертами, поездками, выступлениями в Веселовке и вне ее. Не запомнить знатный старческий коллектив было невозможно, поскольку коллектив жил песней, концертами, жил насыщенной жизнью. Своей наполненностью и радостями жизни коллектив «Сударушки» делился со своим зрителем, с залом, с каждым веселовцем, какие приходили в клуб, чтобы хоть как-то отвлечься от дел мирских и хоть на пару часов окунуться в мир песни и танца, какие дают какую-то силу и бодрость, возбуждают душу и сердце. «Сударушка» умела вызывать в зрителе восхищение, аплодисменты и даже поклоны, как это умеют делать и знаменитые российские «Бурановские бабушки» - коллектив, состоящий из одних пенсионеров женского пола. В «Сударушке» тоже одни пенсионеры, но коллектив здесь разбавлен и нами, сильным полом.

А аплодисменты и поклоны отдавались коллективу, потому как нет в Веселовке равнодушных людей, равнодушных к песне и ко всем событиям веселовской жизни. Майские праздники, такие как День защитника Отечества, отметили всем веселовским миром. Было красиво, народно и нарядно. Были шествия и демонстрация сродни хрущевско-брежневскому времени, но с начинкой своей эпохи, какая во всем умела знать меру.

На майских праздниках я тоже побывал - в отличие от моей женки, какая отдавалась лишь цветному «ящику», с каким они, по сути, не расстаются ни днем, ни ночью. Я к ним, по сути, равнодушен. Женка у «ящика», а я — со своим дневником, с каким мы беседуем и совещаемся. Беседуем хотя бы о том, как мне дальше быть с моей писаниной. Про себя я так давно решил: заканчиваю эту свою исповедь и ставлю на всей моей писанине точку. Чем буду заниматься без писанины - не представляю. Читать Чеховых да Есениных уже не тянет, они читаны-перечитаны, а на других авторов просто нет у меня тяги. Почему-то не приветствуют ни Золя, ни Гете, ни Марк Твен, ни Юхан Смуул. Одно время, правда, ударился в далекого по миру и по жизни греческого Плутарха, но это такая древность, какая, однако, оставила для потомков по себе память.

Наша история так оставила память об Олеге, Игоре, Ольге, чертовых печенгах, о Дмитрии Донском и Александре Невском, Иване Калите да Иване Грозном с татарами, шведами и прочими врагами тех далеких времен. У Плутарха так только начинался век возрождения и просвещения, но он уже

был одним из образованнейших людей своего времени, знавшим литературу, историю и философию. Греция в то время была как бы не самой культурной и просвещенной страной мира, даровавшей миру и человечеству таких великих людей планеты, как Аристотель, Еврипид, Геродот, которые писали историю древней Спарты, где царями были Демарат и Теопомп.

Конечно, мы мало чего знаем о знаменитых людях Древней Греции, но нам помогает разобраться в том знаменитый писатель и историк Плутарх. Без него мы вряд ли знали бы Гомера и императора Цезаря Августа, ученого и философа, который жил до нашей эры и какой-то период и нашей эры. Не знали бы наверняка и великого ученого и философа Сократа, родоначальника диалектики и диалектического мышления, который был обвинен в развращении молодежи и поклонении новым божествам, за что был приговорен к смерти, но ее не дождался, а сам принял яд.

Без Плутарха мы вряд ли бы чего знали о Ганнибале, знаменитом полководце, который совершал походы даже через трудные высокие Альпы, одерживал много побед, но был побежден римлянами. Что интересно, мы узнаем у Плутарха, что сын Роксаны и Александра Македонского Александр был провозглашен царем Македонии.

В целом читать Плутарха было интересно. Второй его двухтомник сообщал о влиятельных в Греции лицах, таких как Демосфен и Цицерон, Агесилай и Помпей, Антимак Колофонский - известный в древности поэт и грамматик. О всех названных Плутархом исторических личностях можно говорить много и долго, потому как этим личностям несть числа. Его современники знали этих людей и даже где-то поклонялись им. Делало это, судя по всему, и последующее человечество.

Расправляясь с Плутархом, почему-то набежали незванные стихи, о каких я просто начал забывать. Какие силы тут взыграли - не представляю, а стихи давили меня и навалились на мое перо. Сопротивляться не стал, а начеркал то, что диктовала моя седая голова, не находящая себе покоя даже на моем девятом десятке.

Вот сорок дней живем мы без нашего стратега,
Сорок дней его мы не видим и не слышим,
Знаем, что он где-то породнился с небом
И его красою, как и землею, дышит.

Его же все равно земляне вспоминают
И память незабвенную о нем повсюду чтут,
О нем даже строки скупые истекают,
Какие о Петровиче правду в мир несут..

Ну, правду о Петровиче мы хорошо знали. И знали, что он достоин большой памяти друзей и современников. Коллектив «Сударушки» был его родственным коллективом, а Веселовский обыватель - признанным поклонником его артистизма и артистических проявлений его души. Он не был Шукшиным и Высоцким, но их черты были в душе и в действиях Петровича. Он пел песни Высоцкого, только не под гитару, а чаще под мой аккомпанемент. Я подлаживался под его голос, и у нас получалось классическое звучание, какое зритель понимал и всегда тепло приветствовал.

Конечно, перед каждым выступлением мы с Петровичем хорошо репетировали. Я давал ему определенную ноту, но он меня останавливал и поправлял: нет, дорогой, это будет слишком низко и невпечатлительно! Конечно, я брал нужную для Петровича ноту, и в таком настрое мы выходили на сцену. Делал я то же самое и с другими солистами в нашей репетиционной комнате, а с Петровичем - таку него дома, поскольку он почти полтора десятка лет жил один. Я просто приходил к нему в гости, и мы ударяли наши веши в два баяна.

Лирические песенные закидоны наших солисток мы тоже практиковали в два баяна, что мы больше делали для хора. Выглядело это красиво и эффектно. Хорошо звучали песни на слова Исаковского и музыку Пономаренко, какие зритель принимал восторженно. Кроме песен мы, конечно, разнообразили наши концерты какими-то танцами и художественным чтением стихов и каких-то монологов. Такое разнообразие как-то обогащало концерты, и публика это принимала восторженно.

По секрету скажу вам, друзья, что часто очень хотелось протолкнуть со сцены какое-нибудь мое личное стихотворение, каких у меня и правда накопился вагон и маленькая тележка. О них белый свет понятия не имел, а Петрович знал их, читал, потому как я лично подарил ему аж целых три моих стихотворных сборника, вышедших из нашего областного сарыаркинского издательства «Классик». Одно такое мое стихотворение все-та-

ки прозвучало в исполнении Петровича, какой выполнил мое указание не называть автора стиха.

Запрет этот я объяснил Петровичу тем, что моя женка Гульчатай Калкеновна склонна к поверью бабок на посиделках: назови мое имя под стихом, и те же бабки и недобрые люди могут просто сглазить мой талант к стихам, и я вообще забуду, как они пишутся. Петрович смеялся над этим, как и я тоже, но в душе все равно копошились какие-то сомнения. В свои восемьдесят я уже мог верить многому и этим бабьими поверьям тоже. По совету моей Гульчатай дома мы называем себя киношными и прочими именами современного мира и своей республики, чтобы сглаз или присушка падали на эти имена, а не на наши личные. А вот когда прозвучит подлинное имя перед залом, то это просто опасно. Свою Гульчатай я слушаю и выполняю все ее указы. Вот почему я запрещал Петровичу называть свое авторство.

Дать кому-то прочесть свое стихотворение из новых чтецов пока не намечается, поскольку «Сударушка» пока несет свой поминальный крест по Петровичу. Не знаю, кто найдется такой смелый, чтобы прочесть мое стихотворение без названия автора, только такое стихотворение я наметил. Читать с листа мне кажется унижительным действием для коллектива, а найти смельчака выучить стихотворение наизусть в наши старческие годы просто невыполнимо.

А стихотворение я подобрал большое, на трех страницах тетрадного листа, какое, разумеется, надо читать, стоя у микрофона с листками в руках. Как это будет выглядеть, я не представляю, потому решил стихотворение свое залу не предлагать. А предложу я его в этой моей, на мой взгляд, последней книге. Дарить ее будет просто некому, поскольку «Сударушка» за какие-то два года потеряла аж трех своих участников - Марата Ибсасаровича, Надежду и вот Петровича. В их бытность свои книги я дарил только им, моей родне да своей поселковой библиотеке, так что двадцать экземпляров, мною заказанных, разбегались, оставаясь у меня лишь по одному.

Таких книг сейчас у меня двенадцать, как двенадцать и в библиотеке. Не ведаю, кто их читает, только о моих книгах никто не сказал ни слова, ни полслова. Подумал: я того не заслуживаю, как и мои книги. Кто его знает, что я там наворочал в мои семьдесят пять-восемьдесят лет... Какой ум у

человека в эти годы - понятно, чего не отрицает и медицина. Ум за разум заходит, это бесспорно, а если что-то и прорезается сногшибательное, так это не иначе как исключение и какое-то предупреждение об отбрасывании копыт. Предупреждала же меня Гульчатай, что бабки предрекли мне скорый отброс копыт. Обещали бабки моей Гульчатай такое событие с моими копытами в 2016-ом и 2017-ом, а нынче уже середина 2018-го, а я жив-здоров и даже могу быка завалить, несмотря на мои восемь десятков. Так что говорю Гульчатай, дай бабкам на пузырь, и они будут о тебе и обо мне другого мнения, не станут предвещать мне отбросить копыта хотя бы в этом десятилетии...

Гульчатай согласилась со мной и говорит, что надо попробовать. Ее бабки на посиделках шустрые, как электровеники, они за пузырь могут аж пуститься в пляс. Поддаточный момент у них случался не раз и не два, так что лишний пузырь, да еще со стороны, непременно составит для них праздник. А чего? Бабки все боевые, в основном безмужние, потому как мужья поотбрасывали копыта кто при коммунизме, а кто в наши СНГ-вские годы. У одной бабки есть муж, но он способен только есть, пить и лежать у телевизионного экрана.

Словом, говорят бабки, нынче пошел безмужний век. У молодых мужья то спиваются, то уходят к молодкам, а то и вовсе за колючей проволокой коротают свою молодость. У стариков так еще есть какой-то ум, а у молодых ума жок, как и акша жок. Вот они и зарабатывают то торговлей наркотиков, то грабежами квартир и пенсионеров. Словом, делают все, чтобы не пахать, а деньги иметь.

Но это мои старческие суждения. Что ни говорите, а в них много правды. У дневника своего я спросил, поддерживает ли он меня, так он ответил мне, что полностью поддерживает. А насчет стихотворения, какое я планировал зачитать со сцены, решил не связываться с публикой, а просто доверить его этой книге. Стихотворение это выглядело вот таким образом:

Как верблюды, топчемся с нашими машинами,
Какие, хоть убейся, а рождают смерть,
Где пешеходов давят выпившими шинами,
Что совсем нередко нам удается зреть.

На Западе законная извечная трезвянка:
За рулем поддатый? Да Боже упаси!
У нас же умудряются даже спозаранку
Засосать стопарик и сказать: мерси!

А виной тому тут русская натура
С ее такой открытой и простой душой.
Какая по своей изысканной культуре
Старается всем сделать только хорошо.

Нынешнее время все-таки другое,
Не то, какое было и двадцать лет назад,
Мы забыли песни про Ржев и Боровое
И даже не выходим на праздничный парад.

Мы своим достатком просто обленились,
Это видят СМИ и даже весь народ,
А в проблемах наших мы просто закрутились
И отчего-то топчемся, не двигаясь вперед.

Да, черт возьми, что стало с нашим новым веком,
Когда великий СССР, как свеча, угас?
Что стало с СНГэвским новым человеком,
Какого не волнует народной воли глас?

В Арабских Эмиратах - бесплатное лечение,
Бесплатно обучение, и там народ живет!
Не иначе как Бог на солнечных качелях,
И как сыр катается в своем довольстве кот.

А ведь у нас бывало лечение бесплатным,
А за обучение не бралось ни гроша,
Люди отвечали на это адекватно,
Поскольку у страны была своя душа.

Теперь мы не иначе как белены объелись,
Или нам наскучил наш помутневший век?
Теперь мы и молиться Богу разучились,
Когда жизнью правят акша и человек.

Чтобы твои зубы хорошо кусали
И тебе к кровати на пузе не ползти,
К тому же и в амбиции по жизни не бросало,
Без куска останься, а деньги заплати!

Таков наш неизведанный сегодня век аморфный,
Который больше ранит, чем гладит и роднит,
И жизнь людей никак не делает комфортной,
Невзгоду и коррупцию по стране родит.

Так чем же СССР пред нами провинился,
Что его угробили без всяких революций?
Теперь тот СССР в анналы закатился,
Не требуя от мира каких-то контрибуций.

Нынче в СНГэвскую недобрую годину
От жизни ждать приходится только лихолетья,
Мы просто не находим никакой причины,
Чтоб себе признать: песня твоя спета!

А все же в нашей жизни есть свое движение,
Как и есть бывалый боевой народ,
Который своей жизнью ладит отражение
И призывает каждого идти на свет, вперед.

Наша правда жизни думать заставляет,
Платное учение с учебой - парадокс.
В альма-матер разные без денег не пускают
И просто заявляют: до них ты не дорос!

По сути, я забыл, какое в мире море
И какая бегаёт по нему волна.
И с волнами целуются ли утренние зори,
Когда вокруг лишь звезды и та же тишина?

Не бывал на Черном я лет двадцать-тридцать,
А виной тому все тот же СНГ,
Нынче в те же Сочи с Ялтою податься
Можно только в радостном и непробудном сне.

Ах, зачем Союз наш взял да развалился
Все свои республики на части разделив?
Вместо СССР теперь СНГ родился,
Собой породивший лишь живой нарыв.

Три политика страны полюбили рощу,
Где, авторучки с рюмками дружески сомкнув,
Посчитали; будет жить на свете проще,
Кто своей свободе всемерно присягнул.

Теперь живут республики со своей свободой,
У каждой свое солнце и судьба в себе,
Они светят только своему народу,
Его новой жизни и его судьбе.

А флаг своей страны свой ветер и колышет,
Все в моей республике только лишь мое!
Этим люди славятся, питаются и дышат,
Славя свою жизнь и свое житье.

В этом деле я, друзья, отступлю от правил
И стихи на новую веточку направлю.
Мир своей проживает отрадой
И своею надеждой живет,

СНГ же как будто в засаде
В мир со всеми попутно идет.

Казахстан и Москва с Украиной
Ускоряют по миру шаги,
Остальные в пространстве невинном
Нарезают пока лишь круги.

Где конец их крутого круженья?
Даже Бог с поднебесья не зрит,
СНГэвцы не ждут одолженья,
СССР их как прежде манит.

Союз прежний устраивал каждого,
Та ж свобода и та же любовь,
Жизнь смыкалась во всем не однажды,
Когда лилась даже общая кровь.

СНГ ж в большинстве непонятен,
Двадцать лет и в сегодняшний миг
Обтекаемый он, неохватный,
Полный всяких шарад и интриг.

С Н Г , как космический сгусток,
Лишь названьем в народе живет,
В нем бывает и пусто и грустно,
И куда он на деле идет?

Станет ли преподобной Америкой
Иль, как прежде, большим СССР?
Или жить станет новыми мерками
На свой страх и свой новый манер?

Жить своею крутою свободой,
Независимость в мире храня?

И все больно народам сегодня
Видеть только родные края.

Видеть только родные границы,
За какими чужие дома,
СССР теперь только лишь снится,
Придавая для мыслей ума,

Какой все ж повелит всем проснуться
И всем друг другу руку пожать,
В реку общую всем окунуться
И детей друг от друга рожать.

То и будет единой страную,
То и будет единый народ,
Какой зовется единой семьею
И всей семьею шагает вперед.

Жизнь просит нас за руки взяться
И всем влиться в большую страну,
На нас извне не станут бросаться,
Чтобы с нашей дороги свернуть.

Ведь пытались враги в сорок первом,
Но единых нельзя победить!
Путь единых для нас — путь примерный,
Он позволит нам счастливо жить.

Такое большое стихотворение, конечно, наизусть не выучить, а вот в эту книгу его тиснуть можно, что я и делаю. Но, признаться, хочется, чтобы это стихотворение прозвучало и со сцены, у микрофона с листка. Поручу я это дело кому-то из отважных чтецов «Сударушки», предварив примерно таким вот замечанием: «Друзья, для своих выступлений мы ищем песни в разных песенниках, а вот в одном из наших журналов нам удалось подстрелить вот это, на наши взгляд, интересное жизненное стихотворе-

ние, близко видящее нашу современную жизнь. Автора наш переписчик упустил, но стих, по нашему мнению, стоит внимания простых людей. Мы думаем, что не утомим вас этим стихотворением, какое нигде не комментируется и о каком не говорят ни издатели, ни ведущие поэты страны. Давайте и мы промолчим, а если кому-то захочется что-то сказать о нем - пожалуйста, мы вас только поприветствуем».

Не знаю, как все будет и исполнится ли моя задумка, только стихотворение ждет своего времени. Стихотворение свое я несколько раз протудировал и подумал: его можно в таком виде преподнести веселовцам. Пусть о нем никто ничего не скажет, но должно же оно оставить в людях какой-то живой след. Если подумать и разобраться, то в стихотворении видна какая-то правда нашей жизни: гибель СССР, рождение СНГ, жизнь отдельных республик, у каких свои границы, свои столицы, свои деньги, свой язык, свои нравы и обычаи... Оно было и прежде, без этого нет национального самовыражения, но все равно, раньше как-то оглядывались на Москву и делали то, что она советовала. А она не советовала ничего худого. Началась война - она всех призвала на оборону, началась целина - народ подался на нее со всех уголков большого и единого СССР. Ну, а когда полетел Гагарин, появились и наши казахстанские космонавты. В других республиках СНГ космонавтов пока не отмечено. В целом, как мы видим, Москва нам близка, и, может, она когда-то в будущем вновь станет общей столицей большого объединенного государства.

Глава десятая

Насчет какого-то бабкиного сглаза и присушки, о чем не раз мне говорила Гульчатай, и того, что я вскорости отброшу копыта, потому как в свои восемь десятков нахожусь на литературной тропе, пишу стихи и прозу, я начал придумывать какие-то средства защиты и предохранения от всех бабкиных предреканий, о чем мне говорила моя Гульчатай. Подумал: бабки - они в Африке бабки, потому их надо как-то опасаться. Говорила же и советовала моей Гульчатай одна бабка из той компании, какая все свое свободное время проводит на старческих посиделках, как надо предохра-

няться от сглаза, зависит, дурных бабкиных пожеланий, какие благостей желают только себе. По советам той самой бабки надо просто забыть свое имя и называться у себя дома кем угодно, хоть горшком. Все бабкины нарекания и сглаз падут на имена, какими мы именовались дома.

Мы с Гульчатай и по сей день придерживаемся этого совета бабки Матрены, какая уже почилла, мы ее схоронили, отметили сорок дней и даже годовщину. Как бы там ни было и как бы бабки ни придумывали свои глазливые вещи и нарекания для тех, кого они не любили, сглаз, всякие присушки и злые пожелания нас не донимают с Гульчатай как бы не всю пятилетку, как не донимают и всяческие болезни. Пенсии мы получаем вовремя, деньги у нас водятся, по аптекам не шлюндраем, по больницам тоже. Присушивать у нас некого, потому как дети, внуки и правнуки далеки от Веселовки. Насчет того, как говорила та покойная бабка, для своей сохранности надо брать другие имена, что у нас с женкой получается на всю катушку. Сегодня так моя женка говорит мне:

- Вот слушай, Есет Есенгали-оглы, уже пять лет как мы не ездим к нашим детям на Алтай. Понятно, что они заняты делом, и мы им будем просто мешать. Однако они же сами нас приглашают, а мы просто присосались к своей Веселовке и целую пятилетку не делаем из нее ни шагу. Что нам мешает, Жамбыл Зейнуллаулы?

- Ничего нам не мешает, Марал Алимбеккызы. Пакуй чемодан - и алга! Я так готов в любой день и час. Глядя на твою медлительность, дети сами приезжают к нам. Сын со своим сыном приезжали? Приезжали. Внучка Марина прикатывала? Прикатывала, да не одна, а сразу с двумя дочками. Неделю погостили, полюбовались Веселовкой, и четвертого мая текущего мы их проводили на их родной Алтай. Так что в оставшийся 2018-ый гостей нам ожидать не приходится.

- А сын-то грозился прибежать в июне, вроде у него отпуск падает на этот месяц...

- Не знаю я этих подробностей, Тугамбай Калкеновна. Это вы как-то там на своих мобильниках переговариваетесь, а я человек старый, темный и ваших секретов не знаю. Коль сын намечает приехать, то пусть едет, благо наступило лето и нам не надо обогревать нашу светлицу.

Ну, поговорили, посудачили и на том успокоились. Как там будут решать свои дела наши алтайцы - не представляю, буду ли лишь надеяться

на их решение. Если начнут дети звать нас к себе, то буду уговаривать Гульчатай на поездку. Она же, как я вижу, не хочет нарушать свой старческий покой. Наверное, ее сегодняшние семьдесят девять мешают ей ходить и двигаться, тем более мотаться по вагонам, какие она никогда не любила. В будущем году ей и вовсе стукнет круглая восьмерка, а это значит, что ее и вовсе не вытащить из Веселовки.

Когда приезжают дети, она рада без памяти, а самой выбраться к ним для нее стало истинным наказанием. Гляжу я на свою бабку и говорю ей:

- Тугамбай Калкеновна, ходишь ты без костылей и без палочки, ходишь ровно, не враскачку, чего бы нам не ударить на Алтай? До вокзала довезут таксисты, а там свободно прыгнем в вагон - и алга-на Алтай без пересадки. Какие проблемы, Кадиша Туkenовна?

- В общем, Азамат Сегизбай-оглы, никаких. Доживем до красного лета, а там посмотрим, как будет жизнь складываться. У Марины одна пойдет в четвертый класс, другая - в свой прежний садик, так что надо будет посмотреть, нужны ли им будем. У них с детьми забота, а тут еще мы нарисуемся. Надо, Сегизбай, как-то в глубину смотреть!

Против своей Гульчатай я пойти не могу, поскольку мы уже шестьдесят лет вместе. Это как-то обязывает прислушиваться к ней, к моей Гульчатай. Дурного она не посоветует, а от меня можно ожидать всяких неожиданностей.

Первое, что просто раздражает мою пожизненную сожительницу, так это расходы на мои книги, какие издаются в издательском доме. Не сказать, что я не даю ей денег из моей пенсии. Даю, и регулярно, половину притом ей, половину себе. Как она распоряжается этими деньгами - не представляю, но вижу, что холодильник не пустует, все магазинные деликатесы и у нее на столе. Сейчас так пошла черешня, она на нее падкая со всех сторон, а я к ней в целом безразличен, поскольку, говорю, это не моя стихия.

- Понятно, Азамат Есенгали-оглы, твоя стихия - это стихи...

- Что поделаешь, Дарига Калкенкызы! Не я ведь их придумываю, а они меня. Ведь находят меня и достают даже во сне. Почему такое со мной? Не представляю. Другие пенсионеры живут своей ежедневной обычной жизнью, захаживают в магазины, а то и в кафешку заглядывают, а я так нахожусь в плену набегающих строк. Сопротивляться им не получается, вот и сдаюсь им в плен.

- Ну, а в плену они тебя на кол не сажают?
- Да вроде оберегают. Единственная у них просьба: рисуй нас! Вот я их и рисую по-своему.
- Да, нарисовал ты, кажется, уже как бы уже не десятую книгу. Самого Лермонтова переплюнуть хочешь.
- А и переплюну! Он-то прожил всего лишь двадцать семь, а я восемьдесят. Усекаешь разницу?
- А эти десять больших ведь денег стоят!
- Ну и стоят, ну и что же? Я из твоей пенсии взял хоть одну тиынку? Своими обхожусь, к тому же и тебе половину моих «дембельских» отдаю.
- Ну, тут я руки вверх, Азамат Кузембай-оглы. Дом нам не строить, машину не покупать, в доме что надо - все есть. На жизнь нам хватает даже с излишком. Одеваемся мы не хуже других, а то и лучше.
- А все, наверное, потому что я не пью, не курю, не увлекаюсь никакими играми, как некоторые, о чем даже телевидение говорит. Не знаю, куда ты деваешь свою пенсию и половину моей, поскольку на питание, коммунальные услуги да телефон уходит какая-то десятка тысяч тенге, а остальные ты, наверное, под матрас ложишь.
- Так уж и под матрас... А детям посылаем к их дням рождения? Так что под матрасом у меня ничего нет, разве что кроме каких-то пару миллионов. Так это, Бузумбай Калкенович, на черный день. Нам с тобой по восьмерке стукнуло, а эти годы не слишком щадят стариков. Мы же видим по Веселовке, как они копытятся, не дотянув даже до наших лет. А мы чем лучше их, Марат Темирбай-оглы?
- Логика в том, Сауле, есть...
- Вот мы ее и придерживаемся. Отбросим копыта - дети приехать не успеют, а посторонние веселовцы нас и погребут, а может, даже и оградку поставят.
- Что-то мы, Кадиша, о печальном речь завели... Нет ли в том предчувствия?
- Какое предчувствие, Марат Сегизбай-оглы? Просто говорим о том, что есть, что видим и что нас всех ожидает не сегодня, так завтра, а не завтра, так послезавтра. Не будем же мы вечно рассекать воздух по Веселовке, когда-то должен прийти конец... Я бы так хотела, Азамат, первой сыграть в ящик. От меня ты избавишься и, может, даже после напишешь

обо мне книгу, какой-нибудь живой семейный роман. Шестьдесят лет мы с тобой, Темиргали, прокувыркались, так что тебе будет о чем вспомнить. Сына тебе родила? Железнодорожником он стал? Уже под шестидесятник подгоняет? Подгоняет, и, может, мы даже вырвемся к ним на этот шестидесятник.

- Ну ты даешь, Рабига Калкеновна! На шестидесятник - и не поехать? Что же это тогда за мать с отцом? Разобьемся, а поедем!

На деле же и разбиваться не надо. Об этом мы с женой уже говорили не раз, и Рабига моя только просила Бога, чтобы он сохранил нас и нашего сына в целостности и сохранности к его шести десяткам. А просить Бога, наверное, стоило, поскольку шестидесятник сыну стукнет аж в 2021-ом, а эти три года надо как-то прожить. Мне так уже стукнет восемьдесят четыре, а женке на пару лет меньше. Совсем не юношеские годы для нас, и кто знает, как сложится жизнь у нас за эти три года... Сыну так чего, он только-только по своим российским законодательствам уйдет на «дембель», а мы в наших годах уже не пустимся в пляс, не иначе как только будем друга поддерживать за руки.

Насчет же денег в издательство за мои книги, так это просто крохи. А ну попробуй вычитать все, узри, что там автор несет, вчитайся в каждую строчку, вникни в ее суть, а потом где надо поправь, где надо сократи, а то и вовсе выброси. Такое в редакторстве положено. Считаю, что в редакторстве работы непочатый край. Есть сведения, что в романе Фадеева «Молодая гвардия» редакторы обнаружили 273 ошибки. Какого они характера - Бог весть, но редакторы на то указали автору. По поводу этих 273 ошибок я могу и ошибиться, поскольку вылетело из памяти - тот ли был роман или «Последний из удэге». Запомнил, что Фадеев якобы даже благодарил редактора Лукина за найденные ошибки.

Возвращаясь к будничным моим дням и гуляя по Веселовке, я вижу ее людей и не вижу для них работы. В коммунистическую бытность народ всюду упирался рогом, и на улицах было просто не встретить живого человека. А сейчас так будто весь одиннадцатитысячный поселок вышел на показ. Ладно, пенсионеры шлюндрают, ну сколько их? На пару тысяч, может, с прицепом. А остальной народ? С потерей коммунизма из Веселовки исчезли такие организации, как геологическая экспедиция, «ГОРЕМ-29», ПМК, аэропорт, военкомат, большое двухэтажное общежитие ВОХР, ка-

кое, повторюсь, означало Веселовское общежитие холостых рабочих. Общежитие общежитием, а в нем проживало девяносто шесть душ, каких обслуживали как бы не два десятка сотрудников. В коммунистическую пору общежитие отапливалось обыкновенным крестьянским угольком, что требовало кочегаров, уборщиков и прочего обслуживающего народа.

Конечно, чтобы как-то выжить, люди открывают свои киоски, магазинчики да разные кафешки, другие торговые точки. Им это удастся, и это просто радует. Я коренной веселовец, потому мне радостно, когда люди всюду при деле. Раз люди работают, значит, им есть на что жить. Без денег нынче и шагу не сделаешь, говорят безработные, каких в Веселовке действительно вагон и маленькая тележка, хотя тут не вагон, по сути, а целый поезд.

Молодежь, как говорят, плевала на Веселовку и безработицу, рвет когти в областную Сарыарку, где как-то устраивается и делает свою жизнь. Меня же Сарыарка привлекает, конечно же, своим издательским домом. Дружим мы с ним уже как бы не круглую пятилетку. Как будет дальше - не представляю, только решил на этой книге поставить точку. Пора это сделать, советует и моя Гульчатай. Двенадцать книг, что я состряпал, многим поэтам и писателям удаются, а мне они подчинились за какие-то десятилетия. Наверное, бабки и правильно предчувствуют, что такая моя писучесть не иначе как есть предлог к отбрасыванию копыт.

А я, по сути, не хочу их отбрасывать ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшем будущем. А все как во мне крутятся планы на новую книгу. По сути, я ее начал и даже дал название «Веселовская исповедь». Вот на этой книге я и поставлю точку. Чем буду заниматься после - не представляю. Душа же подсказывает, что писанину я вряд ли брошу, и, может, только отброс копыт избавит меня от всех литературных поползновений. Когда ты работаешь, значит, ты живешь. Я работаю творчески, значит, я живу!

Удивляюсь, как много работал Лермонтов до самых двадцати семи годов, накопив материала на три объемных тома почти в семьсот страниц каждый, изданных московским издательством «Правда» в 1990-ом. В этих томах я усек «Героя нашего времени», «Кавказского пленника», «Мцыри», «Демона», «Вадима», «Княгиню Литовскую», «Странного человека», «Маскарад», «Два брата», «Цыганы», «Испанцы» и прочих, прочих. Что удивительно, в 1935-1937 годах выходит полное собрание сочинений Лермон-

това в пяти томах. Пять томов - и это до двадцати семи лет? Так на такое способен не иначе как гений, каким Лермонтов и успел стать.

Перелистывая Лермонтова, уже в который раз спрашиваю себя: ну, а ты где был, жертва аборта, в эти годы? А в тридцать где ты был, а в сорок, а в пятьдесят-шестьдесят-семьдесят? Ведь только в семьдесят ты, прореха на человечестве и человеческое исчадие, начал писать свои вирши и прозу. И вот за десять лет ты нацарапал всего лишь двенадцать книг, правда, в сотню-полторы страниц каждая.

Вот и правду говорят, что были люди в наше время... Таких сейчас приroda вроде не рождает. Если бы появились исключения, то в их плеяду я бы никогда не вошел, потому как появился в свет только в свои долбанные семьдесят пять. Пять лет после того печатаюсь и не знаю, когда закончу свою старческую писанину. Издательство так меня и нынче принимает и не дает советов завязывать с писаниной. Раз оно меня издает, значит, оно видит во мне продуктивного автора, умеющего чем-то заинтриговать и заинтересовать читателя, какого нынче на мякине не проведешь. Нынешний читатель - это сплошные Белинские, какие видят птицу по полету и определяют, чем дышит автор, дышит он прошлым или настоящим.

В прошлом тоже много было чего значительного, заслуживающего внимания писательского пера. Все это значительное вышло в свет и известно нашему читателю и мировому. Нынешнее же время не сравнить с прошлым, но и в нем есть свои нюансы. Есть свои отличительные черты, навеянные наступившим XXI веком. Минувший век так дал нам Есенина, Фадеева, Шолохова, Маяковского да Заболоцкого, а что даст наступивший - будем жить и будем ждать. Какие придут в нем люди, способные описать свое время и свой век, неизвестно, только мир не стоит на месте. И, может, даже породит таких же Пушкиных да Лермонтовых, Тургеневых да Некрасовых, Толстых да Чеховых.

Любая эпоха рождает своих просветителей, своих поэтов и писателей, какие живут своим временем и отражают его в своих произведениях. Отразил же Шолохов свой «Тихий Дон» и свою «Поднятую целину», как Островский заметил и понял в произведении «Как закалялась сталь», на каком времени, на чьих душах и чьих сердцах. Они знали свое время и свою эпоху, знали, какое человечество проживало в них. Мы есть потомки тех времен, и нам положено знать, как жили и что делали со своей жизнью предки.

Глава одиннадцатая

Не знаю почему, но вспоминаются мои школьные пионерские годы. Наверное, для душевной исповеди положено делать и это, как сделал в своей «Исповеди» триста лет назад большой француз своего времени Жан-Жак Руссо.

Я лично стал пионером в десять лет, когда учился уже в третьем классе. Когда принимали в пионеры, я обещал хорошо учиться, посещать всякие школьные занятия и мероприятия, чтобы оправдывать ленинский красный галстук. Было это семьдесят лет назад, но я горжусь тем временем и тем моим пионерством. Пионервожатым я никогда не был, потому как ими больше всего являлись девчонки. Они умели приказывать, чтобы в классе не хлопали отворотами парт, когда ученик садится за парту или встает с нее.

А отворотов на каждой парте было по одному на каждого ученика, державшихся на миниатюрных завесах. Когда был звонок на перемену, шум и гам поднимались неимоверные, этими отворотами хлопали, как зарядной пушкой, что показывали в кино. Сейчас этих парт и близко нет на этом свете, заменив их столами, а парту можно встретить разве только в столичном музее. Неведомо, что выиграло в том государство, только парты те были и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве с Брежневым, и даже при Горбачеве с Ельциным. Сейчас спроси у любого, что такое парта и как она выглядела, и вряд ли кто скажет, кроме стариканов моих лет.

А нас, пионеров, да и всех школьников в мой тогдашний век руководство нашего совхоза просило школу направить на хлебные поля на прополку. И мы ходили и рвали бурьян и всякие на хлебном поле растения. Комбайн заезжал на прополотое поле, и в бункер сыпалось чистое зерно без всякого бурьяна, осота и другой вредной растительности. Совхоз благодарил школу, а школа нас, учеников, чем мы довольствовались и гордились своим участием в чистоте хлебного зерна и тем, что мы являемся ленинскими пионерами.

Когда наша семья покинула Кенбидаик, в жалтырской школе в 1948-ом и в последующие годы прополку полей не предлагали, хотя в сельских школах это, возможно, и делалось. Я этого уже не знал, но прополочные уроки я прошел и верил, что они приносили государству пользу.

В жалтырской школе я проучился до 1955-го года, до выпускного класса, но из десятого сбежал на целину, оставив на отвороте своей парты на внутренней стороне ножом вырезанную надпись «Прощай, школа». Наверное, мне все-таки нелегко было расставаться со школой, но хрущевский призыв податься на целину все-таки взял верх, и я выполнил приказ партии, руководителя большого государства и своего комсомола и очутился на целине, какую поднимал, трудился на ней, как папа Карло, вырослел и становился известным человеком. Целина видела своих передовиков и отдавала им должное.

Уходя из школы на целину, матушку я не спросил и не предупредил, вернувшись с нее - тоже, а вот податься в железнодорожное училище так получил от матушки полное одобрение и поддержку.

- Хлеб, сынок, это не твоя судьба. Мы с твоим отцом так всю жизнь на хлебе были, пахали и сеяли хлеб. На этом хлебе я остаюсь и теперь и, наверное, останусь на нем до самой смерти. Железная дорога может сделать из тебя большого человека, и ты, может, будешь докармливать мать на старости. Пенсии нынче какие? Не разгонишься. Так что, сынок, правильно что ты решил идти на «железку»...

В Акмолинском железнодорожном училище мне так стукнул двадцатник. Два года я наматывал на ус железнодорожную науку и выпустился из училища в 1959-ом слесарем по ремонту тепловоза, когда всю нашу слесарную тепловозную братву кадровик Веселовского локомотивного депо увез на свою железнодорожную станцию Веселовка, какая притулилась в двухстах верстах от областной Сарыарки. От Акмолы до Веселовки мы теплепались поездом целых десять часов, однако добрались в марте того же 1959-го, с какого и началась наша самостоятельная взрослая жизнь.

В Веселовке жил я со всей своей училищной братвой в большом двухэтажном общежитии, общаге, три коммунистических пятилетки ударно слесарил тепловозы, доводил их до ума, после чего они с ремонтной канавы убегали под поезда. Что было новым в то время, так это то, что депо-вское начальство заставляло учиться в вечерней школе всех, кто не имел десятого класса. Эту вечернюю школу, или ШРМ (школа рабочей молодежи) я окончил в 1960-ом и получил заветный аттестат зрелости. Имея таковой на руках, не знал, куда с ним податься. Депо-вское начальство так предлагало пойти в железнодорожный институт и стать инженером, что и

делали многие мои друзья по училищу, такие как Николай Дудич, Павел Крашановский, Рахат Тухватуллин, Фарид Гелазиев, Павел Морозов, Бекетай Асылбеков, Виктор Вербя и Дулат Аманбаев.

Как я понимал, в железнодорожном институте надо было крепко шарить по математике, а я в ней разбирался, как свинья в апельсинах. В математике я был тупой, как сибирский валенок, и просто удивлялся, как мне удалось получить мой злополучный аттестат. Учителя наверняка меня как-то жалели, потому как литературу и русский я шарил, как бог. Мои сочинения на вольную тему учительница даже зачитывала в классе для всех. Как бы ни был, а в математике я был страшной тупой. Друзья же из районной газеты предлагали мне удариться в журналистику, где никакой математики отродясь не было. Там надо знать слово, русский, английский и изучать казахский. Английский я любил так с самого пятого класса и с преподавателем даже шарил на английском, а на казахском я даже могу объясняться в любви. Конечно, до литературного казахского мне было как свинье до неба, но с разговорным я мог дружить.

Как бы ни было, а к районным газетчикам я прислушался и в 1962-ом наострил лыжи на КазГУ имени Кирова, который был тогда в нашей южной столице. Учебная шестерка лет пролетела как один день, и я выпустился из университета с дипломом журналиста, каким никогда не планировал стать. В депо посмотрели на мой диплом и сказали, что он нужен им, как собаке пятая лапа. Так с этим дипломом я и продолжал слесарить еще целую пятилетку до 1973-го, в каком и подал заявление на расчет.

После депо мыкаться по Веселовке я не стал, а подался в организацию «ГОРЕМ-29», которая прибыла в Веселовку два года назад на строительство второй железнодорожной ветки «Караганда - Чу». В этой организации меня посадили в кресло начальника снабжения и сказали: ты справишься! В кресле начальника снабжения я прокувыркался до 1988-го, когда организацию ликвидировали как отжившую свой век.

Мне же ничего не оставалось, кроме как вернуться в депо, где меня уже знали как снабженца и определили в отдел снабжения инженером по снабжению. В снабженческом деле я был как рыба в воде, что начальство депо просто радовало. В депо я поставлял все, что нужно было для жизни и для работы, и так прокувыркался в снабжении до самого моего «дембеля» в первые дни 2000-го, сделавшего этот «дембель» даже несколько тор-

жественным. В благодарность я даже прочел свое стихотворение о депо, сделавшего из меня Человека с большой буквы, научившего жить и видеть жизнь во всем ее многообразии и человеческой бытности.

Ну, а «дембель» чего мне дает? Первые лет десять мы с моей женой занимались общедеповским огородом, где сажал исключительно один картопан. Другие, как приходилось видеть, сажали огурцы и помидоры, капусту и картошку с моркошкой. Мы с Гульчатай эти вещи покупали в магазине, а картопан так поистине является вторым хлебом. У кого был свой транспорт - машина или мотоцикл, те могли позволить себе такую роскошь, как огурцы, помидоры да капуста, потому как их требовалось постоянно поливать, чего картопан не слишком требовал, летних дождей ему хватало. Некоторые умудрялись поливать и картопан, чего не пропустили и мы.

Первое «дембельское» десятилетие минуло, а на второе мы с женой от огорода отказались. В магазинах этого картопана было хоть ковшом гребить, потому мы и освободили себя от этого трудного крестьянского увлечения. Гульчатай занималась своим обычным делом - говорила по телефону с детьми и с Алтаем, а я ударялся в долбаную для меня писанину, какая навалилась на меня даже в мои семь десятков. До этих семидесяти ничто во мне поэтическое не играло, а тут какой-то черт с цепи сорвался, давит и давит меня стихотворным налетом, от какого просто не было спасения.

Этим спасением явился для меня сарыаркинский издательский дом, который с 2013-го начал издавать мои книги, каких наклепал я аж целых двенадцать штук. Две следующие нынче находятся в редакции и проходят нужную работу, которая в 2018-ом наверняка будет готова и выйдет в свет. Итого получается, что я состряпал четырнадцать книг, а эта, что сейчас у меня под рукой, окажется пятнадцатой и наверняка последней, поскольку я просто решил завязать с писаниной.

Почему завязать? Да потому что я иду по своему девятому десятку и боюсь даже в этой последней книге повториться. Разве я могу вспомнить, что говорилось мной в той или иной книге? Вот знаю, что в одной из них, когда меня провожали на «дембель», я прочел благодарственное стихотворение. Ну вот тянет меня, черт возьми, тиснуть его и в этой книге! Не знаю, как на это посмотрит издательство, только я все-таки приведу этот стих. Мне он нравится, ну просто по-нашенски нравится, и не потому, что

там есть нечто сверхъестественное, а есть правда о моем депо, какому я отдал сорок лет жизни и какое стало моим домом и моей судьбой.

Ах, депо, депо, ты всегда со мной,
Ты всегда во мне, я всегда в тебе.
И сегодня я с головой седой
Благодарен всем и своей судьбе,
Что связала жизнь навсегда с депо.
Кров и хлеб дало, научило жить
И любовь свою и души тепло
Отдавать друзьям, верным долгу быть.
Сорок лет крутился я по своему депо,
Оно мне просто стало домом и судьбой,
На «дембель» провожая, дали мне пальто,
Мне жалко расставаться навсегда с тобой.
Ты меня растило, а я тобою жил,
Ты мне даже женку у себя нашло,
Сорок лет тебе я верно прослужил,
Все, что во мне лучшее, от тебя пришло.
Все, что во мне лучшее, это от тебя,
От твоих людей и от твоей судьбы,
Ты и остаешься мой дом, моя семья,
Где только дружба, верность и никакой борьбы.

Конечно, в тот час, когда меня провожали на «дембель», этих последних двенадцати строчек не было. Что ж, пусть поздно, но они пришли ко мне и истинно характеризуют мою любовь к депо, в какое я заглядываю и по нынешним временам. Заглядываю просто так, чтобы подышать депо-вским воздухом. Сорок лет я дышал им, каким-то образом наслаждался и набирал свои силы. Сейчас меня здесь мало кто знает и помнит. А оно не удивительно, потому как я уже двадцать лет на «дембеле». Помнят тех, кто не сегодня-завтра грозит уйти на такой же «дембель», кто вступает или только что вступил на «дембельский» порог. Кого-то я узнаю, а кого-то и нет, потому как мне стукнуло сексен быр жарым.

Часто склоняясь над своим дневником, подумываю: кем бы я стал без

депо? Целина и хлеб не стали бы моей судьбой, а вот депо стало. А все как коллектив в восемьсот душ знал свой долг перед страной и перед своим производством и потому отдавался им всем телом и душой. Время было какое, когда я пришел в депо? Хрущевско-коммунистическое. Нас учили и призывали отдавать работе всего себя. И я отдавался и даже был ударником коммунистического друда. Таких, как я, ставили в пример и советовали равняться на них, какие умеют нести вахту давнего-давнего Алексея Стаханова.

Не знаю, каким я был стахановцем, но добросовестным работником я был несомненно. Я понятия не имел, как это прохладиться на работе, тогда как другие это умели. Загнали тепловоз на канаву - и тут же приступал к работе, как и мои напарники. Мы, дизелисты, делали свое дело, топливники - свое, автоматчики, электрики, ходовики ударялись в свою стихию. Проходило время, определенное графиком, отремонтированный и отшаманенный тепловоз убирался с ремонтной канавы и убегал под поезд.

Сейчас такие прошлые вещи с работой сохранились, может, только в моей старческой памяти. Не знаю, как у прочего деповского народа, ушедшего на «дембель», только на меня такие мысли набегают. Может, это и натолкнуло меня на творческие закидоны, чтобы оставить память о себе и о депо. Читал, например, роман об инженерере Бахиреве и таком же инженерере Тине, какие трудились на тракторном заводе. Они тоже полностью отдавали себя ему, взамен лишь требуя любви между собой и чтобы им не мешали проявлять эту любовь.

Мне тоже депо не мешало проявлять свою любовь к моей теперешней Гульчатай, какая в дни нашего знакомства в депо была всего лишь простой расценщицей Надеждой. Конечно, и я при знакомстве назвался подлинным именем - Максим Веселовский. Надежда тогда тоже удивилась, как и кадровик Каскырбаев, совпадению Веселовски и Веселовского. Обсуждать такое совпадение не стали, а вот когда поженились, тут моя Надя-Каддиша-Гульчатай-Жанар да Рабига ударились в различные рассуждения о ее поселке, где она родилась, и о моей такой сходной с ее поселком фамилии. Она тоже поверила, как и Каскырбаев, о моих предках, какие наверняка здесь когда-то проживали и оставили поселку свое имя. Я точно так же говорил, что понятия не имею о своих предках, дедах и прадедах, какие блуждали по Казахстану в поисках хороших земель и хорошей жизни.

Глава двенадцатая

Сегодня 1 июня 2018-го, в какое исполняется сорок дней как не стало нашего незабвенного и дорогого товарища и друга, руководителя нашего ансамбля «Сударушка» Алексея Петровича Чеботарева. Как я уже указывал, Алексей Петрович просто заснул 23 апреля и не проснулся. Благо у него в гостях была дочь Алена, какая и увезла его в нашу южную столицу, где она проживает, где его и похоронили рядом с женой и сыном, ушедшими из этого мира более десятилетия назад. Девять дней Петровичу наша «Сударушка» отмечала в нашей Веселовке, а теперь вот настал черед отметить и сорок дней. Традиция есть традиция, от чего никуда не деться...

Не знаю, как все это делалось и кто все это делал, только народу было около полета, а «Сударушка» собралась полностью. Первое слово дочь Алена предоставила, видимо, организатору этого большого поминального коллектива, бывшему коллеге Алексея Петровича, такому же деповчанину и машинисту тепловоза Сагындыку Караболаеву:

- Нас с Петровичем связывала пятидесятилетняя дружба и сорокалетняя совместная работа в депо. Сорок лет мы с ним и другими товарищами водили поезда. Я их водил в Веселовке и на паровозах, и только в 57-ом Веселовское депо перешло на тепловозы. Петрович тоже водил поезда на паровозах, но у себя на Саратовщине, где он родился, учился на тепловозника, работал на тепловозе и по указанию тогдашнего МПС был с другими товарищами направлен в Казахстан, в нашу Веселовку, в наше локомотивное депо на помощь. Да, сорок лет мы отдали депо... Петрович был активным и знатным машинистом, он стал машинистом-инструктором в своей колонне, готовил молодых помощников машиниста. Общественной его работой и потребностью оставалась художественная самодеятельность нашего депо и нашего поселкового железнодорожного клуба, где Петрович был главным ведущим. Находясь целых тридцать лет на пенсии, Алексей Петрович не оставался в стороне от общественной жизни, был председателем совета ветеранов депо и руководителем художественного коллектива нашего веселовского клуба. Неожиданная смерть увела от нас нашего дорогого Петровича, по поводу чего мы сегодня собрались. Имя Алексея Пе-

тровича будет всегда жить в наших сердцах и в сердцах тех, кто был всегда с ним рядом...

Конечно, речь Караболаева поддержали, выпили по стопке традиционных жуз грамм, закусили. Сделали то же самое и мы с моей Гульчатай. Она налегала на какой-то салат, а я почему-то налег на блинчики - может, оттого, что от них исходил аппетитный запах. После розового аппетитного борща предоставили слово и мне. Дочь Петровича Алена знала меня еще по ранешней ее жизни в Веселовке, знала и то, что я был таким же, как и Петрович, железнодорожником, таким же деповчанином. Говорить речей я от природы был не мастак, а вот сейчас сказал, что было у меня на сердце:

- Друзья мои, сегодня мы отмечаем сорок дней, как ушел из жизни Алексей Петрович Чеботарев. Мы знали с Петровичем друг друга шестьдесят лет. Я три коммунистических пятилетки ремонтировал тепловозы, а Петрович водил на них поезда. В целом мы отдали с Петровичем депо по сорок лет нашей жизни, какое стало нашим домом и нашей судьбой. В далекие коммунистические годы мы с Петровичем влились в ансамбль «Магистраль», база какого находилась и находится в Сортировке. В последние годы коммунизма и жизни СССР нашу карагандинскую «Магистраль» по каким-то каналам пригласили с концертами в индустриальный Кемерово, где мы целую неделю выступали перед рабочими коллективами. По возвращению домой нас пригласили в Новосибирск, где мы выступали в знаменитом Академическом городке. В целом «Магистраль» выступила во всех городах нашей области, где нас всегда приветствовали и отдавали нам должное. В период уже нашей Независимости в нашем клубе по инициативе Алексея Петровича Чеботарева был создан ансамбль «Сударушка», где Петрович был руководителем. В «Сударушке» мы были с Петровичем ведущими баянистами. Теперь я остался один и не знаю, какова будет судьба «Сударушки» без Петровича... Сегодня мы отмечаем сорок дней, как Петрович ушел из жизни. Когда уходят из жизни друзья, это нестерпимо больно, когда же уходят большие друзья с широкой душой и с большим сердцем, это больно вдвойне. Давайте помянем Петровича, пусть земля ему будет пухом и царство ему небесное, и пусть его имя живет всегда в нашей памяти и в нашем сердце!

Конечно, по русскому обычаю выпили по стопке и вели какие-то разговоры. Наверняка вспоминали Петровича как талантливого руководителя

и ведущего, какой умел представить выступающего в лучшем свете. Песни «Сударушки» мы с Петровичем сопровождали едва баяна, что вызывало в зале крепкие овации. Отдельных солистов, бывало, я сопровождал только один - вероятно, чтобы не заглушать певца или певунью.

Как будет решаться судьба «Сударушки», пусть думает клубное руководство. Что у него на уме, я не представляю. Пять лет «Сударушка» отпела да отплясала, а теперь, наверное, можно и складывать крылья. О том я, наверное, скажу руководству клуба при встрече, какой давно нет, и намечается ли она, нам неизвестно. Я бы, к примеру, будь я директором клуба, пригласил бы всех участников ансамбля, поблагодарил всех за службу песне и песенному искусству и предложил мирно расстаться. Что сделает настоящая дирекция клуба - не ведаю, однако коллективно мы ждем какого-то конца. Что надумает клубное руководство, покажет время, но пока нас никак не тянет на поле битвы.

Если клубное руководство скажет: «Друзья, давайте жить дружно и дальше радовать веселовцев своим творчеством и своими концертами!», то я лично подчинюсь и буду настраивать свой баян на новые песни, какие выберет новый руководитель «Сударушки». Если его найдут, то «Сударушка» будет жить так, как ей будет велено. Скажут выучить песню на казахском языке - выучим, что коллектив делал и прежде. Я хорошо вписывался в казахские мелодии, в них столько было красоты и живительной силы...

Пока же после поминальных сороковин Алексею Петровичу я так удавился в творческую работу и в эту книгу, какую хочу в 2018-ом добить. Времени впереди много, а вот мысли у меня для книги истощаются. Я уж вспоминал и то, и это, но казалось мне мелочным. Загружать книгу пустопорожними словесами и мыслями не хочется, а хочется, чтобы книга как-то читателя затрагивала. Не хотелось бы падать низко и перед издательским домом, какой и так сделал для меня столько, что я просто считаю себя его должником. Как-никак, а «Классик» видит во мне зрелого автора, потому и тиснул аж целых теперь уже аж четырнадцать книг. Буду предлагать ему и эту пятнадцатую, но как он на нее посмотрит, не представляю. Бултыхаться на задворках событий в этой книге не хочется. Решил: раз уж я даю свою исповедь, как это сделал Жан-Жак Руссо в свое время, то исповедуюсь перед друзьями, перед веселовцами и перед своим временем, как это делал прежде.

Издательский дом пока не делал мне упреков в моих каких-то художественных упущениях, какие я ну просто хотел бы слышать от них. Не Толстой же я, черт возьми, и не Шолохов, не Островский и не Фадеев, а простой приземленный веселовский обитатель, у которого голова по части литературы варит немного лучше, чем у прочих жителей поселка. Ведь в издательстве классные журналисты, классные литераторы и классные Белинские, какие разбираются во всех литературных хитросплетениях любого произведения. Не верю, что я какой-то литературный вундеркинд, какой стряпает свои произведения без помарки и без поджарки. Будь я молод головой, молод душой и с молодыми мыслями - куда ни шло, а ведь я долбаный старик, долбаный Хоттабыч, какой идет по своему девятому десятку и своим уже застуженным умом не может вписаться в нынешнюю жизнь, в ее особенности, нюансы и всяческие изменения.

Ну взять хотя бы газетные и телевизионные сообщения. Человек ни за что и ни про что зарезал другого человека, ему почему-то только четыре года лишения свободы, а распространителю наркотиков - девять лет «колючки» и решетки. Женщина родила ребенка и бросила его на помойку, плач слышали прохожие, ребенка сдали в больницу, его вылечили, а мать нашли, пожарили, никакого наказания не дали и отпустили на свободу, только лишили родительских прав. Тут бы надо ее было запрячь за «колючку» лет на пять-шесть, так нет же, лишают материнства, а воспитание ребенка государство берет на себя. Какие-то недобрые отморозки отрубили собаке израненную лапу, залили ее зеленкой, перевязали и отпустили. Добрые люди собаку подобрали, вылечили, а отморозкам хрен по деревне: полицейские их даже не оштрафовали, потому как, наверное, собака - это не человек...

После сорокадневного поминовения Алексея Петровича я решил написать о нем воспоминания, своеобразный очерк. Материала о нем хватало, а вот куда писать, я не представлял. В областную газету? Так она вряд ли возьмет такую похоронную статью, хотя я нечто подобное в газете встречал. Но то писали настоящие авторы, а я в газетном деле был тупой, обычным Ванькой с пивзавода, какой знал, как варить пиво, а как писать статьи - увольте... Подумал: лучше всего я сделаю вещь о Петровиче в этой книге, а там редакция пусть разбирается.

На сорокадневных поминках народ был далеко не молодой, потому как

немолодым был и Алексей Петрович. В день смерти ему шел уже семьдесят девятый год, а на поминках были те, кто разменяли семерку и восьмерку с нулем своих лет. Были и те, кто уже подбирался к своей пенсионной колее. Те, кто разменял свои семерки в восьмерки, были на какие-то годы моложе Петровича, но все они знали его как своего вечного веселовца.

Из биографии Петровича я знал, что, приехав в Веселовку, он работал в депо и жил в общежитии, участвовал в художественной самодеятельности Веселовского клуба как ведущий, как певец и как чтец стихов и монологов. О том, что он еще и играл на баяне, я не знал, поскольку в клубе был свой штатный аккордеонист, какой и сопровождал все концерты. Я на баяне шарил, но в самодеятельность записываться не стал, потому как мне было только двадцать два и соперничать своим баяном с профессиональным музыкантом я не стал. Потому как я был не штатный баянист, а простой любитель, но неплохо шаривший баянные кнопки и растягивающий меха.

Это уже в «Сударушке» мы с Петровичем, как он говорил, спелись и спились и делали все, чтобы «Сударушка» жила. И, конечно, она жила своей жизнью и жизнью клуба, какой нас приветствовал, как приветствовал и веселовский зритель, какой умел ценить и понимать песни и все наши концерты. Ради веселовцев мы с Петровичем отчебучивали на баянах различные песенные новинки, сопровождая и новые танцы, какие умели показывать наши умельцы. Баянное сопровождение всегда воспринималось веселовцами, и мы всегда были рады, что доставляли людям удовольствие.

Сами наши участники так говорили, что они в коллективе «Сударушки» получают песенную и танцевальную терапию. Не знаю, какая эта терапия, но наши самодеятельные артисты и впрямь после всех концертов вроде как молодеют и нарождаются на свет Божий. Хотелось бы знать причину такого действия, но мы и я лично понятия не имели, кто бы мог нам о том поведать. Большие медики наверняка могли раскрыть эту тайну, но мы таковых не знали, не ведали, а обращаться к встречающему-поперечному врачу не хотелось, что считалось постыдным.

Наши успехи и наше здоровье после концертов ставили мы в заслугу Алексею Петровичу, а он по-своему определял, что хотя мы все сплошные зейнеткеры, то есть пенсионеры, но у всех нас артистическая душа. Коль мы поем, значит, мы хорошо себя чувствуем и в нашей жизни все идет жаксы-хорошо. Из двенадцати участников ансамбля половина была незауж-

ней и неженатой, но и это не заставляло их замыкаться в себе. Петрович так холостяковал двенадцать лет, другие - по восемь-десять, а наша певичка Клара так и вовсе овдовела всего лишь тройку лет назад.

Как бы там ни было, а «Сударушка» жила своей жизнью, своими песнями и своими танцами, а в целом концертами, какие и правда нас просто омолаживали. На репетициях я видел у всех боевой душевный настрой и желание рваться на сцену. Наверное, и правда их омолаживали аплодисменты и даже крики «Браво!». Такое вроде в обычных городах не встречается и не водится, а вот Веселовка позволяла себе такое действие. Мы кланялись публике и видели, что она и впрямь была честна в своих действиях, проявляя к нам любовь, уважение и восхищение. Наши с Петровичем баяны тоже делали свое дело, возвышая песню в своей красоте. Не ведаю, как справлялись бы с этим делом оркестранты, только у баянов было свое особое звучание, поистине своя музыкальная семантика. Сопровождение мы с Петровичем вели на разных тональностях, и общее звучание, на мой взгляд, просто завораживало публику.

Часто я анализировал концерты Шавриной, Зыкиной, ансамбля «Веселуха», где певцов сопровождали исключительно баяны, у каких было какое-то особое звучание, отличное от гитарного, балалаечного, скрипичного, духового. Уж не знаю, где и когда появился баян, но у меня был «Житомирский», а у Петровича - «Тульский». Наверняка один делали в украинском Житомире, а другой в российской Туле, но и тот, и другой отличались красотой звучания. По телевидению я видел баяны с пятирядной правой клавиатурой. Как на таком играть, не представляю. Наверное, это делалось для музыкантов-виртуозов, таких как Виктор Гридин, какой работал с Зыкиной в ансамбле «Россия».

А насчет наших холостяков так в своем дневнике я записал: «Любовь и развод состоят из шести букв, а имеют разное значение в жизненных инстанциях. Ребенок, младенец, какой не умеет ни лепетать, ни говорить, ни мыслить, а любить уже как-то по-своему умеет. Отец с матерью определяют это с ходу, а мать так в первую голову. Ее младенец, когда она подносит его к груди, уже зрением своим выдает свою любовь. Такова природа человека. Нечто подобное наверняка проявляется и в животном мире».

Насчет животного мира так я наверняка загнул, но, когда наблюдаешь котят с кошками и щенят с собаками, проявлении любви заметно явное.

Так что остается лишь верить, что у любви своя природа. Насчет же развода тут не должно быть никаких суждений. Разводов на свете не должно существовать. Разводы делают люди, они сами их придумывают, изобретают и осуществляют. От разводов, говорят, остается только боль. Это одни так говорят, а другие развод даже называют спасением. Вот и разберись тут с человеческим понятием развода...

Не знаю, не знаю. В этой части человеческого бытия я абсолютно тупой, как сибирский валенок, потому как не психолог и не могу понять человеческую душу. Наверно, могли это сделать наши великие Толстой да Чехов, Тургенев да Гончаров со своими засоней Обломовым, мог и Лермонтов с Бэлой, Казбичем, Печориным и Грушницким, княжной Мери и Максимом Максимычем. Их ума разбираться в человеческом характере и человеческой душе у меня отродясь не было, потому как я был простым провинциальным жителем Веселовки, какая смотрела на свет саманными хатенками, разбавленными современными двухэтажными и трехэтажными строениями, такими как школа, больница и жилой комплекс, навеянный новым временем и новым веком. В этой Веселовке я прожил шесть десятков лет, какая меня чему-то научила. Научила любить свою жену, с какой я не расстаюсь уже шестьдесят лет, любить сына, его детей и внуков, любить все и всех в Веселовке.

А меня так любили не более как моя женка, Алексей Петрович и наверняка «Сударушка», а простые веселовцы были просто добры ко мне. Добры ко мне и в издательском доме «Классик», хотя я хотел, чтобы он накатила на меня баллоны и как следует отчихвостила за некоторые мои произведения, в каких есть изъяны. «Классик» почему-то этого не делает, видимо, щадя мою старость и мою хоттабычевскую бороду, с какой я иду по своему девятому десятку.

Не знаю, что он скажет по поводу моей «Душевной повести» и «Моих поэтических завихрений», какие находятся на данный момент в издательстве в работе, какие я в них плел сумасбродство и ерундику. Времени минуло много, и у меня ничего не осталось в памяти об этих книгах.

А вот нынче так я стряпаю вот эту последнюю книгу-исповедь и не знаю, каков будет о ней отзыв. Я так на нее, как собака, поднимаю ногу и не думаю, что она достойна печати. Ведь тут почти нет живых людей, кроме меня и моей Гульчатай-Батимы да Кадиши, А что это за книга без

людей? Ведь люди-то делают жизнь! А у меня всюду одни слова, мысли, рассуждения и никаких живых действий, потому как нет живых людей. Конечно, хотелось, чтобы «Классик» откровенно затесал бы мне кол на голову, поднял на меня ногу или для жалости посадил меня в кресло и сказал, что книга достойна помойки. В новом нашем веке сейчас так не пишут, а находят другие пути, близкие к человеку, а не путающиеся близ него, как это у меня в книге.

Я вообще жду от «Классика» справедливого приговора, потому как мне больше неоткуда его ждать. Ну кто так обо мне тепло скажет, как не «Классик», поведавший свету такие слова: «Книга рассказывает о настоящей мужской дружбе людей, с детства переживших большие трудности - войну, голод, холод, изнурительный труд. Встретившись в железнодорожном училище, парни дают клятву оставаться верными дружбе, какие бы экзамены им ни устраивала судьба. В свои семьдесят шесть автор решил издать книгу, которая передает дух ушедшей эпохи, воскрешает понятия честности, порядочности, товарищества».

Это были отзывы о моей первой книге «Годы Орлиные», какую я сработал именно в свои семьдесят шесть. Господи, да кто же пишет в эти хоттабычевские годы? В эти годы обычно отбрасывают копыта, а я так бодрился, кувыркался с пером и даже выдал в свет роман в четыреста страниц. Книга эта вышла в 2013-ом, а в 2016-ом в новой моей книге «Классик» дает такой отзыв: «На страницах произведения автор отводит себе роль голоса жизненного опыта, делясь с читателем своими взглядами на окружающую действительность, высказывая точку зрения касаясь самых разных вопросов - политики, искусства, общественного уклада, моральных и нравственных ценностей».

В книге ранешнего 2014-го года, названной «Жизнь моя забубенная», прямым текстом говорилось: «Роман повествует о том славном поколении людей, которым выпало право поднимать целину и строить казахстанские поселки и города. Главный герой повествования Кузьма, выросший безотцовщиной - его батька-танкист погиб на фронте. Рано познав цену хлеба, мальчишка бросил учебу и стал помогать матери-комбайнеру. Как и другие произведения этого автора, эта книга заставляет задуматься о том, что такое настоящая мужская дружба, честь и достоинство человека. Неравнодушный читатель увидит примеры того, как легкомысленное отношение к

учебе, к спутнику жизни, пагубные пристрастия делают человека глубоко несчастным. Меняются времена и обстоятельства. Но всегда в цене остаются честность, порядочность, человеколюбие и трудолюбие».

Конечно, я кланялся всем этим отзывам, считая, что «Классик» умеет видеть людей, умеет видеть и достойных печати авторов, к каким «Классик» отнес и меня.

Глава тринадцатая

По поводу нашего баянного искусства так скажу, что бывали случаи, когда я натаскивал Петровича на какие-то песни и мелодии. Петрович не стеснялся брать мои ноты и мою пальцовку и говорил, что за баян с его работой локомотивщика он садится от случая к случаю. Мне, разумеется, было легче, поскольку я слесарил и был всегда дома. Моему баяну не меньше, чем мне, а его баян и вовсе у прежнего своего хозяина так валялся чуть ли не на помойке. Хозяин давно умер, а эту воздуходувку предложила его жена всего лишь за какую-то тысячу тенге, к какой Петрович самостоятельно прибавил еще полтыщи. Баяны наши, несмотря на свой возраст, хорошо отзывались и звонко отдавали свой голос. Я так свой баян купил в целиноградском магазине «Мелодия» и заплатил, как помнится, что-то около двухсот тогдашних советских рублей, на какие можно было в то время купить даже самого черта. Не знаю, сколько стоил черт, только этих денег мне пришлось поискать...

Был я тогда молодой, холостой и боевой, как электровеник. Училище я уже добивал, так что в Веселовку приехал уже с баяном, и меня местные мужики приглашали на свои семейные торжества, каким я не отказывал. На баяне так я шарил еще со школьной парты, когда приобрел у какого-то жалтырского работяги старый затасканный полубаян, на каком и набивал свою музыкальную руку. Учиться было не у кого, потому подбирал мелодии сам, и вроде у меня получалось. Как говорили в школьном хоре, я обладал хорошим музыкальным слухом. Наверное, это так и было. Потому, наверно, у меня и прорезалась страсть к баяну, отчего Петрович и сделал меня ведущим баянистом в нашей «Сударушке».

В последнюю пятилетку, когда «Сударушка» славилась и звенела по Веселовке, Петрович как-то сказал, что он намеревается покинуть свой родной поселок и переехать к дочерям в Алматы. Ему, мол, идет уже восемьдесят девятый, а это не шутка, хотя чувствует он себя довольно бодро и молодо. «Но знаешь, старик, лучше я отброшу копыта на глазах у дочерей, чем загнусь у себя дома в пустой квартире, в какой даже коты нет. А зачем он нужен, когда за ним надо ухаживать, кормить и поить? Квартиру никто не навещает, кроме тебя, так что я тебе просто благодарен».

А я и правда навещал Петровича более-менее регулярно. Я приходил к нему и приносил в подарок свои книги, какие выходили с 2013 года по 2018-ый. Итого я подарил Петровичу двенадцать книг, какие стояли у него в шкафу на видном месте. Принимая последние два сборника по две разные книги в каждом, Петрович сказал:

- Старик, когда я буду уезжать к дочерям, свой старый «Тульский» подарю тебе без всякой оплаты, в благодарность за все твои книги и за нашу дружбу.

- Ну, Петрович, ты за баян заплатил полтора куса, а я тебе дам в двадцать раз больше, что компенсирует твои расходы.

- И не подумай, дорогой мой, возьмешь только даром, как подарок и уважение к баянисту и писателю!

- Ну, Петрович, это противоречит нашему русскому обычаю: берешь - заплати...

- Правильно, но у нас это чистое дарение. Ты же мне подарил аж целых двенадцать книг, какие тебе уж точно недаром достались. Думаю, что тут не тысячами отдает, а сотнями тысяч. Я знаю, чтобы издать книги, надо заплатить тому, кто ее вычитывает, правит литературную и художественную сторону, расставляет знаки препинания в литературном плане. Если бы твои книги пустили в продажу хотя бы по одной и двенадцати, то у тебя бы хоть что-то да звенело в кармане, а так я вижу, ты гол, как сокол. Олжаса Сулейменова так издают пятьюдесятью тысячами экземпляров, и он их не дарит, как ты, а его книги продаются, и их читатель скупает, и писатель не занимает ни у кого три рубля до получки...

Спорить с Петровичем я не стал, а тут и подкатило печальное 23 апреля, какое и забрало Петровича. Забрало и его мечту о переезде к дочерям, о подарочном баяне и другие его благостные намерения. Я же на его баян

зуба абсолютно не точил. Единственное его достоинств заключалось в том, что он родом из Тулы, а Тула вроде испокон славилась этим инструментом. Как дочери распорядятся этой гармозой, я не знаю, но, думаю, увезут к себе, а там друзья помогут куда-нибудь его толкнуть.

Остался у Петровича и классный красочный концертный баян с пятью рядами на правой клавиатуре, на какой у меня никак не получалась игра. Петрович на нем шарил, а я не мог, потому как был тупой. Баян этот Петрович покупал еще при коммунизме в Прибалтике, куда он гонял тепло-воз на заводской ремонт. Стоил он по тому времени что-то около трехсот рублей или даже с прицепом. Может, сейчас его просто не докупишься, а тогда коммунистическая пора позволяла это сделать.

Сейчас, как я замечаю, баянов в магазинах вообще нет. То ли отжил баянный век и его стали готовить только по заказу концертных и театральных организаций, но баянов я не видел уже лет двадцать нив городах, ни на селе. К чему мы идем - не представляю, только мы, мне кажется, начали беднеть. В магазинах нашей Астаны полно гитар, балалаек, домбр, скрипок, всяческой клавишной электронной аппаратуры, а вот простой русской хромки, русской гармонии и русского баяна нет. Наверно, наступил такой век, когда электроника над всем возьмет верх.

Вчера позвонил в «Классик» и поинтересовался, как дела с моей «Душевной повестью». Ответили: все в порядке, работа идет, надо набраться, друг наш ситцевый, терпения. Набираюсь и жду. По сути, мне нужна сама книга, не процесс работы над ней. Коль книга в работе, значит, будет и ее конец. Себе же сказал: дорогой, умей ждать и догонять! Ложи свои старческие кости на диван, смотри ящик «Самсунг» и надумывай какую-нибудь новую книгу.

О новой, разумеется, я и не думаю, поскольку хочу довести до ума вот эту. В голове роятся какие-то мысли, я их схватываю и тискаю в эту книгу. Женка ко мне уже не пристает с заданием сходить в магазин и купить ей то-то и то-то. Я напрашиваюсь сам и прошу дать мне задание. Все равно жить без движения я не могу и потому буду рад пройти по Веселовке.

- Веселовский в Веселовке - это же примечательно, Гульчатай Калкеновна! Дай задание, а ты можешь заниматься своими делами...

И Гульчатай дает мне такое задание. Она пишет на листке список, дает мне теньгу и приказывает, чтобы упаковку с яйцами я дожил поверх всех

покупок. Конечно, я делал так, как она велела. Гульчатай раскладывала покупки по тумбочкам и холодильнику и оставалась довольной. На следующей неделе магазинный процесс повторялся: Гульчатай чиркала мне записку, а я отправлялся теребить Веселовские магазины.

В этих событиях нет ничего примечательного, заслуживающего внимания лично моего, да и всех читателей. Но мне просто хотелось подчеркнуть нашу с Гульчатай старческую жизнь. Глядя на других соседних стариков, не сказал бы, что у них сплошная идиллия. Конечно, они не бьются и не дерутся, а вот веселовское житье-бытье их каким-то образом да давит.

А давит веселовцев отсутствие в поселке центрального отопления, просто общей единой котельной. Двадцать лет назад она была, дышала, дымилась, трудилась и обогревала людские квартиры. Но после котельную ликвидировали, как врага народа, за ее нерентабельность, и теперь веселовцы вынуждены ставить в своих коммуналках обычные крестьянские печи с дверцами, вышками да поддувалами. К печам покупают дрова и уголь и дышат духом этих печей.

Мы с Гульчатай от печки решили отказаться и вот уже двадцать лет живем на электрическом обогревателе коммунистической поры, какой со своими обязанностями справляется все эти двадцать лет. В квартире мы не мерзнем, только зал на зиму закрываем. Восемиметровая спальня хорошо обогревается, в ней мы спим, живем и читаем наши подписные издания - журналы «Простор» и «Нива», покупные газеты «Криминальные новости», «Жизнь», «Авиатрек», «Ярмарка», «Газета для пенсионеров». Я ими интересуюсь более тщательно, чем моя женка, а Гульчатай больше ударяется в «ящик». Я по нему смотрю «Новости», «Лучше всех», «Аналитику», шепелевскую «На самом деле» и борисовскую «Пусть говорят». Эти передачи не пропускает и моя женка, так что конфликтов у нас с Гульчатай из-за «ящика» нет. Сейчас, когда на дворе главенствует июнь, я ухожу в зал, включаю свой старый «ящик» в 54 сантиметра по экрану и смотрю то, что меня интересует. А для Гульчатай я приобрел новый плоский «ящик», какие сейчас в моде и какие, бывает, раздает в дар на «Поле чудес» Леонид Якубович.

Так вот и живем мы с моей Гульчатай в зимнюю пору в нашей восьмиметровой спальне. В летнюю же пору, в святое утро, когда часы ударяют шесть раз, я ухожу в зал и занимаюсь всей моей писаниной, даже вот этой книгой, какую в текущем 2018-ом хочу добыть и поставить жирную точку

не только на этой книге, но и вообще на всем моем писательском творчестве. Считаю, что с писаниной пора завязывать, поскольку чего-то нового я вряд ли скажу сам себе и читателю. А читателя, как считаю, надо любить и уважать.

А Гульча моя остается в спальне и давит клопа до восьми, а то и до половины девятого, после чего, как слышу, встает, звенит ключами и открывает входную дверь, по рекомендации какого-то журнала выпивает натошак стакан воды и даже приглашает меня делать то же самое. Разумеется, я подчиняюсь. Ослушаться Гульчу в этом плане не могу, как и во всем другом тоже. Считаю, что Гульча в доме главный командир, а командиру, естественно, следует подчиняться.

А как не подчиниться, когда у нее в кастрюля есть супы-каши, а на сковороде жареный картопан или жареная капуста! Не отказываюсь, уплетаю все за милую душу, хотя на капусту я не падок, как не падок и на ее борщи, какие она так просто обожает. Пробую борщи и я, но выхлебываю юшку, а гушину с капустой и картопаном оставляю. По такому случаю она последние пять лет так для меня отдельно готовит какой-то из супов, а себя ублажает борщом. Бывает, чтобы не обидеть Гульчатай, набрасываюсь на борщи и я, но ем через пень-колоду, после чего набрасываюсь на чай, готовить который моя Гульчатай просто мастерица. Она в кружку каждое утро бросает по три ягоды чернослива, заливает кипятком, и чай настаивается. Попробуйте - вкус непревзойденный!

После завтрака, какой заканчивается в девятку, а то и в половине десятого, я ухожу в зал и вычитываю то, что я там утром намолол. У Гульчи же своя работа с ее плашкой или со смартфоном, по каким она связывается с Барнаулом или Новоалтайском, где наши дети, внуки и правнуки. Она остается довольной весь белый день, а я так ухожу на прогулку в наши широкие степные просторы, где здороваюсь с чабанами и обдумываю свои старческие мысли. Касаются они больше вот этой книги, ее дальнейшей судьбы. Книга у меня названа исповедью, а исповедь обязывает говорить о себе правду, обязывает открывать людям свою душу и свои мысли. В этой книге я вроде это сделал, остается лишь подумать, что «Классик» будет делать с этой моей исповедью. Примет ли он ее, найдет ли он в ней какие-то писательские поползновения или просто посчитает обычной крестьянской говорильней без всякого литературного духа?

Меня так больше всего волнует наличие в этой моей последней книге, сработанной на моем долбаном девятом десятке, литературно-художественного поветрия. В «Классике» особый журналистский народ, который действительно видит птицу по полету. До этого же «Классик» целую пятилетку стелил передо мной блажественные коврики, но, думаю, такая идиллия должна когда-то да закончиться. Не такой уж я избранный Есенин, чтобы тискать меня сплошь и рядом. Я обыкновенный Веселовский старикан Максим Веселовский, с какими-то дарственными от природы вкраплениями, какими явились для меня пушкинско-лермонтовские поползновения. В целом, мне до них, как свинье до неба, а вот к Есенину я цепляюсь больше других.

Когда садился за эту книгу, то думал: в ней я себя выставлю напоказ с головы до пяток. А чего, собственно, таиться? В тюрьме не сидел, в махинациях не замечен, в прелюбодеяниях не уличен, поскольку их отродясь не было. Мы с Гульчей так уже шестьдесят годков вместе и упреков друг другу сделать не можем, хотя мы были друг без друга целые месяцы, когда учились на заочке - я в КазГУ, она в «железке». А на заочке какого народу только не было! Там за целую месячную сессию каких только происшествий не бывало! И дни рождения у кого-то, и отметка окончания сессии, и коллективное посещение столичных кафе да ресторанов, до каких многие из нас были охочи. Я как пещерный Ванька с пивзавода из провинциальной Веселовки Сарыаркинской области так понятия не имел, что такое кафе или ресторан, а мои городские заочники так сплошь были городскими обитателями и хорошо знали цену всем этим кафешкам да ресторанам. Конечно, я не отсиживался в общежитии, а шел туда, куда шла вся моя заочная братва нашего факультета журналистики. Конечно, я не упивался, умел держать меру, но, как говорили, пусть Неру держит меру, а мы будем пить и веселиться, как настоящие журналисты, какие знают людей и знают жизнь.

А сегодня я так подумывал: пусть в южной столице поживает поэт Олжас Сулейменов, писатели Валерий Михайлов и Надежда Чернова, Светлана Ананьева и поэт Момынжан Хамраев, какому в марте этого года такшибанул целый восьмидесятник, а вот в Веселовке живет-поживает некий неизвестный свету, миру, нашей области и даже моей Веселовке поэт и писатель Максим Веселовский, какой таковым себя почему-то не считает.

Но таковым считают его в издательском доме, где без всякой утайки прямо говорят: живет в Веселовке писатель и поэт Максим Веселовский, какой уже написал двенадцать книг и у какого есть планы на будущие произведения...

Не знаю, как будут осуществляться эти мои планы, только в 2018-ом я начал вот эту мою чертову исповедь, не ведая, когда ее закончу. Не хотелось бы ее растягивать и делать длинной до самого Каркаралинска и объемной, как мой первый роман в четыреста страниц «Годы Орлиные». Не хочу я вводить в мою исповедь посторонних людей, старых и новых друзей, хочу рассказать лишь о себе. Вот хочу поделиться с читателем моей жизнью до войны и после нее, пусть он знает, где я родился и где крестился, где учился, где пригодился и чем теперь промышляю на своем девятом десятке.

А промышляю я на своем девятом десятке лишь писаниной да моими тремя-пятью километрами ежедневной прогулки в ту степь, какие меня как-то омолаживают и дают мысли для моих книг и даже вот на эту последнюю. Наверняка последнюю, поскольку и годы мои заставляют думать о том, и то, что я, кажется, все сказал о себе, о моей Веселовке и о моем времени. О том, что будет завтра, я не ведаю, но завтра не должно быть таким, каким является сегодня.

А завтра я не иначе как отброшу копыта, так же засну и не проснусь, как Алексей Петрович. Удивляться тут в принципе нечему. Петровичу так стукнуло восемьдесят восемь, а мне идет уже восемьдесят второй. Хорошо, если бы в молодости я не пил и не курил, так я ведь чертов баянист, а баянисту на гулянке так наливают в первую очередь. И я жил, и пил, и играл и не пьянел, потому как был молод и холост и, наверное, потому как никогда не был городским, не жил в городе с его асфальтом, машинами и выхлопным машинным духом, каким дышит любой городской житель. Я так до десяти лет не знал ни машин, ни их дыма, не видел паровоза и железную дорогу, кроме как в кино. Я знал только наше аульное кенбидаикское озеро, наши огороды и паслен на них, наши кенбидаикские степи и хлебные поля, на которых работали мой отец и моя матушка.

Что о том говорить... Отца забрала и угробила война, а матушка крепилась, работала на своем комбайне до «дембеля» и ушла из жизни в шестьдесят семь лет, уже сорок лет назад. На этом свете теперь оставались мой старший братан, я, моя сестренка и братан Анатолий, который в этом году

отметил свою шестьдесят седьмую весну. В будущем 2019-ом сестренке стукнет круглая восьмерка с нулем, как и моей Гульчатай, а я так пойду по своему восемьдесят третьему году.

Старшего братана мы схоронили в 2012-ом в его восемьдесят два года и просто пожелали ему царства небесного. О нем есть кому помнить, поскольку у него живы-здоровы четыре его дочери, проживающие в разных краях большого Советского Союза. Как бы ни было, а жизнь идет, ползет, волочится, а то и ускоряет свои шаги. За жизнью спешу и я, стараюсь запечатлеть то, что есть в ней примечательного, а то и негативного, какого, говорят, хватает по самую лысину. Новый век так ставит свои новые проблемы, с каким не всегда удастся справиться.

Касаясь лично этой книги, мне хочется, чтобы «Классик» не жалел меня и сказал бы обо мне самое веское и правдивое слово. Пусть это слово будет горячим, теплым, подогретым или холодным, как лед, я все равно его приму и наконец-то буду знать, чего я, прореха на человечестве, могу стоить. Во всех моих книгах аннотации «Классика» ну такие сладкие, такие приглашенные! Тогда как следовало бы мне и кол на голове затесать, и просто посадить в галошу. Так не делают этого мои «классиковцы», потому как я дед во сто шуб одет, и меня они просто жалеют. Мне же хочется горькой, но правды.

У нас, русских, так жива извечная тенденция: не навреди, не обидь. У нас ведь с тобой поделятся последним куском хлеба и подскажут, как найти правильную жизненную дорогу. Не на что жить - помогут, не во что одеться - оденут, отдадут последнюю толстовку и юбку, останешься без гроша - наскребут и отдадут последнее. То же самое делает со мной и «Классик», который делает с моими книгами многое, давая им жизнь и движение.

Я же, признаться, хочу правды. Я хочу, чтобы на меня катили баллоны и чтобы затесали кол на моей голове, чтобы я знал, чего я в этом мире стою и стою ли вообще. Если бы обладал талантом поэта, как Лермонтов, какой прожил всего лишь двадцать семь лет, а написал чуть ли не десятитомное собрание сочинений, а я, истинная жертва аборта, начал писать в семьдесят и до восьмидесяти состряпал всего лишь двенадцать книг. В десятый раз спрашиваю себя и свое время: что же ты, человеческое привидение, делал все эти годы до семидесяти? Только в семьдесят начал уметь, на-

бираться ума и к тебе стал приходить пушкинско-лермонтовский и Льва Толстого дух?

Природа вроде таких жизненных отщепенцев не создает. А я не иначе как есть природное исключение, достойное даже книги Гиннеса. А исключение, говорят, долго не живет, потому, наверно, близ меня она бродит со своею смертной косой. Когда это случится - не знаю, когда я засну вечным сном - не представляю, но, по утверждениям Гульчатаевых бабок, срок этот совсем недалекий.

Да, рассуждения об отбрасывании мною копыт в последнее время донимают меня часто. Вот ни с того, ни с чего, а мысли о моей скорой смерти набегают почти ежедневно, но я ими ни с кем не делюсь. Просто ношу в себе, в своей душе и в своем сердце, не ведая, когда же оно прекратит свое существование. Не делюсь этой мыслью ни с Гульчатай, ни с детьми, а про себя так думаю: вот отброшу я копыта, увезут меня на веселовское кладбище, и не ведаю, кто обо мне замолвит какое-то прощальное слово. Деповчанам я не нужен, поскольку двадцать лет как ушел из депо, там теперь совсем новые люди, какие о старых кадрах понятия не имеют. Будь жив Петрович, конечно, он сказал бы обо мне какую-то траурную речь, связанную с моей работой и моими занятиями. Он наверняка бы сказал, что от нас ушел большой и талантливый писатель и поэт, который написал аж двенадцать книг, которые он мне подарил, но которые вы никогда не видели. «Есть эти книги у нашего товарища Виктора Ивановича и в библиотеке, какую советую посетить. Кроме писательской деятельности, Максим Веселовский еще отдавал себя ансамблю «Сударушка», где он был ведущим баянистом». Ничего этого обо мне сказано не будет, потому как Петровича уже нет, а прочий народ меня знал постольку-поскольку.

Более-менее меня знают в «Классике» и в типографии, и то всего лишь несколько человек. Юлия из «Классика» так вообще меня только что увидела и узнала, для нее я показался истинным Хоттабычем. А она-то была красавицей и, наверно, вчетверо моложе меня. Словом, нашего брата-писателя не очень знают по книгам и по личности, потому как мы не умеем бросаться в глаза. В «Классике» меня знает еще пара-тройка человек, с кем я непосредственно общаюсь. Веселовка, как я уже говорил, обо мне понятия не имеет. Единственное, она знает меня как баяниста, а как писателя-поэта я для нее темный лес...

А откуда меня знать? Если бы мои книги продавались, то другое дело, а так меня знают лишь на слово да по представлению друзей. А как продавать мои книги, когда они по моему указанию издаются в двадцать-тридцать экземпляров, какие я тут же раздаю друзьям и родне?

В газете «Криминальные новости» так часто вижу объявление, какое говорит, что по городу там-то и там-то работают торговые точки, в каких можно купить продукцию «Классика». Продукция эта, как мне думается, газеты. А почему бы с газетами не толкнуть и какие-то книги, какие издательство издает? Господи, не один же я в области такой умный и пушистый! С прочими книгами можно бы предложить и пару-тройку моих по самой доступной цене. Вырученные деньги пусть идут только на нужды «Классика», у какого большая и ответственная работа.

Я вообще кланяюсь перед «Классиком», какой заметил меня как писателя и как поэта. Друзья и родня не знали, что я что-то шарю в писательском деле, теперь же родня знает, что я что-то царапаю по-есенински и по-лермонтовски. Хочу, чтобы эта моя исповедь тоже увлекла «Классик» и чтобы он сделал бы мне своеобразный подарок хотя бы к моему восьмидесяти третьему году. Дотяну ли я до него - не ведаю, но хотелось, чтобы эта книга вышла, пока я топаю по Веселовке. А уж без меня пусть моими книгами распоряжается время и новый человек, который пришел в нашу эпоху со своим временем, со своею жизнью, мыслью, планами и со своей судьбой.

Глава четырнадцатая

Как я вам уже докладывался, друзья мои, эта книга, по моим наметкам, последняя. Ну, последняя хотя бы потому, что она и название-то носит как исповедь. Что такое исповедь, понятно без слов, такое мы в жизни встречаем не раз и не два, а это значит, исповедаться и открыть свою душу у нас может каждый. Впервые, как мне сдается, сделал это знаменитый француз Жан-Жак Русо триста лет назад. В своей исповеди он писал: «Я хочу показать своим собратям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я, я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан ина-

че, чем кто-либо из виденных мною; осмелюсь додумать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь».

Удивительно, что писатель даже название своей книги не взял в кавычки, потому как речь шла не о чего личной книге «Исповедь», а о его личной душевной исповеди, что пытаюсь делать и я. Прочитывая мою черновую «Исповедь», кажется, я в ней как раз и рассказал, где я родился и где крестился, кто были мои предки, кто был в нашей семье и кто остался. Конечно, мне тоже хочется, чтобы люди, как и у Руссо, прочли мою исповедь без кавычек. От меня здесь, по сути, мало что зависит, а вот что сделает с моей исповедью издательский дом «Классик» — не представляю. Какого характера будет эта книга, в мягкой или твердой обложке и на сколько страниц она вытянет, я не приложу ума, хотя хотелось бы сделать ее в твердой обложке, меньшего размера, чем обычные книги, и броской на вид. Такое типография «Арко» делать может, что она уже и делала с моими прежними книгами, за какие я «Арко» просто кланяюсь и даже готов пойти к ним в рабство, как готов пойти в такое же рабство и в «Классик».

Писать о себе наверняка непросто, почему и требуется от человека особое умение владеть собой, пером и каким-то специализированным литературным направлением. Руссо сделал это классически, а я лишь кручусь на его задворках. У Руссо столько людей! Здесь и родители, и родители родителей, и слуги, и прочий-прочий народ старой обеспеченной французской семьи. А я так был сыном простого тракториста, простого рабочего, значит, и простой уборщицы, и мой век ушел от века Руссо на целых триста лет. Триста лет назад у Руссо, видно, было интересно и имело какое-то значение, а в моем XX и XXI первом веке, в каких мне жилось и приходится жить, жизнь обычной, простой, ничем не примечательной личности вряд ли заинтересует простого прохожего и простого читателя.

Как бы там ни было, а перед собой и перед читателем я исповедался. Интересного в моей жизни не было и нет, а вот мое увлечение литературой, стихотворными завихрениями и вообще писательским делом может заинтересовать не только читательскую публику, но и, возможно, кого-то из писательских кругов нашей области, какие могут сказать обо мне какое-то приветное слово. Ругать и пилить меня вроде не за что, а теплое

слово мне бы не помешало. Просто оно меня бы как-то ободрило и придавало новый стимул для творческой работы. Мне, старику, любой дифирамб не окажется лишним, какой я искренне приму душой и моим старческим сердцем. У меня от похвал вряд ли вырастут крылья, но вот чтобы погладили меня по головке, как ребенка, мне бы хотелось. Признаться, не люблю безразличных людей, безразличных к себе, к своим поступкам и к различным отзывам о своей персоне. Быть безразличным — значит быть бездушным и бессердечным, каким живой человек быть не может. Об этом говорит история, вся человеческая жизнь наша и чужая от прошлых веков до наших дней.

Быть безразличным к людям, к их судьбам живой человек не может, если он обладает каким-то умом и собственными мыслями. Безразличие рождает вакуум, пустоту, чего в человеческой жизни быть не может, отчего всегда ценно любое человеческое общение. Я так пообщался пока только со своей книгой, а как она будет общаться с читателем или читатель с ней

- не представляю и не дотумкаю своим старческим умом.

Как бы там ни было, а о себе я сказал все, что хотел сказать. В мои годы это, наверное, простительно. Знать меня от рождения по сегодняшний мой день, наверное, кому-то будет интересно. Кому-то интересен Пушкин и Лермонтов, кому-то Есенин, а кому-то маршал Жуков и летчик Николай Гастелло. Конечно, интересные люди, особые люди интересны всем, а вот простая посредственность вроде меня вряд ли может кого-либо заинтересовать. А мне, признаться, ну так хочется, чтобы мной заинтересовался «Классик» и чтобы он меня тиснул в этом году, в каком я решил завязать со всей своей писаниной.

Насчет жизни авторов и писателей мира мы, по правде, мало чего знаем. Мне нынче шибанул восемьдесят второй, а в марте будущего так стукнет восемьдесят два и рванет восемьдесят третий, а потому и хочется что-то поведать о себе друзьям, веселовцам, а то и большому миру нашей области. Это я вроде и сделал в своей исповеди, какую я еще не видел и не держал в руках. Правда, хочется увидеть ее живой. С книгой я сделал все, и книге я отдал все, а прочее зависит от больших людей «Классика». Свое время, свою душу, свой ум и сердце я отдал этой книге, а какой она придет ко мне - не ведаю, не знаю, не представляю. В этом деле я просто теряюсь. А все как я Хоттабыч, дед во сто шуб одет, какой смотрит на жизнь и не всегда ее

понимает. Не все понимаю в этой жизни, простой Ванька с пивзавода, но я живу надеждой увидеть живой эту книгу, какая уж точно прибавит мне какие-то силы и заставит думать о жизни, а не об отбросе копыт.

Как бы жизнь ни билась, ни крутилась, ни вертелась вокруг нас, внутри нас и вокруг своей оси, у меня с моей исповедью было все покончено, то есть я поведал о себе, что было и что предвещало быть. Теперь остается только ждать, какой стороной жизнь будет поворачиваться ко мне. В доме у меня тишь да благодать, никаких процессов ни со мной, ни с Гульчатай, никаких болезней и хворей, никаких удручающих известий с Алтая от детей. Напротив, с работой у них все ладится, дети учатся в трехкласске и в садике, а сами дети так в это воскресенье мотались в Новосибирск на цирк. Дети от цирка только млеют и просят свозить их в этот город еще раз. Благо, что у нашей внучки и ее мужа есть своя тачка «Ауди-100», так что проблем с поездкой не бывает.

Коль все хорошо с нашими детьми, внуками и правнуками, у нас с Гульчатай оттого сердце на месте и живем обычной, а то и приподнятой жизнью. Сегодня «курица» (наши с Гульчатай говорящие часы) так во всеуслышание сказала: «Четырнадцать часов», означавшее, что было уже два часа пополудни, а это означало, что женке моей следовало крутиться у плиты с обеденной похлебкой и какой-то другой снедью. После обеденной трапезы женка занимается своими делами, а я своими.

На моем девятом десятке теперь я больше упираюсь в свою писанину. Писанина эта разного характера, от стихов до прозаических набросков времен прошлых и сегодняшнего дня. А на деле меня больше тянет на стихи, какие я после зачитываю вслух лишь своему коту Ваське, какой почему-то пригревается у моих ног, лижет свою лапку и мурлычет, наверное, тоже что-то поэтическое, одновременно слушая и мои поэтические завихрения. Коль такое происходит с моим котом, то я подумал, что кот у меня грамотный, не иначе как окончил шесть или семь классов. А иначе зачем бы ему прислушиваться к моей поэзии? За такую услугу я наливаю ему целую миску молока, он его хлебает и становится добрее и внимательней к моим стихам. Гульчатай я их не читаю, она уходит большей частью на свои старческие посиделки, а мы с Васькой слушаем мои стихи, старые и новые. Васька к ним относится одинаково внимательно, за что получает новую порцию молока, а то и курятину из куриного супа.

Конечно, это мои шуточные заметки, какие, однако, имеют под собой какую-то почву. В нашем областном издательском доме «Классик», расположенном на улице Ерубаева, веселовского писаку знают и даже издают его произведения. Издают по просьбе автора в двадцать экземпляров, какие тут же расходятся по друзьям-пенсионерам и родне. Книги мои дедуганы-пенсионеры приняли с душой и даже пожали мне руку, а вот читали они их или нет - не знаю, поскольку минула аж целая пятилетка после вручения им моих первых книг, и целый год после вручения им последующих я не услышал от них ни слова одобрения или каких-то упреков. Ну, сказали бы: это хорошо, это по-нашему, все правильно, такое в жизни было, есть и будет, а это, друг ты наш, слабо, надуманно и нежизненно, а это вообще отдает Пушкиным да Есениным, какие наверняка были нужны своему времени, какое они и отображали в своих произведениях. Ведь и народ тогда был под стать своему времени...

Все эти мысли заставляют меня думать, что дедуганы мои просто забыли буквы. А чего им их не забыть, когда они кучкуются по гаражам да во дворах, где бьются в домино, в лото и в простого «дурака», а в гаражах так нередко звучат песни времен очаковских и покоренья Крыма. Простительно сие старикам, каким просто не хочется стареть сухими да потертыми, тогда как у жизни столько малых и больших планов для хорошей жизни всех пенсионеров Казахстана и Веселовки так в первую очередь...

Прочел я эти наброски своему коту, он прослушал меня и наверняка что-то нашел в них вразумительное. Ну, коту я могу довериться, потому как кот и я - одна семья, а вот как довериться белому свету, я не представляю. Не представляю, как примет книгу «Классик» и прочая общественность, только мне хотелось, чтобы книгу приняли даже больше, чем прежние. Ну, во-первых, здесь нет действующих лиц и нет литературной художественности, а есть какой-то отчет о том, что было, что должно было быть, но не стало, и что ожидается впереди с автором, какой идет по своему девятому десятку.

На деле же он, по сути, ничего не ожидает, кроме как предчувствия отбросить копыта. Его друзья так поотбрасывали их в семьдесят и восемьдесят пять с хвостиком и без, и только лишь Алексей Петрович Чеботарев скопытился на восемьдесят девятом году. Если я дотяну до этих лет, то уж точно эта книга не будет последней. Вот не будет, хоть вы кол у меня на го-

лове затешите. О чем будет та книга после этой исповедальной, пока даже ума не приложу, но не думаю, что мысли оставят меня и я буду вариться в собственном соку. Не знаю, не такого я душевного склада! Что подсказут будущие дни и ночи после этой книги, гадать не стану, мне бы только хотелось увидеть ее живой именно в этом году. Увижу, прочту, подумаю и задумаюсь над тем, о чем говорил и чего все-таки не рассказал и не показал моему дорогому читателю. Он мне дороже всего, почему я и хочу жить только для него.

И правда, а для кого мне жить? Какое-то время, а точнее сорок лет я жил для железной дороги, для нашего Веселовского депо, какое с 1957-го с паровозов перешло на тепловозную тягу. Ему я отдал молодость, силы, здоровье, мои мечты и планы, мою надежду на хорошую и счастливую жизнь. Депо сделало из меня человека, способного видеть жизнь, понимать людей, свое время и свой век. В Веселовском депо в мои годы работали восемьсот человек, восемьсот рабочих, какие имели свою душу, свой план жизни, свои мечты и ту же надежду на красивую, счастливую и обеспеченную жизнь. Пятнадцать хрущевских лет дали мне классную слесарную работу, аттестат зрелости школы рабочей молодежи, КазГУ и диплом журналиста, с каким я ни единого раза не был на журналистской работе. Я хорошо знал теорию, а по практике плавал и бултыхался, как раненный бегемот.

Работу же я, однако, делал, какую от меня требовали. Сказали быть снабженцем - стал им и двадцать пять лет отдал снабженческому креслу, в каком не сидел и не знал, как оно выглядит. Снабженческая работа тех лет, когда строилась электрифицировалась вторая ветка участка «Караганда - Чу», всегда звала меня в дорогу, каких у меня за четверть века снабженческой деятельности было как от Москвы до самых окраин. У меня этих дорог от Веселовки за двадцать пять лет было столько, что они вложились в книгу «Мои дороги», которая вышла в свет в 2017-ом. За книгу я кланяюсь «Классику» и типографии «Арко», к которым хоть сегодня готов пойти в рабство.

Сегодня же я живу только для литературы. Она меня пасет, хватает и даже ночью срывает с постели к журнальному столику, где блукают все мои писательские причиндалы. В старости надо бы опасаться этого, но оно меня донимает, и я не представляю, как ему сопротивляться. То, что мне диктует мое перо, то я и записываю. Этот 2018 год так надиктовал эту

исповедальную книгу, над какой я даже засыпаю и просыпаюсь. После, конечно, я вычитываю, чего там намолол, наставил да наложил, делаю какую-то правку и дополнительную вставку новых строк и эпизодов. Для этого приходится напрягать свою старческую память и вспоминать, что же такое было со мной пятьдесят, а то шестьдесят лет назад.

Если брать шестьдесят лет назад, то это были училищные годы, а если шестьдесят пять, то целинные. На целине я тоже прокувыркался аж два года, поднимал ее, жил с нею и на ней. Был передовиком и тогдашним ударником коммунистического труда, висел на доске почета, обо мне даже печатали статьи в районной астраханской газете «Новая жизнь». Как бы ни было, а целину я буду помнить не меньше как до гробовой доски, поскольку я на ней понял, как труден для человечества хлеб наш насущный.

Глава пятнадцатая

В середине 2018-го, когда книга близилась к концу, я решил прогуляться по Веселовке и просто поинтересоваться у стариков, подобных мне, почему поселок назван Веселовкой. Как-никак, а я тоже был веселовским, и это меня как-то да донимало.

На этот раз мне невероятно повезло, потому как в одном из дворов, удаленных от центральных улиц и высотных домов, я встретил на лавочке у солидного дома в шесть окон старушку, которая сидела с котом на руках и даже ему что-то наговаривала. Подошел, поздоровался. Бабушка ответила и спросила, какие силы и проблемы привели меня на их улицу, по какой даже машины не ездят, а прохожих и вовсе не заманишь, поскольку здесь нет ни магазинов, ни кафешек, ни парикмахерской, ни бани. Все они в центре поселка, а здесь старый Веселовский уголок, где живут давнишние люди, топят зимой свои печи, болеют, умирают и уходят на тот свет. Конечно, живут тут и молодые, которые работают в поселке, ходят в школу и в детский садик, справляют свои именины и вообще живут обычной Веселовской жизнью.

А я как раз у бабушки и спросил, не знает ли она, почему поселок на-

зывается таким красивым и интригующим именем. Неужто тут всю жизнь народ пил, веселился и тем разгонял свою тоску?

- Ах, дорогой, это довольно длинная история. Раньше, до 1934 года, когда здесь прокладывали железную дорогу на Балхаш, здесь была просто голая степь без единого домика. Когда железная дорога пролегла, остались несколько казарм, в которых жили строители. Время бежало, к казармам пристраивались дома, и вскорости вырос разъезд, какому дали номер три. Это не иначе как означало, что он от Сарыарки был третьим по счету, где паровозы останавливались с поездами и набирали воду. Строители возвели подъездные пути и поставили большие водозаборные колонки, к которым была каким-то образом подведена вода.

Как бы там ни было, а разъезд разрастался, рождались дети, появились школа и детский садик и что-то около десяти двухэтажных деревянных двухподъездных домов. А потом какими-то указаниями тех сталинских времен в поселке начали строить паровозное депо. Не поверите, строили его из камыша, облепили глиной, и паровозы въезжали в него на ремонт. Это было уже в 1937-ом, и я все видела собственными глазами, потому как шел мне тогда двенадцатый год.

А поселок рос и рос. Железнодорожники построили клуб, где гнали кино, а молодежь устраивала свои веселые гулянья. Вот тогда председатель поселкового совета и предложил присвоить поселку или бывшему разъезду не номер три, а назвать Веселовка. Предложение услали в область, и оттуда пришло уведомление, что предложение принято, поселок теперь будет величаться как Веселовка...

Конечно, я поблагодарил бабулю за ее рассказ и даже дал пятисотенную теньгушку. Бабушка удивилась, отмахнулась, даже рассердилась и сказала, что она не нищая и не побирушка. Я же убедил бабулю, что это просто дар за ее подробный и правдивый рассказ, о котором, думается, не все знают в самой Веселовке и близ нее. У меня даже начальник отдела кадров депо Каскырбаев интересовался, почему Веселовка роднится с моей фамилией.

- Слышала я фамилию этого отдела кадров. На такой должности он обязан был знать, а почему не знал - не знаю...

- А все дело в том, Анна Дмитриевна, что моя фамилия Веселовский, и он спрашивал, случайное это совпадение или кто-то из моих предков блуждал по здешним степям и до революции дал поселку такое название

по фамилии местного богача. Наделе же Веселовка и Веселовский совсем не родня!

Вот так и прознал я, откуда взялась Веселовка. Оказывается, она своим именем больше обязана своему бывшему железнодорожному клубу и председателю поселкового совета, какого уж давно нет на белом свете. Сейчас этого клуба нет, в нем разместился большой торговый центр. Бог с ним, с тем клубом... А вот подлинной Веселовке я отдал шестьдесят лет моей жизни и даже посвящаю ей эту книгу. Как примет ее Веселовка - не знаю, только одно название книги должно бы веселовцев увлечь. Вот и жду я эту книгу, а больше жду того, что скажут о ней веселовцы.

Заказывать я буду по старинке - двадцать экземпляров. Опять раздам библиотеке, родне и двоим пенсионерам. Прежде третьим был Алексей Петрович Чеботарев, но теперь Петровича нет, и дарить мне книгу будет некому. Близких мне древних пенсионеров, с кем я работал и общался, осталось только двое, а прочие были моложе меня. Знали меня, и я их знал, но никогда с ними не был близок ни по работе, ни по общению. Родни у меня тоже не слишком - брат, сестра, сын, внучка, сестра моей Гульчатай и две ее дочери, так что после раздачи им моих книг у меня в записке остается как бы не целая пятерка, какую я не знаю куда приткнуть и кому подарить. Сунуть простому веселовцу несолидно, а новые друзья у меня, старика, не появляются.

Вот и маюсь я с этими пятью книгами, не ведая, кому подарить. Гульчатай так как-то запросила дать ей пару-другую, а она подарит их своим бабкам, пусть и они знают, какой у нее боевой и пушистый дед, знающийся с самим Пушкиным. Они ведь сном-духом понятия не имеют, что ее кровный, совсем незаметный Веселовский вытворяет такие дела с книгами, какие сам же и стряпает.

Я своей Гульче отказал по причине того, что ее бабки книги примут для вида, а читать вряд ли будут. Ну какие из них чтецы, когда им дороги лишь их посиделки, всякие магазины, готовка дома питательного процесса? Все они одинокие, дети и внуки в разгоне, какие с развалом Союза Веселовку покинули и подались на российский континент, что сделал и наш сын, подавшись на алтайский континент. Так что бабок своими книгами я не осчастливилу, что посчитала правильным и Гульчатай.

- Думаю, что они вообще ничего не читают, - сказала она. - Я делюсь с

ними прочитанным в газетах и журналах, они же сном-духом о том не знают и не ведают. Они знают лишь то, что дает им их домашний цветной «ящик», потому правильно, что ты с ними не церемонишься. Вот дай им твои книги, так они начнут смотреть на меня как на жену писателя и в первую очередь спросят, сколько за них вам заплатили. Мол, ты, подруга, истинная миллионерша и скрываешь от нас свое рокфеллеровское богатство!.. Я думаю, что они именно такое скажут. Говорили же они о сыне давней Веселовской бабки, которая давно почилла, что он, владея всего лишь магазинчиком, подарил машину сыну и дочери, да и сам рассекает воздух на собственной легковушке. Личная его бабка так в шелка да шубы кутается. Нынче, Темирбай-оглы, бабки пошли не те, что были в наше время. Мои бабки моложе меня как бы не на целый двадцатник, потому у них и мысли дышат нынешним временем, какое признает лишь рубль, теньгу и доллар...

Своей Гульчатай я перечить не стал, потому как она говорила истинную правду. Чем жил наш сегодняшний мир и наша Веселовка, я знал, однако анализировать не собирался, а все держал в себе. Кое-чем, конечно, делился со своим дневником, а дневник был моим другом и душой. Вел же свой дневник и лермонтовский Печорин, и мне было интересно его читать. Ну как было не обратить внимание хотя бы на такую запись, как эта:

«Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее мягкий и нежный стан; моя щека почти касалась ее щеки; от ее веяло пламенем.

- Что вы со мной делаете? Боже мой!.. Или вы мне презираете, или очень любите, - сказала она голосом, в котором были слезы. - Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было так подло, так низко! Ваш дерзкий поступок я должна бы простить, потому что сама позволила. Отвечайте же, говорите, я хочу слышать ваш голос!

Я ничего не ответил.

- Вы молчите? - продолжала она. - Вы, можете быть, хотите, чтобы я первая вам сказала, что я вас люблю?

Я молчал.

- Хотите ли этого? - продолжала она, быстро обратясь ко мне. В решительности ее голоса и взора было что-то страшное...

- Зачем? - отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом лошадь и пустилась во весь дух по узкой опасной дороге...».

Речь шла о прогулке на лошадях близ Кисловодска княжны Мери и Печорина. Их встреча после той прогулки, где Мери первой объяснилась Печорину в любви, произошла на другой день поутру.

«- Вы больны? - спросила она, пристально посмотрев на меня.

- Я не спал всю ночь.

- Ия тоже. Я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь. Я могу вам все простить.

- Все ли?

- Все... только говорите правду... только скорее. Видите ли, я лично думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение. Может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... Это ничего, когда они узнают, я их упрошу. Или ваше собственное положение... Но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, кого люблю. О, отвечайте скорее! Сжальтесь! Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

- Я вам скажу всю истину, - отвечал я княжне. - Не буду ни оправдываться, ни объяснять свои поступки - я вас не люблю.

Ее губы слегка побледнели.

- Оставьте меня, - сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел...».

Не знаю, чем руководствовался Печорин, отвергая любовь княжны Мери, только мне хотелось бы узнать это от самого Печорина. Отказать знатной особе, богатой, красивой и молодой, мог только какой-то прохиндей, но Печорин таковым не был. Мне и захотелось узнать: чем жили люди двести лет назад, чем они руководствовались, какую проповедовали идеологию? Схожа ли она с нашей сегодняшней? Чтобы не блуждать по старому лермонтовскому времени, запишу то, чем наделил Лермонтов своего Печорина.

«Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю друзей? Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил бы княжне руку и сердце. Но надо мною слово «женитьба» имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если только она дает мне почувствовать,

что я должен на ней жениться - прости и прощай, любовь! Мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продам. Отчего я так дорожу ею? Что мне в ней? Куда я себя готовлю? Чего я жду от будущего? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, необъяснимое предчувствие. Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли? Когда я еще был ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне смерть от злой жены; это меня тогда глубоко поразило. В душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере, буду стараться, чтобы оно сбылось как можно позже...».

Вот таков был характер у Печорина. Удивляюсь не этому, а тому, что Лермонтов свои двадцать пять мог знать такого человека с характером Печорина. Фактически же в жизни такого не существовало. Но ум Лермонтова его породил и наделил всеми человеческими негативами. Удивляюсь, как можно было в двадцать пять разглядеть в своем обществе такую неординарную фигуру? Это общество, кстати, в 1840-ом приметил книгу «Герой нашего времени» и даже выпустило ее в свет. Так что Лермонтов был еще жив и наверняка свою книгу прочел. Прочел ее наверняка и дуэлянт Мартынов, у какого, однако, не дрогнула рука на дуэли с Лермонтовым...

Вот хотелось бы и мне прочесть эту мою книгу, пока я еще на ногах, топчу Веселовские улицы и переулки и вижу веселовцев живыми, красивыми и деятельными. Лермонтов увидел свою книгу в двадцать шесть, а я наверняка увижу свою в восемьдесят два. Улавливаете разницу? А говорит она о том, что я тупой, как сибирский валенок, против Лермонтова. Чего бы и мне было не написать в его годы хотя бы короткую повестушку или стихотворение? Так ничего я не написал и даже не намеревался ни в двадцать пять, ни в последующие мои годочки до семидесяти пяти. А чего же ты не писал, чертова жертва аборта?!

Разглядывая все мои книги, изданные «Классиком», так еще больше ругался и не находил самых обидных слов для себя, какие изобрела наша русская словесность. Не мог же я поумнеть только к моим семидесяти годам, оставаясь обычной черной пешкой, какая не может срубить ни одну живую человеческую душу и человеческую жизненную деталь.

Двадцать пять, а Лермонтов так понимал людей! А я-то, прореха на человечестве, чего в них понимал и понимаю даже сегодня? Я тоже, как и Печорин, не могу себя понять и найти, понять хотя бы в том, кто я был прежде и кто я теперь. Понятно, теперь я старикан, пенсионер долбанный, но, черт возьми, я ведь хоть помойный, но все-таки писатель, но почему-то такой поздний. Печорин так нашел бы, что сказать по этому поводу, а вот окружающее меня общество молчит или не желает обидеть правдой. Старикана просто жалеют и даже гладят его по головке в каждой моей книге. Накатить на меня баллоны и затесать кол на моей голове не решаются, потому я и хожу у них такой шелковый и приглашенный.

А я хочу, чтобы о каждой моей книге говорили правду - подогретую, горькую или подслащенную. Без правды я не буду видеть свои ошибки и не буду знать, как мне перестроиться и на что больше налегать, у кого больше учиться жизни и литературному мастерству. Намолоть языком можно что угодно, а вот чтобы эту муку и лапшу из нее принял читатель, тут мало только ума. Тут не иначе как должна быть особая душа и особое сердце писателя, но и собственный опыт человеческой жизни и отношение к любому человеку, какой был, есть и будет на нашей земле.

В общем, о себе говорить не буду, пусть о том говорят люди. Пусть они оценят, чего я стою и стою ли вообще. Написать столько книг не есть, наверное, подвиг. Говорить у нас умеют многие, а говорить много так удалось больше мне. Вот я и сказал, что было у меня на душе, и то, о чем думал когда-то и воплотил лишь теперь.

Сейчас, когда дописываю эту мою последнюю книгу, на ум приходят самые необыкновенные и даже экстремальные мысли. Кто же все-таки изобрел на земле бумагу? Древние греки, такие как Гомер, Аристотель, Плутарх и вся плеяда греческого цивилизованного общества до нашей эры оставила свои произведения о себе в письменах на коже и на какой-то лиственной коре. Как они дошли до нас - не представляю, а вот дошли же до нас «Одиссея» и «Илиада» и прочие произведения древности? Дошло до нас и «Слово о полку Игореве», какое тоже сначала печаталось на бересте - березовой коре, и только позже монахи перенесли ее на бумагу, какая и появилась на Руси тоже. В Древней Греции так писали на восковых деревянных табличках, на папирусах и пальмовых листьях.

А как ведает история, бумага была изобретена в Китае китайцем Цай

Лунь, служившем при императоре династии Хань. Китайцы свое изобретение долгое время держали в секрете, и только XI-XII веках бумага появилась в Европе, потому как секрет бумаги был у китайцев похищен. Как бы ни было, а человечество должно благодарить китайцев за бумагу и даже где-то поставить им мировой памятник.

Мне же остается лишь поклониться «Классику» и «Арко», какие меня видят и печатают. Хотелось, чтобы и эту мою книгу они вручили мне в нынешнем году, пока я еще что-то соображаю. А больше всего мне хочется, чтобы издательский дом сказал обо мне и об этой книге свое веское и правдивое слово, пусть будет оно даже разгромным. Как исповедался - не представляю, на Жан-Жака Руссо не равнялся и не копировал его страниц, а только, может, усек ход его мыслей. «Классик», думаю, в том разберется и скажет свое слово. Я его жду и просто живу этим ожиданием.

Глава шестнадцатая

Перечитывая черновые страницы исповеди, постоянно натываюсь на различные имена, какими мы себя с Гульчатай величаем. Она-то по жизни не Гульчатай, не Кадиша, не Рабига, не Жанар и не Бибигуль, не Сара и не Бикеш Калкеновна, а всего лишь Надежда и притом самая настоящая Веселовская, как и я, ее муж, Максим Веселовский, а не Абрам с Адамбаем, не Серикпай с Амантаем, не Есет Есенгали с Сагентаем. Этому самому Максиму сейчас идет восемьдесят второй, а значит, он топает по своему девятому десятку.

Разные имена - это предложение одной сердобольной бабки, которая надоумила так делать мою Гульчатай от сглаза, зависти, присушки и всяких проклятий с негативными пожеланиями и злыми намерениями посторонних завистливых людей. Такими больше всего как раз и являются эти самые бабки, с которыми проводит время моя такая же старуха Надежда. Я послушал сердобольную старушеницу и сказал о том своей женке Надежде-Гульчатай, какая уже слышала то же самое от той же бабки. Жаль, что она покинула этот свет, а так можно было бы ей лишний раз поклониться.

Я так применяю эти имена, чтобы в книге был какой-то юмор, чтобы

моя книга «Веселовская исповедь» не выглядела такой же скучной, как «Исповедь» знаменитого француза Жан-Жака Руссо, жившего аж целых триста лет назад. В его книге всего хватало - полно людей, полно событий, полно всяческих речей и диалогов, но нигде нет ни единой смешинки. Я же со своей старческой точки зрения считаю, что надо в книгу вносить какой-то юмористический налет, чтобы память читателя хоть как-то оживлялась, тем более если это не исторический роман, не роман типа «Молодая гвардия» или «Война и мир». Не знаю, как посмотрит на мою затею «Классик», только я отступать от юморных намерений не собираюсь. Вот спял я свою исповедь в этом роде, пусть такою она и выходит в свет. Переделать ее я вряд ли смогу, потому как у меня на то не хватит тям, да и лет мне - дай Боже каждому.

А не своими именами мы с моей Гульчатай кличемся и сегодня. Я по-прежнему и Амантай, и Тюлебай, а она у меня и Бибигуль, и Гульчатай. Думаю, что отступать от прежних правил не будем. Я так даже привык к новым именам и даже полюбил их, как и моя почтенная Надежда-Гульчатай-Кадиша-Жанар и Бикеш Калкеновна. Может, оттого столько лет бабки не могут нас сглазить и навредить нам, поскольку это просто бабкины завихрения и ничего подобного сглазного в мире не существует. Сглаз, присушка - это все бабкины придумки, какие живут временем не Олега, так Игоря, если не Ивана Калиты, то уж точно Ивана Грозного.

Касаясь прошлых лет, какие я в книге не затронул, так мне больше вспоминаются те два года с 2010-го по 2012-го, когда меня не было в Веселовке, вынужденного ухаживать за парализованным инсультом братом на отдаленной станции Жалтырь, до какой от Веселовки надо поездом добираться как бы не полсуток. Два года я не был дома у себя в Веселовке, но с моей женой связывался по телефону и брал у нее уроки приготовления того или иного блюда. Брат уже как бы не целый десяток лет жил один, сам себя обслуживал, сам себе готовил крестьянские обеды-ужины и жил не хуже других, ухаживал за курками, какие кормили его яйцами и яичницей, гонял на своем мотоцикле по деревням, а то и наведывался в местный элеватор и доставал зерно для своих пернатых кормилиц. Зерно пригождалось и для хрюшки, какую он откармливал, а потом приговаривал к казни. На стороне мяса не покушал, потому как жил по старинке - все свое! А вот масло и молоко покупать приходилось, потому как брат их любил, потому

как рос на них во время войны, когда отец ушел на фронт, а матушка не стала от коровки избавляться. Когда началась война, братану моему было уже одиннадцать, так что в нынешнем 2011-2012-ом, когда я ухаживал за парализованным братаном, ему шел уже и восемьдесят один, и восемьдесят два.

Что такое ухаживать за парализованным человеком - не дай Бог никому такой участи и тех мучений, какие перенес я, семидесятипятилетний, такой же дедуган, но стоявший на своих ногах, способный двигаться и думать головой. Мыть, купать, менять памперсы - без этого не было бы его жизни. Я со всем этим справлялся, а в те минуты, когда брат засыпал, наваливался на свой дневник и в нем отводил свою душу. В один из дней такой душой и стало вот это стихотворение:

Мой мир сегодня - тихая квартирка
И чудо-осень с золотой листвой,
Растопка печи, маленькая стирка,
А к вечеру - звонок себе домой.
С женою делимся приветом, новостями,
Она - о Веселовских, я - так о своих,
С писаниной, редкими гостями
И уединеньем с братом на двоих.
А в ночь экран нам душу согревает
Новостями, фильмами, надеждой,
В ней жизнь живая жизнь обгоняет,
Вселяя каждого в роскошь и коттеджи.
С собой делюсь: то правда иль виденье
И так ли счастлив нынешний наш век?
У меня в душе нетленное сомнение -
Нет, не каждый нынче счастлив человек.
Меня так давят жизни наваждения,
И каков же будет жизненный мой рок?
А жизнь говорит: прими для охлаждения
Хоть и горячий, но горький свой урок.
Принимать его приходится всецело,
Вверяясь не иначе как жизни и судьбе,

А мне так хочется, чтобы сердце молодело
И в Веселовку слало поклоны лишь тебе.
Чтоб знала ты, жена моя далекая:
Жизнь не кончается и виден в ней просвет,
Хотя ты, Гульчатай, нынче одинокая,
Но с тобою рядом мой голос и привет.
Рядом мое сердце и мои желания,
Наши годы добрые, любовь и наша честь,
Я так забираю все твои страдания
И счастлив, Гульчатайка, что у меня ты есть.
Пусть поможет нам наше долголетие,
«Дембельская» жизнь и в ней своя борьба,
К нам все же благосклонно текущее столетие,
В каком есть, Гульчатайка, и наша с ней судьба.

Не знаю, как посмотрит на стих читатель и «Классик», только я его, по правде, просто выстрадал. Ну как не выстрадать, когда я два года без жены, без ее забот, без ее борщей и пирожков с зеленым луком и без ее звонков и разговоров с Алтаем и с детьми, какие постоянно приглашают нас к себе в гости! Они-то все работают, а нам, пенсионерам, сам Бог велел их навещать.

Когда схоронил я братана в 2012-ом, на Алтай мы с Гульчатай все-таки выбрались и с тех пор вот уже целую пятилетку из Веселовки не ступаем и шагу, благо дети, ценя нашу старость, сами навещают к нам. Дважды уже были сын с сыном, то есть нашим внуком, и внучка Марина с обеими дочками сразу в нынешнем 2018-ом, какую мы проводили совсем недавно, 4 мая. Марининым дочкам одной десять, а другой пять. Радость в доме была неопишуемая. Гульчатай моя так общалась с внучкой и ее детками, а я лишь наблюдал их семейную идиллию и что-то записывал в своем дневнике. Делал я это обычно ночью, когда все отдавались в объятия Морфея. Сегодня я говорю об этом открыто. Может, о том узнает и Гульчатай, когда прочтет готовую мою исповедь. Прочтет и скажет: мы ничего о том не знали, чем занят ночами наш дед. Мы спим, значит, и он давит на диване своего клопа. На деле же выходит, что дед пушкинизмом занимается, где у него всегда под рукой перо и большой клетчатый журнал...

Журнал и правда был у меня толстый и действительно клетчатый, какой я действительно превратил в свой дневник. Как я понял, у дневника и у меня была своя душа. Мы друг другу доверяли свои жизненные тайны, и это как-то облегчало наше житье-бытье. Оно для нас с женой укладывалось в шестьдесят лет нашей совместной жизни, в сорок лет нашей деповской работы и в двадцать «дембельской». На досуге как-то спрашивали себя: правильно ли мы жили, не упустили ли чего из нашей жизни? Подумывали-подумывали и, оказывается, упустили: сын-то у нас один-одинешенек. А чего было не ударить по Петьке с Машкой, как это есть у порядочных людей нашего возраста?

Думали-думали, судили-гадали и нашли виной мою шестилетнюю учебу в КазГУ и ее пятилетнюю учебу в «железке». Молодые годы уходили, а после учебы - новая работа, новые должности, новые обязанности. У меня моя снабженческая работа все двадцать пять лет так предполагала только командировки и только дороги во все концы нашего большого Союза. После развала Союза эти дороги были и по нашему Казахстану от Алма-Аты до Джезказгана, Гурьева, Семипалатинска, Караганды, Акмолы-Целинограда. Все эти дороги отнимали не только время, но и живую человеческую активность.

О том я помечал в своем дневнике, и дневник мой полностью соглашался со мной. Когда время поджимало к «дембелю», мы с Гульчатой думали лишь о том, чтобы жизнь складывалась хорошо у нашего сына. Он после армии жил с нами, был холост, целые десять лет водил поезда и думал о том, как бы не стать обузой своим старикам.

Как бы там ни было, а в 1983-ем сына мы поженили, в 1984-ом родилась у них дочь - наша внучка Марина, а в 1987-ом - сын Артем. До 1994-го семья сына проживала в Веселовке, а с развалом Союза вместе с прочими друзьями-железнодорожниками он подался на Алтай, где и по сей день делает свою жизнь. У Марины своя семья и свои дети. Артем же пока холостякует, а сын добывает время до «дембеля». Не ведаем, когда это случится, но грозились вроде сделать «дембель» в 2019-ом.

Посчитали мы с Гульчатой свои возможности и решили, что нам проще выбраться к детям, чем им к нам. Пусть нам с Гульчатой по восьмерке, так мы не обременены жизнью, как они, наши дети, у которых и свои дети под боком, и даже внуки, то есть наши уже будут правнуки. Марина как раз и

приезжала с нашими правнуками. Им дед с бабулей разрешали делать все, что им заблагорассудится - поливать водой и купать кошку, кутая ее в чистую тряпицу-простыню.

Вот такие у нас на сегодня с Гульчатой дела. Июнь 2018-го для Гульчатой явился обычным месяцем и днем у плиты и у телефона, а для меня — ожиданием сообщения о делах с моими книгами «Душевная повесть» и «Мои поэтические завихрения». Минул уже месяц-другой, а сообщения из «Классика» не поступает, и как там продвигается работа над книгами, я не имею понятия. А я хотел бы их увидеть, поддержать в руках и даже прикоснуться к ним губами, а в «Душевной повести» так вычитать все, что я там намолол. В «Душевной повести» могут оказаться события, какие я затронул и в этой своей исповеди. Что я там молол, я уже не помню, потому хотелось бы на книгу взглянуть и прочесть, а потом уже сравнивать ее с этой исповедью. «Душевная повесть» по сюжету вроде и должна как-то родниться с исповедью, но все равно это две разные книги и по сюжету, и по начинке материала в ней. Я могу где-то сослаться на свои хоттабычевские годы, но «Классик» на то не посмотрит, а пнет ее футбольным ударом, и она будет лететь до самой Петровки, а то и до Каркаралинска докатится. Думаю, что «Классик» будет в том прав, и я не смогу его осудить.

Охотникам приносить свои сочинения в «Классик», видать, нет конца и края, а потому их всех надо читать, вычитывать и править. Если бы мы догадывались, какая это муторная, тяжелая и ответственная работа! Мне говорили о том когда-то журналисты, когда я учился на журналистском факультете. Работу журналистов не представлял, потому как был абсолютно тупой в этой области человеческой деятельности. Одни пишут и пишут, думал я, а другие их печатают, на том все и кончается. Но, как мне пояснили, тут не только должен быть классический ум, но и большой жизненный опыт и знание человеческого характера, какое дается не каждому журналисту. Мне же вот не удалось стать журналистом, хотя я тому учился аж все шесть лет. А почему не стал им? Потому как был обыкновенным балдой, обыкновенным аульным пацаном, какой больше разбирался в животных и сельском хозяйстве, отчего меня и потянуло шестьдесят лет назад на целину.

Насчет же юмора в книге, о чем уже упоминалось, так мастерицей того стала даже моя Гульчатая, какая однажды сказала мне:

- Вот ты все твердишь, Тугамбай Калкенович, о какой-то скуке в «Исповеди» Жан-Жака Руссо. Я видела у тебя эту книгу, но понятия не имею, о чем она. Как ты говоришь, что жил Руссо аж триста лет назад, но тогда жизнь, видать, юмора не придумала. Сам подумай -триста лет назад! Так это жизнь наших Петра Первого да Екатерины Первой- Второй-Третьей со всякими Елизаветами, всех Павлов да Александров, Пугачева да Разина и прочих знаменитостей. Разве было в то время до юмора, когда жизнь требовала борьбы за выживание? В наши дни совсем другое дело. Вот появился же какой-то Филипп Киркоров. Почему бы тебе, Адамбай Тукенович, не назвать его Киркор Филиппов? Думаю, что подойдет. Это же не для всеуслышания, а для себя лично. А почему бы ту же Машу Распутину не повенчать Распуткой Машиной, Надежду Румянцеву - просто Румянкой, Иосифа Кобзона - просто Кобой, Валеру Леонтьева - просто Валера-холера, а Коба так глядит в оба? Можно было бы прибавить сюда Газмана Олегова, Прошку Шляпина - холостяка Шаляпина. Читатель поймет, о ком речь, поймет и просто про себя улыбнется. Ты как раз того и добиваешься в своей книге...

Подумал: права моя Гульчатай -Жансулу Калкеновна! В названных ею именах есть какой-то юмор, чего я как раз и добиваюсь. Зачем нам называть Алену Апиной, когда она есть сама по себе Алена Папина, ну а Надежда Бабкина так и просится на Надежду Дедкину? Когда она выходит на сцену, я своей Гульчатай говорю: сейчас Надежда Дедкина ударит свой номер! Гульчатай улыбается, зная, кто это будет на самом деле. Гульчатай так предложила Расторгуева переименовать в Распродажина, а Елкин-Палкин так будет в точности напоминать известного Максима, который ведет занимательную детскую передачу «Лучше всех». Пьех Стасов не заставит задумываться, кто это на самом деле, как не заставит задумываться и Баск Николаев.

Я благодарил свою Гульчу за ее аналитический ум в области юмора и сказал, что учту ее предложения в своей книге, именуемой исповедью, в книге с моими Веселовскими друзьями, моим Веселовским депо, памятью о нем и о всей моей жизни. Депо, Веселовка, их люди и весь народ стали моей судьбой, моей такой продолжительной все-таки в наше атомное и дымное время жизнью, за что я им останусь верным до конца моих дней.

Нечто юморное как-то подсказала мне и моя племянница Татьяна Александровна, работающая в Веселовском детском садике:

- Был в моей группе шестилетний мальчик Хасан, какой просто гонял всех пацанов и девочек - то того толкнет, то другого. На игру это не походило, потому как Хасан приговаривал: «Я Дудаев!». Я старалась как-то приструнить этого ребенка, но он твердил одно: «Я Дудаев!». Ну, мы-то знали, кто такой Дудаев, а вот откуда знал ребенок - Бог весть, к тому же знал и какие-то повадки Дудаева. Думается, что он насмотрелся телевизионных новостей, потому и вел себя несколько агрессивно. Папа и мама у Хасана трудяги, кроме Хасана воспитывают еще старших дочерей, так что родители вряд ли говорили ему чего-либо о Дудаеве. После садика родители Хасана покинули Веселовку в неизвестном для нас направлении. Куда их понесло - никто не знает, не ведает, даже соседи по квартире, по всему дому и даже по подъезду. Сейчас Хасан наверняка уже взрослый, может, даже жених, только память о нем у меня осталась...

Сообщение Татьяны я записал в дневник, но хотелось бы еще чего-либо юмористического. Попросил свою Гульчатай поискать нечто в Интернете, в каком, говорят, можно найти что угодно. Гульчатай не один час и не один день вращалась со своим Интернетом, но он ничего не давал путевого. Разозлившись на Интернет, я стал записывать нечто произвольное, что диктовала мне моя Веселовка, какую я любил и даже готов бы ей посвятить свой стих, какой начинался вот такими словами:

Деревенька моя тоже в Казахстане есть,
Гляжу я на нее, рукой не прикрываясь,
В ней росли по-своему мои дух и честь,
Какие синевою с росой умывались...

Как бы там ни было, а я считал, что Веселовку не найти ни в какой Африке, поскольку она одна такая в моей душе и в моем сердце. Конечно, до Веселовки я прошел целину, жил на целине, видел ее дух, бескрайние поля, поселковые целинные дома и таких красивых ее людей. Целины сегодня нет, но память о ней осталась у тех, кто эту целину поднимал, рождался и рос на ней, кто отдавал ей свою молодость и жизнь свою. Я так отдал целине всего лишь два года, но она, по правде, просто сделала из

меня человека. Какого именно - не знаю, но я научился мыслить и думать о жизни не наскоком, а какой-то живой аналитикой.

В двадцать лет я уже начал как-то понимать людей, даже издали определять их настрой и гадать, можно ли говорить с этим человеком о каких-то существенных делах. У целины, как я понял, сохранялось какое-то свое душевное равновесие. Целина жила какой-то своей жизнью, живой и деятельной, где-то поднимала себя, где-то афишировала, а в целом потихоньку несла свой целинный крест. У целины было большое историческое хозяйство, наложенное на нее Хрущевым и его последователями, какие сделали все, чтобы от целины остался только след.

След и правда остался, но такой, какой не разглядеть даже в самый сильный бинокль. Кто поднимал первую целину, тех уже нет в живых, а сделанные ими целинные поселки просто уже отдают и отдали концы. Видел я эти концы, видел руины поселков и не знаю, как это могло случиться. Виною тому не иначе как время, а больше, наверное, человек, потому как и временем правит никто иной как человек.

По поводу увиденного мною на старой целине у меня почему-то родились вот эти строки:

Нынче деревенька - вовсе не колхозница,
И ее улыбка временем забыта,
Может, мое сердце к ней оттого не просится,
Что она безлюдна и к ней пути закрыты.

А ведь она, бывало, целиной жила
И дышала жизнью распахнутых просторов,
Ее больше радовали хлебные дела,
О хлебе здесь повсюду и клались разговоры.

А хлебу нужно было облако с платочек,
С дождями проливными, льющихся рекой,
Рождавших хлеб целинный, с ним сынов и дочек.
Дававшие целиннику богатство и покой.

Нынче деревенька целинная без песен,
Нет у нее покосов, пельменей и грибов,

Нет у нее веснушек, как нет и самих песен,
Нет, как прежде, улиц, даже нет домов.

Мне побывать на море позарез как хочется,
Но разве нам позволит сегодня СНГ?
Я - казахстанец с паспортом, именем и отчеством,
Но дружелюбство прежнее где, скажите, где?

Как пробиться в Сочи иль морской Сухуми?
Ну, а в Севастополь? Дорогой, забудь!
Все ж прошлый СССР мы помнить долго будем,
Как и надежду каждого, его мечту и путь.

Теперь лишь со своею я деревенькой связан,
С весенними рассветами и росною зарей,
Они с тобой с младенчества, ты их любить обязан
И по утрам встречаться даже с мошкаррой.

Встречаться в хлебном поле с золотой пшеницей,
С седыми ковылями и запахом степи,
А село родное тебе только снится,
И, конечно, снятся хлебные снопы.

Их я наяву подтаскивал лишь в детстве,
Помогал родителям в колхозной борозде,
Меня считали тоже - я в колхозном братстве,
Хотя и был мальчишкой, а поспевал везде.

Я вилами ворочал скошенное сено
И лемех очищал от налипшей грязи,
А летом утопал я в колосьях по колено
И никогда не метил стать каким-то князем.

Просто я любил свой край кенбидаикский,
Любил просторы хлебные аж до Кургальджино,

Рос во мне не иначе как пахарь молодецкий,
В целинный век и вовсе мне было все дано.

Водил я трактора ДТ-пятьдесят четыре
И комбайном «Сталинец» убирал хлеба,
Целина никак мне не казалась гирей,
Быть на ней хозяином мне ведала судьба.

Теперь же целина со своим убранством,
С домами и дворцами тихо умерла,
Умерло и прежнее в хлеборобстве братство,
Возродит их жизнь, да и вся страна?

Не знаю, почему такие мысли набежали на меня, только нынче о целине не говорят вообще, как будто ее и не существовало. Может, потому как минуло после нее более шестидесяти лет? А вот фильмы прошлых лет о целине напоминают и даже заставляют где-то поклониться тому времени. Фильм «Иван Бровкин на целине» как-то воскрешает далекое и экзотическое время, чего наше нынешнее киноведение сделать не сможет даже при самых выдающихся актерах современности. Нет нынче подобных сценаристов, чтобы отобразить нашу эпоху и человеческую жизнь в ней.

Теперь гонят лишь сплошную мутоту, дребедень, наигрыш, пустоту и набор нежизненных эпизодов, какие тут же забываются. В них надуманная тематика и пустопорожнее содержание, хотя они красочны и экзотичны. Ну, возьмите хотя бы эти фильмы: «Ласточкино гнездо», «Чертовое колесо», «Белая медведица», «Мент в законе», «Неравный брак», «Бигль», «Женский доктор», «Плюс бесконечность», «Закрытая школа», «Триумф любви», «Гений пустого места», «Мой лучший враг», «Вольная грамота», «Круговорот», «Черный список», «Вишневый сезон», «Чужая милая», «Старшая жена», «С меня хватит»... Последние девять фильмов так «ящик» крутил всего лишь одну неделю, с 11 по 17 июня нашего кровного 2018-го. А что было до этого? Дикий ужас!

Сидим с Гульчатай и спрашиваем наше телевидение: куда подевались «Трактористы», «Волга-Волга», «Свадьба с приданым», «Любовь и голуби», «Девчата», «Поезд идет на восток», «Солдат Иван Бровкин», «Максим

Перепелица», «Стряпуха», «Семеро смелых», «Свинарка и пастух», «Богдан Хмельницкий», тот же «Иван Бровкин на целине» и прочие-прочие, всех не перечислить? Авторы этих фильмов можно смело назвать инженерами человеческих душ. Они были, они жили тридцать и сорок лет назад. Кто-то проживает и теперь, но вот фильмов, подобных им, но с нашим жизненным уклоном нет, и неизвестно, когда они появятся. Сегодня, когда идет XXI век со своей электроникой и Интернетом, на новые фильмы типа «Любовь и голуби» рассчитывать не стоит.

В мой век было другое время, были и другие фильмы, какие вживую отображали нашу жизнь. «Любовь и голуби», «Повариха», «Наш милый доктор» и «Дедушка-джигит» - разве это не жизнь? Чтобы у нас был жив великий мир кино, чтобы не было успокоенности и черепашого шага, надо, чтобы в нас всегда горел огонь, а душа рвалась к действию, к движению, о чем даже сказал поэт Нурлан Оразалин:

Моя заветная мечта -
Скакун, стреноженный петлею,
Хранит в степи
И неспроста копытом бьет
И жаждет боя!
Бой - это движение,
А покой пусть нам только снится...

Движение - это жизнь, это бесспорная истина. Планеты во Вселенной извечно движутся по своим орбитам, оттого, наверное, они и живут и будут жить всегда, пока существует Солнце и окружающий его мир планет. Двигаюсь и я по своей орбите от Веселовки до сопочных и степных просторов, где и здороваюсь с чабанами и даже спрашиваю, как богата нынче степь кормом для такой большой отары. Чабаны говорят, что все хорошо, корма хватает, а вот попить отаре - так надо искать воду в этих бескрайних степных просторах, которые богаты всем, только не водой. Водное окружение Веселовки порадовать не может, но чабаны находят большие и доступные лужи, какие их и спасают.

Возле одной такой захудалой речушки я даже посидел, попил с чабанами чаю и почему-то подумал: жить нынче можно и даже нужно! Я вот живу

в своей Веселовке, живут вот и эти чабаны, и нам, в общем-то, многого не надо - только мира, только мирного хлеба, мирного сна и мирных рассветов с веселовским народом, какой мечтает о красивой, мирной и счастливой жизни на сегодня, завтра и на последующие столетия, когда веселовцы будут жить, как и прежде, весело и ловко.

Глава семнадцатая

Можете не поверить, друзья мои, но не на шестнадцатой главе закончу я книгу, а на нечетной семнадцатой поставлю жирную точку и тисну слово «КОНЕЦ». А что? Дело сделал, как и планировал: перед людьми я исповедался, осталось только мою исповедь отдать в издательский дом «Классик», а там уж пусть он маракует, что с ним делать - ложиться ему спать или вставать. Если «Классик» поставит на книге крест, я приму это как должное, а если пустит ее в работу, то буду рад и буду, наверно, расти и молодеть.

Новая книга в мои-то восемьдесят два? Да побойся ты Бога, человеческое отродье! Сделал четырнадцать книг - и завязывай, береги свою старость и свое здоровье. Ведь как-никак, а соскакиваешь ночами с постели, включаешь ночник и налегаешь на свой дневник, из какого и черпаешь свои мысли. Так нет же, ночные бдения продолжаются, книга пишется и планирует закончиться на этой семнадцатой главе.

А по секрету скажу, что именно на нечетной главе я и планировал поставить жирную точку. Почему на ней? А все как раз в памяти у меня осталось предсказание цыганки, какая как-то сказала мне: «Давай погадаю - не пожалеешь! Скажу тебе всю правду, и ты будешь жить с нею счастливо и красиво, когда будешь выполнять все жизненные наваждения и условности». И спросила у меня цыганка год моего рождения, где я родился и где крестился, когда родилась моя женка и наши дети. Я сказал, как и было все на самом деле: родился и крестился в 1937-ом 7 марта, женка - в 1939-ом 25 марта, а наш сын - 17 марта 1961-го. «Вот-вот, - сказала цыганка, - у тебя, у женки и у сына сплошь нечетные числа, а это значит, что вам будет на них в жизни везти. Если будете что-то планировать, так лучше

планировать его на нечетные даты. Запланировали пойти в моншу, в баню по-вашему - планируйте на нечетное число, в магазин прошвырнуться - нечетную дату выбирайте, куда-то поехать - так лучше сделать это в нечетное число».

Не помню, что еще говорила цыганка по поводу этих самых нечетных чисел, только оставаться перед нею я не собирался, а дал ей пятисотенную теньгушку, поблагодарил и пожелал ей успехов в ее цыганской жизни. Вот это цыганкино предсказание и вынудило меня ударить по семнадцатой главе и на ней закончить эту мою последнюю книгу.

На этой вот моей последней я и хочу вообще завязать с писаниной. Удастся ли мне это осуществить - не представляю, но планы по этой части моей жизни у меня кучкуются. В этой исповедальной книге я, кажется, сказал все и даже вроде подвел итог моей жизни. Эта исповедь подвела итоги всему, чем я жил, что делал и что планировал делать. Когда набегали на меня стихи, я их схватывал, да так схватывал, что их хватило на целых семь сборников. Семь прозаических вещей тоже увидели свет, а вот эта пятнадцатая, моя истинная исповедь, тоже просится в свет, но как на нее посмотрят - не знаю, не ведаю, не представляю.

Что в книге, я уже говорил: нет в ней живых людей, кроме меня, моей женки и пары-тройки посторонних лиц. Разве так пишутся книги, осот ты чертов полевой? Пишутся так, что в них есть живые люди, какие живут и что-то вносят собою в эту жизнь. Взять хотя бы того же Толстого, того же Тургенева, того же Гончарова или наших Фадеева, Шолохова и прочих, каких знает и наша страна, и Россия, и Запад. Меня же, по сути, не знает на земле никто, кроме издателей да моей родни. Друзья тоже обо мне ничего не знают, потому как не прочли ни единой моей книги, какие я им подарил. Прочли бы, так молвили хотя бы слово о том, как им та или иная книга, чего бы еще хотелось знать о моих героях и чего я наговорил лишнего и ненужного. Так ничего же этого не говорят, а значит, они ничего моего не читают...

Но Бог с ними, с этими моими друзьями. Может, когда им будет скучно, полистают чего-либо из моих вещей, что-то прочтут и даже захотят поделиться своим мнением о прочитанном, только меня наверняка к тому времени Бог приберет. Как-никак, а я все-таки иду по своему девятому десятку, а это вам не шалтай-болтай. Алексей Петрович так уговорил

свои две восьмерки с прицепом, а я в свои восемьдесят два так еще рас-секаю воздух Веселовки и даже ухожу на прогулку в ту степь. На здоровье не жалуясь, а вот если засну и не проснусь, как это сделал Петрович, тут я лапки вверх и буду надеяться только на сегодняшний мир, природу и на наш всемогущий космос. Это, наверно, от него идет засыпание и непросыпание человека. Что делает с нами природа, нам в том не разоб-браться, а потому надо просто жить и брать от жизни все, что она нам преподносит.

Вот преподнесла она мне семнадцатую главу, я ее схватил. Другой гла-вы уж точно не будет, я это вам точно обещаю, а вот насчет завязать с пи-саниной навсегда, так тут, друзья, бабушка надвое сказала. Ладно, не будет отдельной книги, а ведь отдельные стихи могут меня доставать? Ну хотя бы вот эти, в рот бы им дышло, так достали меня аж в этой семнадцатой главе, в какой я не планировал ничего этического и поэтического.

Вот хоть убейся, а стих меня находит
И как-то, хоть убейся, а всюду достает,
И по жизни нашей старикашку водит,
И даже руку дружбы с душою отдает.

А я чего? Стихам я подчиняюсь,
Поскольку я их искренне люблю,
Ими отчего-то и нынче занимаюсь,
Может, этим и себя гублю.

А я чего? Мне стукнула семерка,
И я уж на девятку наступил,
У жизни же, конечно, бывает своя мерка,
Какая повествуют: ты свое отжил!

Если по-хорошему, я свое оттопал,
Все, что надо было, жизни я отдал,
Где необходимо - ей в ладоши хлопал,
А где надо было - искренне страдал.

Как-никак, а жизни серьезно подчинялся
И бежал туда, куда она звала,
С великими по жизни никогда не знался
И делал лишь свои и ее дела.

Ну, а старость все-таки достала
И во мне поэта разбудила,
И на ухо мне тихо прошептала:
«В поэтике твой дух, твои мечты и сила!»

Не ведаю, какая сила есть в поэтике,
А вот дух Есенина в ней уж точно есть,
Я вижу в ней мечту и души эстетику,
Красоту народа, его судьбу и честь.

В поэтике я вижу жизни отражение,
Жизненное кредо и мою судьбу,
В которой есть победа, есть и поражения,
И какая в жизни ведет свою борьбу.

Мне же на моей проклянутой девятке
Все равно так хочется в стихотворстве жить,
И не играть в поэзии со стихами в прятки,
А истинно поэзии и Пушкину служить.

Вот такую я сработал ахинею, на какую «Классик» не иначе как подни-мет ногу. Но, поверьте, ничем я себе помочь не могу, потому вот и выдаю такую поэтическую белиберду. Думать над нею не стал, править тоже не захотел, а выдал то, что сработала моя седая голова. Надо бы поостеречься всяких налетов на стихи, но у меня на то нет сил и желания. Ну вот липнет стих, куда от него денешься? Будь я молодым, то знал бы, что делать в этом случае, а в моем хоттабычевском возрасте нет во мне ни сил, ни желания бороться со стихотворным нашествием. Не отступали же от них Лермон-тов и Есенин, а почему должен отступать я? У них был свой век, своя при-рода жизни, а у меня своя природа с моим веком и моим временем.

Просматривая все свои старые поэтические завихрения, не сказал бы, что в них сплошь трын-трава. Есть в них вещи, достойные внимания не только простого читателя, но и больших знатоков литературы и всего нашего литературного и поэтического искусства. Умудрился же Есенин как-то сказать:

Какая ночь! Я не могу,
Не спится мне. Такая лунность!
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность...

Ну, моя юность была во мне все семьдесят лет назад, почему стихи о ней просто не слагаются. А чего об этой юности говорить? Война, жили холодно и голодно, а потом жизненное становление, переезд из аула, какой не знал ни машин, ни железной дороги, ни паровоза, ни двухэтажных домов, ни детского садика, ни водоснабжения, ни центрального котельного отопления. Воду нам давал так большой аульный колодец, а отапливали аульчане себя обычным кизяком, потому как понятия не имели о другом топливе, как тот же знаменитый черный уголь, какой водился только в кузнице тракторного парка аула. А кизяком отапливались сами, грели воду для мытья и стирки, колодезной водой поили и собственную скотину, какой было в каждом доме по несколько голов.

А по приезду на новое место жительства, где были и железная дорога, и паровозы, и вода в уличных колонках, жизнь уже шла по-другому. Печи здесь отапливались этим самым углем, от какого исходил нестерпимый жар и тепло. Конечно, кизяк ему в подметки не годился, хотя кизяк всю нашу прежнюю жизнь грел наши плиты, варил борщи и каши, жарил картопан и даже пек лепешки, а вот хату обогревал настолько, что спать приходилось в носках и чулках, в теплых толстовках и вязанных кофтах.

Такое было не только с нами, веселовцами, но и со многими аульчанами. На новом же месте в Жалтыре положение у нас стало просто классическое. Водяная колонка была недалеко от дома, угля хватало. В нашем ауле был всего лишь один магазинчик, а в Жалтыре на весь поселок так целых пять или шесть. Продуктовые так были сами по себе, товарные - тоже, что меня и мою матушку просто удивляло. Оказывается, мы у себя в ауле жили

не менее как пещерной жизнью. Мы не знали, что такое электричество и радио, что такое велосипед и легковушка, хотя по аулу бегала какая-то полуторка с шофером Тосей.

Сегодня я свой дневник тереблю по всем швам, и он отдает мне все, что я в него наложил. А наложил ранешние и поздние воспоминания о себе школьного возраста до моих седых волос, о семье и моей Гульчатой, которой в будущем году шибанет крутая восьмерка с нулем. Уж не знаю, какого характера будет этот ее юбилей и приедут ли на него дети, на каких я просто не рассчитываю, поскольку на 25 марта надо подгонять свой трудовой отпуск, что, говорят, нынче очень непросто сделать.

А почему это так? Да потому что нынче всюду частник, а у частника каждый человек при деле, какой добывает доллары, рубли и теньгу. Не приедут дети - посидим с Гульчатой вдвоем, поедем праздничных пельменей и попьем крепкого казахского чая со сливками, от какого и правда любить хочется. Если Алтай сам пригласит нас к себе на Гульчатаев юбилей, то я готов туда рвать когти хоть сегодня. Моя же Надежда-Гульчатая себе на уме и ничего не говорит мне по этому поводу. У нее не моя Веселовская жилка, она по жизни есть Надежда Веселовская, а характер у нее не моих кровей.

Не моих кровей, тут и говорить нечего, а все равно мы шестьдесят лет вместе пробултыхались в одной проруби. Вместе по сорок лет отдали депо и целый двадцатник «дембелю». Я на «дембеле» так ударился в есенинство, а она в свои кастрюли-ложки-поварешки да в телефонные разговоры с Алтаем. В своих действиях я так нахожу удовлетворение, а Гульча и вовсе цветет и пахнет.

Так вот мы и живем. На «ящик» не бросаемся, кроме новостей, Шелепина да Борисова, а вот с 14 июня начнется мировой футбол, так это просто моя стихия, какую я всегда любил и какой всегда поклонялся. В нынешнем июне начинается чемпионат мира по футболу не где-то там за бугром, а в самой России, в самой Москве и других городах страны, укладывающихся в целый десяток. Как будут проходить эти игры и кто будет лидировать - Бог весть, только хотелось, чтобы Москва не сдавала позиции и каждый раз показывала высокий спортивный класс.

Первая игра состоялась вчера в Лужниках. На поле вышли команда России и Саудовской Аравии. Комментировать не буду, только скажу, что

аравийцы давили нашу команду и били по воротам, но мяч пролетал мимо, спасал позицию вратарь. У наших же был боевой настрой, и счет открыл шестой номер Юрий Газинский. Потом свой подвиг совершили Александр Головин и Артем Дзюба, повторный гол забил тот же Газинский. В целом матч закончился со счетом 5:0 в пользу России, что накладывает на москвичей особую ответственность. После на той же неделе будут идти Португалия и Иран, Аргентина и Исландия, Германия и Мексика, Бразилия и Швейцария. Как будут проходить эти игры, покажет мой достопочтенный «ящик», а на сегодня я остаюсь поклонником Москвы. Спецы и любители футбола могут точно прокомментировать прошлый матч, а я лишь могу поклониться тем, кто в футбол играет.

Не знаю, какой класс покажет Бразилия на этот раз, только думаю, что она не будет сбавлять прежних позиций, поскольку она все-таки пять раз была чемпионом мира по футболу. Четырежды вроде была и Аргентина, так что предстоящие их игры со Швейцарией и Исландией заставят их потрудиться и сопротивляться всем фибрами своей души...

Вот такие наступают дела. Последующие матчи комментировать я не буду, потому как их будет смотреть весь шар земной, а комментировать будут адские специалисты, какие в футболе не иначе как собаку съели. Я просто хочу на этих строчках поставить точку и по-хорошему друзья, с вами распрощаться. Если попадет вам в руки эта книга, то знайте, что писал ее вечный житель поселка Веселовка Максим Веселовский, восьмидесяти двух лет, дед во сто шуб одет, который идет по своему девятому десятку, но у которого «бас истейды, аягым истейды, Гульчатай шай береды, тагада не керек?», что по-русски означает: «Голова и ноги работают, Гульчатай чаем поит, чего еще надо?». Если разобраться, то ничего мне не надо. Я бы только хотел увидеть живой эту книгу, поддержать ее в руках и приложить к губам, а после раздать ее друзьям, родне и Веселовской библиотеке.

После этой книги ничего намечать не буду. Если дотяну я до лет Петровича, до полных девяти десятков, то тут еще можно будет как-то побороться с собой. Прозаическую вещь я вряд ли соображу а вот от поэтической не зарекаюсь. Стихи ведь рождаются сами по себе, откуда их хрен приносит - черт его знает. Остается их только хватать и мазюкать в свою стихотворную тетрадь, чем я и занимаюсь последние мои годы. Надолго ли меня хватит - не представляю, только я все же хочу жить и творить, как

Пушкин, Лермонтов, тот же Есенин. Их всех загнали в гроб посторонние люди, а меня загонит в гроб не иначе как моя старость, мои годы и моя судьба, какая столько лет была для меня благостной и благородной. Я ей буду кланяться до гробовой доски, а там пусть судьей будет время и то, что я оставляю ему своим книгами и своею жизнью.

Глава восемнадцатая

Нет, друзья, не тот я человек и не тот самоназванный писатель, которого женка зовет как бумагомаратель, чтобы держать слово и закончить эту книгу на нечетной семнадцатой главе. Я на ней и правда закончил и даже написал заветное слово «КОНЕЦ». Но какие-то чертовы мысли днями и ночами донимали меня и просились в мою тетрадь. Я их хватал, тискал и нахватал столько, что мне хватило их на целую вот эту главу. Пусть она четная, на какой я, как мною было принято прежде, заканчивать книгу не буду, а закончу на следующей - на девятнадцатой. Тут сбудутся и цыганкины предсказания, и мое решение следовать им.

Начал эту главу и задумался: чего мне туда воткнуть? Где родился, где крестился и где пригодился - уже говорилось, а дальше чего ты делал, болван ты неотесанный? А дальше был двадцатилетний «дембель», какой продолжается и теперь. А на «дембеле» чего усекешь, чего узнаешь? Вот заснул и не проснулся друг, товарищ, баянист и руководитель ансамбля «Сударушка» Алексей Чеботарев. Знались мы с ним целых шестьдесят лет, и я никогда не думал, что наше расставание произойдет вот таким тихим и безусловным образом. В больнице он не лежал, ни на что не жаловался, а вот никому не мешая заснул и не проснулся. Все остальное сделали живые люди, его друзья и сослуживцы депо, какому он отдал, как и я, целый сороковник. Депо он, как и я, любил и отдавал ему все до самого «дембеля». Я тоже сорок лет прокувыркался на железной дороге и считаю, что так было запланировано моей судьбой.

А вот книги мои вряд ли были чем-то запланированы. Виной тут не иначе как моя любовь к книге, к отечественной и мировой литературе, к тому же Пушкину, Лермонтову да Есенину. Гульчатай моя на них даже

не глядит, а я ими так просто по-стариковски упиваюсь. Гульчатай своей упреков не делаю, зная, что у нее есть свое хобби. Думаю, что женщина - она и в Африке женщина, потому ей многое позволено и многое же прощается. Простил же я ее желание бросить огород, картошку и моркошку на нем, всякие лук да чеснок, а помидоры и огурцы мы не сажали, поскольку они требовали регулярной поливки. А у нас же с Гульчатай не было никакого собственного транспорта, даже велосипеда, чтобы мчаться на нем на огороды за целые шесть километров. Огороды-то были общественные, наши деповские, где были и водокачка, и водопровод, какими люди пользовались, платили какую-то акшу и ухаживали за своими огородами-кормильцами.

А у других людей были и велосипеды, и мотоциклы, и свои «Жигули», на каких они рассекали воздух и на огородах поливали свои экзотические посадки. Одна тетка так умудрилась выращивать цветы, какие затем толкала на базаре. И ведь люди не скупилась, брали у нее эту красивую, заманчивую и привлекательную продукцию теткиного огорода. А чего скупиться, когда Веселовка стояла на отшибе, и ее не слишком радовали заезжие гастролеры?

Товар в поселок привозили разный. А вот цветы неохотно везли из областной нашей столицы к Веселовскому провинциалу. Кто-то, видя такое убожество человеческого проживания, решил положение исправить. И правильно делал, когда на огороде пестрели разные розы, фиалки да ромашки с другими названиями, с ползучей и колючей красотой. Женщины красотой этой любовались, а мужчины на нее разорялись. Разорялись опять же для женщин, для жен, для любимых, а то и вовсе для бабушек, каким ударяло пять-шесть-семь, а то и восемь десятков.

В будущем 2019-ом моей Гульчатай как раз стукнет восемь десятков. Ну, восемь-спросим не так важно, а важно, что случится это аж 25 марта, когда на дворе еще лужи, снег и, конечно, никаких цветов. Подумал: непременно придется рвать когти в областную Сарыарку и там выискивать эти самые цветы. Город умеет их как-то выращивать и в стужу зимнюю. На дворе мороз и Дед Мороз приморозил себе нос, а в специальных магазинах можно достать любой букет на запах и на цвет. Ну, город - на то он и город, что он создан для людей и служит только его жителям и его гостям. Наверно, таким гостем в марте будущего года буду и я, и город наверняка обрадует

меня большим и красивым букетом для моей Надежды-Гульчатай-Жанар и Карлыгаш, какая во всех этих лицах есть моя кровная жена-женка, с какой мы вместе уже шесть десятков лет.

Не могу же я, бывалый интеллигентный бугай, оставить мою достопримечательную женку без цветов в ее круглую восьмерку! Как-никак, а сорок лет она меня поила, кормила, на работу будила, а «дембельские» двадцать так же поит, кормит и ответ держать велит. Почему, спрашивает она, в субботу 16 июня красивая, интересная, умная и познавательная передача «Что? Где? Когда?» начинается в два часа ночи и продолжается до четырех утра? Это на какого сторожа она рассчитана, какому судьбой и работой не позволено ночью спать, а позволено только следить за сохранностью порученного ему объекта, того же магазина, киоска, кафешки, банка и еще чего-то? И сторож действительно, выполняя свои обязанности, не спит, а строго следит из своей сторожевой будки за вверенными ему объектами, прислушиваясь ко всем посторонним шорохам. В его будке тепло и светло, есть телефон, застеленная дверь и большой засов на ней. Конечно же, есть и цветной «ящик»...

- Передача эта всегда шла днем-деньским или святым вечером, а нынче ее, наверно, пьяные телевизионщики выпроводили аж на два часа ночи и до четырех утра. Разве простой смертный сможет посмотреть эту передачу в такое сонное время?

Со своей Гульчатай соглашаюсь и тоже думаю о том же. Ну почему, дорогие телевизионщики, такую экстравагантную познавательную передачу вы засунули на два часа ночи? Разве нельзя ее было прогнать в 21.00 на передачах «Басты багдар лама», «Кешке кездесу», «Ан дария» и тот же фильм «Деньги»? Наверно, это можно было сделать и нужно, только у телевизионщиков ум зашел за разум, и вот они сделали такой ход с этой замечательной передачей.

Передачей «Что? Где? Когда?» мы с Гульчатай когда-то увлекались и всегда с нетерпением ее ожидали. Приходила же она нечасто, а теперь и вовсе будто заново на свет нарождается. Я по тому времени помнил знаменитостей этой передачи, которые угадывали буквально все. Я им просто завидовал, считал себя бездарью и просто прорехой на человечестве. Я, по сути, жизнь прожил, много чего повидал, КазГУ окончил, а остался дуб дубом, пешка пешкой, какая простых мировых вещей не знает. А в переда-

че участники знали буквально все, и притом они не такие древние, как я, а совсем еще молодые люди, которые работают и каким до «дембеля» надо еще шагать и шагать. А я-то прошел всю школу моей жизни, а вот ни хрена не знал, чем жил и живет свет, что в нем было старое и значительное и что есть новое теперь, такое же значительное и занимательное.

Вспоминая старые вопросы передачи «Что? Где? Когда?», так где-то записал такой неожиданный вопрос: какая есть гора на Марсе, ее имя и высота? Господина кто может это в свете знать? Оказывается, люди знают, и кто-то из знатоков так доложил, что гора на Марсе называется Тарсис, а высота ее 26 километров. Господи, да кто ее измерял? Ладно имя, это проделки человека, а высоту определили приборы? Да разве у них хватит ума и духу определить высоту горы, какая находится от землян на расстоянии целых 55 миллионов километров? К тому же еще говорят, что Марс сплошь покрыт кратерами, и температура на этой планете от плюс 30 градусов до минус 123. Это какую же надо иметь аппаратуру, чтобы все это узреть и измерить?

Наверное, нынешний человек додумался до такой техники, какая видит планеты за миллионы и миллионы километров. Она точно определила, что Меркурий от Земли находится на расстоянии 58 миллионов километров, Венера - на 41 миллион, что диаметр Плутона всего лишь 2300 километров, а его спутника Харона - 1186 километров, какие находятся от Солнца почти шесть миллиардов километров!

Уж не знаю, откуда ученые знают, что диаметр Юпитера, вращающегося вокруг Солнца, равен 143 тысячам километров. Это же какая космическая машина, какая не звезда, а планета! А что мы, нынешние земляне, знаем о своем светиле Солнце и Луне? Ведь они веки вечные существуют в космосе и всегда служили живым существам в космическом пространстве. Таковыми живыми существами стали возникший на Земле человек и все, что его окружает - рыбы, звери, мошка и все, кому нужны солнце, воздух и вода.

Так вот, ученые говорят, что Солнце удалено от Земли на 149 миллионов 598 тысяч километров. Бывает, удаляется оно и на 152 миллиона, а то и приближается аж на 147 миллионов. Что интересно, ученые даже знают диаметр Солнца, какой равен 1 миллиону 392 тысячам километров. Не забыли ученые приплюсовать даже эти 140 километров.

А вот диаметр Луны, друзья, нашей вечной земельной спутницы, равен

34751 километр, и даже сто метров ученые усекли. Луна находится от Земли ну просто рукой подать - всего лишь в 355375 километрах, что было отмечено в 1912 году, а в 1984-ом 2 марта Луна удалилась от земли на 406711 километров. Оказывается, планеты в бесконечном космическом пространстве вращаются по своим орбитам, удаляясь и приближаясь к Земле на какие-то расстояния. То ли на них действует солнечное или земное притяжение, то ли такова природа солнечного мира и всего космического пространства, какое никогда не имело и не будет иметь конца...

Не знаю, откуда все это известно современному человечеству, только я всецело верю ему. Верю всем этим километрам и диаметрам и думаю, что современный человек так движет свою мысль, что он в ближайшее десятилетие полетит на ту же Венеру и тот же Марс, о чем он уже говорит серьезно и открыто во все мировое услышание. Это наверняка случится, поскольку человек уже побывал на Луне. Ну, до Луны космонавтам на ракете было как до Каркаралинска, а вот до Марса с Венерой надо мчаться и мчаться неизвестно какой месяц и какой год. Будущее наверняка покажет, а пока человечество живет ожиданием.

А мне, друзья, хотелось бы показать и удивить нашего довольно грамотного читателя подлинностью людских судеб и событий. По сути же, я не ведаю, как проследить движение моей авторской мысли и на чем ее акцентировать. Вот сегодня так сделал акцент на Солнце и космических планетах, какие читателю, думаю, нужны, как зайцу вытрезвитель. Читатель видит солнце и луну, а какие там планеты кувыркаются среди тысяч и тысяч небесных звезд, ему бари-бери. Хотя он из школьной программы знает, что в космическом пространстве среди видимых звезд есть не звезды, а планеты Марс, Венера, Плутон, Меркурий и другие, каких в мире аж девять штук с твердым покрытием, как у нашей Земли, где есть горы, впадины, но нет воздуха, воды и растительности, а значит, и жизни. Так что можно сказать, что Земле нашей повезло, потому как у нее все это есть, а значит, есть и живая жизнь.

Мне же, друзья, признаться, тоже не до космоса с его Солнцем, Луной да прочими планетами. Мне нынче больше ценна и дорога вот эта моя последняя книга, на которой я хочу поставить точку и вообще завязать с писаниной. Это моя искренняя душевная исповедь, какой я делюсь в свои восемьдесят два...

Как я уже говорил, следующую книгу начинать не буду, потому как нет у меня для нее ни плана, ни материала. Однако привычка есть привычка, и я что-то буду черкать для себя лично. Это, как мне кажется, будут стихи и только стихи, потому как они достают меня уже не один день и не один год. У меня наверняка может получиться так, о чем мечтал древнеримский поэт Публий Овидий, какой родился в 40-ых годах до новой эры и писал любовные послания, элегии, среди каких были поэмы «Наука любви», «Средства от любви». Написал мифологический эпос «Метаморфозы» о превращении людей и богов в животных, созвездия и прочее. Написал поэт и поэтому «Фасты» о римских религиозных праздниках. В конце жизни, находясь в изгнании, написал «Скорбные элегии» и «Письма с Понта». Так вот, этот самый Овидий сказал: «Я хочу, чтобы смерть застала меня посреди трудов моих».

Не знаю, как закончил свою жизнь Овидий, только я не желаю принимать смерть посреди трудов своих. Отбросить копыта за журнальным столиком и над тетрадным листом - я этого не желаю и даже буду сопротивляться. Пусть я скопычусь так, как это сделал Алексей Петрович - заснул и не проснулся. Больно будет моей Гульчатай, моей родне и моим близким, а хотелось, чтобы больно было и моим читателям. Может, и они принесут на мою могилу какую-нибудь захудалую ветку, отчего мне все равно будет приятно сознавать, что меня помнит моя Веселовка и ее красивый, живой и деятельный народ.

Как бы там ни было, а знатные писатели страны так утверждают, что литература - это всеобщий язык человечества, благодаря которому человечество осознало себя живым организмом, единственным во Вселенной разумным существом. Литература дает голос целым странам, континентам и островам и далеким окраинам. На языке литературы изъясняются далеко отстоящие друг от друга души, вот тогда и правда душа с душою и звезда с звездой говорит.

Как где-то я заметил, такие слова говорил якобы писатель Глеб Горышин. Пусть даже не он, но вернее этого и не скажешь. Я бы так добавил, что писатель должен жить своим умом, своей головой, своим сердцем и своей душой, всей своей жизнью и всем духом своей души. Мне думается, что я жил и живу именно так, да еще на своем девятом десятке. Годы есть годы, но если мысль просится наружу, ну как не схватить ее и не приткнуть

хотя бы в дневнике! В каждой мысли есть что-то живое, что-то человеческое, а потому эта мысль должна жить.

Мысль - это все-таки есть мастерство, это есть слово, литература, книги, какие нас окружают с нашего рождения и какие будут писаться всегда. В том, наверно, и есть природа слов от Гомера до наших дней и до следующих веков, пока будет существовать на земле человечество. Мне как раз и хотелось сегодня блеснуть мастерством, словом, этой книгой, а как мне это удалось, пока не могу сообразить. Говорить о мысли, о литературе, о нашем писательском деле наверняка будет скучно для читателя, но все-таки хотелось об этом говорить, как хотелось когда-то и великим людям.

Белинский так в свое время заметил: «Литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни». Чернышевский так и вовсе отмечал: «Писатель должен быть органом желаний своего народа, его руководителем и защитником». У Гоголя так и вовсе есть знаменательные слова, он сказал: «У писателей есть только один учитель - сами читатели».

А разве мне не хотелось, чтобы моим учителем был мой читатель? Да, читатель всегда был и остается главной фигурой читательского мира, из этого же мира и берутся герои произведений. Не могу не привести слова все того же знаменитого знатока литературы и писательского мира Виссариона Белинского, какой о пишущем народе, подобному мне, так прямо заметил: «Пишущие люди так прямо разделяются на литераторов и литературщиков. Первые пишут по призванию, по сознанию своей способности писать, вторые - самозванцы. Ныне уже настало время, когда понимают различие между этими двумя словами: нынче литератор есть лицо почтенное, а литературщик - смешное и жалкое».

Так вот, друзья мои, я как раз и есть лицо смешное и жалкое. Ну хоть один читатель сказал мне за какую-нибудь из четырнадцати моих книг? Да ни в жисть! Одна только читательница Светлана Владимировна так откровенно как-то сказала, что ей понравился мой первый роман «Годы Орлиные».

Скажите, разве плохо слышать хвалебные слова в твой адрес? Да я просто расцвел от ее слов! А чего не расцвести, когда я, старик долбаный, а меня вот берут и читают. Я ведь не для себя пишу все эти книги, я пишу для читателя, а читатель - это есть народ. Я не хочу сказать о себе, как сказал Горький: «Писатель - это есть чародей, которому открыты все тайны жизни, все сердца. Хорошая книга, точно смычок великого артиста, касается

моего сердца, и оно поет, стонет от гнева и скорби, радуется, если этого хочет писатель. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом, это дает ему красоту и силу». Не мог я пройти и мимо этих слов, какие сказал когда-то известный писатель Павленко: «Писатель - это огромное сердце. Спокойные люди редко становятся писателями».

Ну, вон сколько я привел высказываний о творчестве писателей! Все они интересные, прочувствованные душой и сердцем, а главное, они сказаны большим умом и красивым, чистым языком. Хотелось бы, конечно, и еще что-то отыскать о поэтическом народе, о поэтах, которых белый свет и теперь рождает, как родил он когда-то Пушкина, Лермонтова, Есенина. А я, если разобраться, не слишком последний поэт на нашей сарыаркинской земле - семь стихотворных сборников сработал! Я вот ими люблю и читаю их, а вот обыкновенный читатель - не думаю. Даже уважаемая Светлана Владимировна ни слова не сказала о моих поэтических завихрениях. А я ведь в этих семи сборниках что-то да говорил, говорил в рифму, о какой и хотелось бы прослышать нечто одобрителное или ругательное слово. Такого слова нет, потому как никто моих стихов не читает.

Что бы там ни говорили о поэтах, а вот Белинский так заметил, и, видать, правильно заметил: «В числе необходимых условий, составляющих истинного поэта, должна быть непременно современность. Поэт больше, чем кто-либо другой, должен быть сыном своего времени». А я, черт возьми, не сын ли своего времени и не сын ли своей страны? Да я, если хотите, родился в Казахстане восемьдесят два года назад, слышал ребенком о войне, проводил отца на войну, таким же ребенком встретил Победу, а после просто жил, вырос, учился, женился, работал, все время работал. Работал не там, где мне хотелось, а где нужно было стране. Надо было ремонтировать тепловозы - ремонтировал их аж три коммунистические пятилетки, надо было заниматься снабжением - четверть века посвятил этому самому снабжению, с какого меня и выпроводили на «дембель».

В работе и жизни я видел много разных людей, говорил с ними, общался, а после они каким-то образом проникали мне в душу, и я их затем рифмовал и выдавал в свет. Как бы там ни было, а в своей лирике, в своих стихах я говорил только правду, отбирал то, что видел и что должно было быть. Я наверняка уподоблялся Пушкину, какой о лире и о поэтах так сказал однажды:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе, в гордости свободной,
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей...
И неподкупный голос мой
Был эхом русского народа.

Великих людей я тоже не славил и вообще никому не пел дифирамбов, кроме как простому мужику, простому работяге, простой матери, простой женщине, которая пополняет нашу землю и нашу страну детьми, которые затем вырастают и делают жизнь себе, своему народу и своей стране.

А в целом, друзья, мысли о поэтах и их поэтических завихрениях мне хотелось бы закончить словами автора «Василия Теркина» Александра Твардовского:

Когда в безвестности до срока,
Не на виду еще, поэт
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет,
Готовит людям свой подарок,
В тиши затаенный давно,
Он может быть больным и старым,
Усталым - счастлив все равно.

Ах, ну истинно все обо мне! Безвестный поэт - тут и судить не надо, творит свой подвиг одиноко - это точно, а вот больной и старый, тут поэт как в воду глядел, счастливый все равно - с меня списано.

О поэзии говорилось много всеми выдающимися людьми планеты, и, главное, они очень верны и действенны. Лев Толстой, прозаик, большой писатель большой России, и то о поэзии сказал: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает... Насто-

ящий поэт сам невольно и страданием горит, и жжет других, и в этом все дело».

Думаю, о поэзии и поэтах говорили и другие большие личности планеты, среди каких затерялся даже такой большой политик, как Карл Маркс, который прямо сказал: «Поэт, каков бы он ни был как человек, нуждается в одобрении и преклонении. Я думаю, что это свойство самой природы». Не пойму, к чему здесь природа, а вот одобрения и преклонения хотелось бы. Мне же о моих стихах, повторяюсь еще раз, пока не сказали ни слова, оставляя меня в надежде, что кто-нибудь да осмелится рискнуть на такой подвиг.

Хотелось, чтобы кто-нибудь замолвил слово и вот об этом моем стихотворении, какое я назвал довольно просто - «О стихах».

Стихи не стареют - стареют поэты,
Об этом с экрана поведал ведущий.
Такого поверья в мозгах моих нету,
Что значит - по жизни я есть отстающий.

Ну как не понять, что стихи не стареют!
Да разве «Онегин» оброс сединой?
Лет двести умами землян он владеет,
Такой молодой же, такой же живой.

Стихи, между прочим, стареть не умеют,
Поэты, однако, горбятся, сдают,
Они потихоньку копытятся, тлеют,
Но пыл стихотворный в народ отдают.

Где-то близ них и я кувиркаюсь,
На стих налегая и в дни, и в ночи,
В поэзии часто я радуюсь, маюсь,
Но все ж говорю: дорогой, не молчи!

Как истый поэт я стареть не желаю
Ни телом, ни жизнью, ни личной судьбой,

Я музу свою, как жену, обнимаю
И жить хочу подвигом, даже борьбой.

Мне не нужны никакие богатства,
Кроме как книги и добрый читатель,
Мне нужно живое с читателем братство,
Читатель - то люди, а я их писатель.

Стих этот меня чем-то обрадовал, а вот обрадует ли он читателя - Бог весть. Нынешний читатель, мне сдается, на стихи не слишком падок, потому просто буду жить какой-то надеждой на читательское слово. Как бы там ни было, а читатель чтит труды поэтов прошлого, таких как Пушкин, Лермонтов, Есенин. Хотелось бы и мне попасть в их ряд, и чтобы чтили и читали и меня, Максима Веселовского.

Поверьте, хочется, чтобы обо мне знала моя Веселовка и моя Сарыарка, поскольку я живу здесь уже круглый шестидесятник. Не надо, чтобы обо мне знала родина Кургальджино, Кенбидаик, Арыкты, Сабунды, Караегин, Челкар, поскольку я жил в этих краях ровно семьдесят лет назад, а это значит, что меня там не помнят даже мои ровесники. Мне дорог мой сегодняшний край с моей Веселовкой, моей Сарыаркой с ее городами, городками и поселениями типа Петровки, Ульяновки и Каркаралинска, где я никогда не бывал, но о каких слышал по своему цветному «ящику», что в этом самом Каркаралинске вроде бывал в свое время сам Сакен Сейфуллин. Каркаралинск, значит, был известен и в те далекие времена, за что ему поклонимся и сегодня.

Вот, друзья, давайте на этой главе мы с вами и распрощаемся. На следующую девятнадцатую у меня просто не хватит тям. Не знаю, как мне будет везти с этой книгой, какую я заканчиваю против своей воли на четной главе, только все равно понесу ее в издательский дом, а там пусть решают, быть ей или не быть, жить ей или не жить. Цыганка так настаивала жить больше нечетными числами, какие будут приносить мне только удачу и содействовать по жизни, только на этот раз придется отступить от советов таборной гадалки и распрощаться с читателем.

Поэтому, друзья, давай я поклонюсь вам за то, что вы существуете на белом свете, что вы каким-то образом продлеваете жизнь писателям и по-

этам, читая их и видя в них негласных наставников, советчиков и ваших подлинных друзей. За это, друзья мои, давайте пожмем друг другу руки и разойдемся в разные стороны. Я буду добивать свой век в моей Веселовке, а читатель там, где он живет или собирается жить, работает и читает своих и чужих авторов, среди каких затерялся и веселовский писатель Максим Веселовский, фамилия какого ну прямо роднится с названием поселка.

Этого самого Веселовского белый свет не знает и даже понятия о нем не имеет, хотя сам Веселовский хотел, чтобы о нем знал хотя бы маленький читательский контингент. Ну, знали хотя бы как жителя Веселовки, маленького провинциального поселка в Сарыаркинской области, знали, что идет этот человек, этот писатель по своему девятому десятку, однако до сих пор пишет книги и надеется, что читатель его как-то узрит, как-то заметит.

Хочу, чтобы обо мне сказали теплое слово при моей жизни, а не тогда, когда мой гроб будет стоять у могилы и какие-то люди будут говорить обо мне что-то возвышенное. Не знаю, когда наступит этот час, только думаю, что нынче, в век атома, ракет, космических полетов, атомных испытаний, час этот не задержится. Однако я буду иметь смелость жить да поживать и даже что-то писать, потому как я не могу жить без писанины, без моих стихов. Не знаю, как обходиться без них, потому как они придают мне силу и долголетие.

А вот о писателях-долгожителях я не слышал. Единственный, кто прожил восемьдесят два года, так это Лев Толстой. А прочих писателей ни времен Гомера, Аристотеля да Плутарха, Пушкина, Тургенева да Гончарова, наших Шолохова, Исаковского да Твардовского долгожительство не коснулось. До семерки они доползали, прихватывали что-то и от восьмерки, но дотянуть до полной девятки писателям земли, как мне кажется, не удавалось. Так что я на этом свете не заживусь.

Но, друзья, не будем расставаться на такой грустной ноте. Писатель Веселовский из села Веселовка всегда любил своего читателя и писал книги только для него. Первые мои книги читатель видел, а вот хотелось, чтобы он увидел эту с моей душевной исповедью, где-то сказал: «Китаб жаксы!»

и просто пожал мне руку. От этого у меня не иначе как вырастут крылья, и я захочу еще жить, летать и видеть мой мир, мою Веселовку и моих читателей здоровыми, красивыми и счастливыми.

Друзья мои, коль я все-таки больше поэт, чем прозаик, то и главу закончу на поэтической волне:

Я, друзья, признаюсь, что я из Казахстана,
Я вовсе не российский, не курский, не московский,
И себя от вас я скрывать не стану:
Я - житель Веселовки Максимка Веселовский.

Глава девятнадцатая

Коль я все-таки ударился в девятнадцатую главу, то скажу, что натолкнуло меня на этот мой литературный подвиг. А натолкнули обычные телевизионные сообщения об окончании одиннадцатиклассниками школы и предстоящем каком-то ЕНТ - своеобразных экзаменах на аттестат зрелости.

Не ведаю, что это за чертов ЕНТ и с чем его едят, только в мою бытность были обыкновенные экзамены. А экзамены - это когда подходишь к столу, берешь любой из разложенных на нем экзаменационных билетов, разворачиваешь его, говоришь номер, садишься за парту и готовишься к ответу. В мою пору эти экзамены проводились с восьмого класса по десятый, потому как никакого одиннадцатого класса не существовало. За чем он понадобился теперь, я не ведаю, только мое поколение лет как бы не семьдесят-восемьдесят имело десятиклассное образование и как-то справлялось с ним - и в институты поступало, и отучивалось, и работало, и жило обычной жизнью.

Мне лично так, наверное, везло с билетами, потому как я отвечал на любой вопрос в билете. Но выше четверки знания мои не оценивались, что означало — был я средним учеником. По литературе и сочинениям я непременно хватал пятерки, а по другим предметам кувыркался с тройки на четверку. Как бы ни было, а аттестат зрелости я получил, но не в семнадцать, когда учился в обычной дневной школе 1955 года, а в 1961-ом, когда мне стукнуло двадцать три, а производство заставляло учиться в школе рабочей молодежи (ШРМ) и иметь среднее образование. Закончил

я эту самую ШРМ, получил аттестат зрелости, так что указание деповского начальства я выполнил. А дальше с этим аттестатом подался не в железнодорожный институт, как многие мои сверстники, а в Казахский государственный университет имени Кирова, какой существовал в свое время в нашей тогдашней столице Алма-Ате.

Шесть лет в университете я отбухал, получил заветный диплом журналиста, но, как и прежде, трудился обычным слесарем, каким меня выпустило в свет в 1959-ом Акмолинское железнодорожное училище. Никакого ЕНТ с нами никогда не проводили, мы брали со стола экзаменационные билеты и отвечали то, что знали.

А ЕНТ сейчас, говорят, это какое-то единое научное тестирование. О чем можно тестировать ученика - не представляю, тогда как мы тестировались лишь тем, о чем спрашивал нас наш экзаменационный билет. Так было все годы советской власти, и только нынешний наш суматошный век придумал для себя какое-то тестирование, с чем носятся обычные и высшие школы. Может, в том и правда есть какой-то плюс, только школьники почему-то перед ним дрожат.

Понятно, у школьника ума не палата, а столько, сколько дала ему школа, потому и спрос должен быть адекватным. Это я так думаю своей старческой головой, а что думает молодой ученый народ, мы видим на этом самом тестировании. Что удивительно, годы бегут, а положение не меняется. ЕНТ остается, как и остаются учащиеся, не прошедшие этого самого тестирования. Как они будут жить дальше - не ведаю, только телевидение о том умалчивает.

Наше телевидение вообще стало неузнаваемым, потому как оно вроде стало жить какой-то своей особой жизнью, не той, что была прежде. А прежде, лет пять назад, казахстанцы с удовольствием смотрели передачу «Играй, гармонь», которая исчезла с казахстанского «Первого канала». По поводу этого исчезновения я даже обратился к нашему премьер-министру Бахытжану Сагентаеву с письмом, в котором писал:

«Уважаемый премьер-министр!

Уважая вашу большую ответственную политическую работу и занятость важными государственными делами, хочется, однако, обратиться к вам с важным для людей вопросом. Дело в том, что как бы не целую пя-

тилетку первый телевизионный канал «Евразия» перестал транслировать российские передачи «Играй, гармонь», «Человек и закон». Какие причины побудили «Первый канал» расправиться с этими передачами, нам, телезрителям, неясно.

Передача «Играй, гармонь» транслируется на российском телевидении с 1986 года. В 2016-ом она торжественно отметила свое тридцатилетие, какое удалось увидеть у соседей, имеющих телевизионную тарелку, что нынче распространено почти повсеместно. У меня лично таковой нет, потому иногда приходится обращаться к друзьям. А «Играй, гармонь» на казахстанском телевидении транслировалась с первых дней выхода ее свет.

Была она и у нас в Казахстане, в Кокчетавском регионе. Ах, какая была встреча, как звучали наша домбра и баян, как сплетались в своей красоте русские и казахские песни! В целом же, где бы «Играй, гармонь» ни была, она всегда затрагивает душу любителей песни, частушки и гармонии. В них всегда звучит народный дух. Песня как-то сплавливает людей. Нам, зрителям и слушателям, с передачей «Играй, гармонь» душа просто рвется к песне, к большой и красивой душе народа, к открытому русскому характеру, к русской поэтической словесности, прославляющей родные края, деревеньки и села, родной дом и дымок над трубой, свое низенькое крылечко и свет в окне, свои тихие травянистые улочки, где свободно гуляют гусиные и утиные выводки. Эти милые сердцу картины и напоминаю твою родину.

Так было при Заволокине, так осталось и при его детях Анастасии и Захаре, нынешних ведущих «Играй, гармонь». Передачу, говорят, смотрит весь шар земной, и только первый канал Казахстана «Евразия» сделал передаче харакири и уничтожил, как врага народа. То же самое было сделано и с пимановской передачей «Человек и закон». В этой передаче мы всегда видели что-то новое, в ней мы видели наш мир, наше бытие, нашего современного человека с его судьбой, мыслями, поведками, характером. Человек - на то и Человек, что он всегда разный дома, в своем поселении, на работе, в чужой стране. Передача как раз и говорила о таких людях, как они живут среди нас, как понимают окружающий мир и что им этот мир создает. Обо всем этом мы узнавали из передачи «Человек и закон», которая тоже канула в Лету, как и тот же казахстанский литературно-художественный журнал «Нива».

Насчет «Нивы» так хочется напомнить, что журнал был основан в 1991-ом большим поэтом Казахстана, общественным деятелем и руководителем астанинской писательской организации Владимиром Гундаревым. Редактор «Нивы» с первого дня оставался все те же Гундаревым и все тем же редактором до 2012 года, когда он покинул этот мир. После него «Нива» просуществовала до 2015-го, когда без всякого предупреждения своих читателей и подписчиков в тысячу человек сложила свои крылья.

В Казахстане для русскоязычного населения выходило два литературно-художественных журнала, таких как «Простор», увидевший свет в 1933-ем и существующий поныне в южной столице, и «Нива». Чем провинилась «Нива» перед государством и литературным миром - неизвестно. Во времена Пушкина, Лермонтова, Белинского да Некрасова журналы закрывали царские приспешники, якобы из-за политической неблагонадежности, какой «Нива» никак быть не могла, поскольку она выходила целое двадцатилетие и шла по жизни со всем писательским народом и со всей своей писательской публикой».

Обо всем этом мною было сообщено на казахстанское телевидение и лично его ведущему Руслану Смыкову, какой самолично просил с экрана телезрителей обращаться со своими просьбами на «Первый канал», какой и будет решать вопросы телезрителей. Минула уже как бы не целая пятилетка, а ответа «Первый канал» не дал, как не дал его и лично Смыков. Не успокаиваясь на этом, я написал подобное письмо о передачах «Играй, гармонь», «Человек и закон» и журнале «Нива» самой Дариге Назарбаевой, какая являлась заместителем премьер-министра. Окружение Дариги Нурсултановны письмо мое до нее не допустило, а мне прислало вот такое уведомление:

«Уважаемый (мое имя и отчество)!

Министерство информации и коммуникаций РК, рассмотрев Ваше письмо касательно выхода передач «Играй, гармонь» и «Человек и закон» и журнала «Нива», сообщает следующее. Общественные отношения в области средств массовой информации регулируются Законом Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 461-1. Касательно телепередач «Играй, гармонь» и «Человек и закон», согласно п. 2 ст.1 Закона, главный редак-

тор - физическое лицо, возглавляющее редакцию средства массовой информации и имеющее соответствующие полномочия на его выпуск и распространение, выход в эфир. Вместе с тем, в соответствии с п. 3 ст. 17 Закона, никто не вправе обязать редакцию средства массовой информации обнародовать отклоненный ею материал, если иное не предусмотрено Законом. Таким образом, редакция средства массовой информации независимо определяет материалы для публикации или выхода в эфир.

Относительно же журнала «Нива», согласно п. 1 ст. 5 Закона, право на создание средств массовой информации принадлежит физическим и юридическим лицам в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Кроме того, сообщаем, что в адрес министерства со стороны редакции уведомления о закрытии издания не поступало. Касательно журнала «Нива» нарушений, которые могли бы послужить закрытию журнала, не выявлены.

Наряду с этим министерство выражает Вам благодарность за активную гражданскую позицию в вопросе развития сферы средств массовой информации.

Вице-министр А. Ажибаев».

Между прочим, в письме Дариге Назарбаевой я как бы между прочим упомянул, что с 1973-го по 1997-ой существовал Веселовский район, какой целое двадцатипятилетие приветствовало веселовское окружение. Народ, проживающий на железнодорожных станциях, разъездах да казармах, добирался до своего района Веселовка за какие-то час-другой. Теперь же такое время ему нужно, чтобы добраться до Веселовки, а в ней уже пересаживаться на автобус и мчаться за сотню верст до нового райцентра в поселке Аксу-Аюлы, находящемся в ста верстах от железной дороги. На все это у него тратится день, а то два, поскольку справиться, скажем, с теми же пенсионными делами за раз не всегда удается. А коль удалось, автобус на обратный путь убежал по своему графику, отчего приходилось раскошелиться на попутку. Какие силы заставили в 1997-ом свое родной государство ликвидировать Веселовский район - Бог весть, только Веселовке теперь приходится подчиняться Аксу-Аюлинскому району и его райцентру Аксу-Аюлы с его трехтысячным населением.

Не ведаю, какие силы работали над моими аж тремя письмами, только

все они попали в руки вице-министра А. Ажибаева, от какого эти письма никак не попадут к тому же Сагентаеву, Смыкову и Дариге Назарбаевой, поскольку окружение Ажибаева знает, что надо делать. Так что нам, Казахстаном, не придется слушать и видеть передачи «Играй, гармонь», «Человек и закон» и читать ту же знаменитую в свое время «Ниву», в какой печатались лучшие писатели Казахстана, России и всего цивилизованного мира...

Насчет бывшего Веселовского района, существовавшего целое двадцатипятилетие и ликвидированного в 1997-ом, я писал и в свою областную газету, какая на мою статью просто подняло ногу и выбросило в помойное ведро. А Веселовка, между прочим, в августе 2017-го отмечала свое восьмидесятилетие. Поселок красился, белился, украшался, асфальтировался и по-прежнему мечтал о возобновлении Веселовского района. Ничего не произошло ни в 2017-ом, ни в нынешнем 2018-ом. Думается, не произойдет этого и в последующие годы, пока областное начальство само не постучится с этим вопросом в большие правительственные кабинеты.

Веселовцы и теперь живут этим ожиданием. Хотелось, чтобы власти Казахстана каким-то образом переродились в 2018-ом, а в 2019-ом возобновились бы передачи, о каких говорилось выше, и вновь начал выходить журнал «Нива». А самым большим подарком для веселовцев и их окружения стало бы возобновление Веселовского района, каким он был двадцать лет назад. Думается, в нашем Правительстве есть такой отважный человек, какой любит свой народ, работает для него, отдавая ему свои мысли, дела, себя самого и свою жизнь.

Можете поверить, друзья мои, что я ставил жирную точку и писал слово «КОНЕЦ» на семнадцатой главе. На восемнадцатой, в которой я ударился в космическое пространство, я рассказал о размерах Солнца и Луны и на сколько верст от Земли они находятся. Ладно Солнце и Луна, так меня же черт понес на другие планеты, такие как Марс и Венера, на какие человек собирается полететь уже через какое-то десятилетие. Когда это случится - Бог весть, только это все-таки случится. Конечно, свидетелем того я вряд ли стану, потому как к тому времени мне должно стукнуть девяносто два, что желательно, но практически нереально.

А я вот, черт возьми, хочу жить, вот хочу, хоть ты убейся! Не потому, что я чего-то в жизни недобрал, а просто мне хочется родить еще одну книгу,

не похожую ни на одну из написанных мною прежде. Не похожую и вот на и у мою последнюю, по моим замыслам, книгу, являющуюся своеобразной исповедью автора. Исповедался же перед своим читателем и Жан-Жак Руссо триста лет назад... Конечно, у меня была своя исповедь, исповедь моих лет и моего времени, какую я отдаю на суд читателя прямо сегодня.

На восемнадцатой главе я не удержался, хотя и закончил ее четверостишием. Девятнадцатая глава набежала сама собой. Я хватал все, что она диктовала, и вот на ней я как раз ставлю точку и пишу слово «КОНЕЦ». А это значит, и правда, друзья, мы с вами расстаемся. Расстаемся, может, даже навсегда. Я иду по своему девятому десятку, так что удивляться тут нечему. На деле же я всегда любил и люблю своего читателя, от которого я жду одного: прочтите меня! Может, у вас сложится обо мне хорошее мнение, и вы даже положите цветок на мою веселовскую могилу...

Сегодня 25 июня. Прогремел первый гром, второй, третий, а дождя как не было, так и нет, хотя небо заволочло тучами. Веселовцы, какие имеют огороды, что имели и мы с моей Гульчатай двадцать лет назад, конечно, мечтают о дожде. Мечтали о нем и мы с моей Надеждой-Гульчатай-Кадисшой, когда у нас была посажена собственная картошка с моркошкой, лучок, чеснок и укроп. Как-никак, а они нас кормили, и мы за ними не заглядывали в магазины. Слава Аллаху, что двадцать лет как у нас с женкой огорода нет, и мы теперь по-настоящему отдыхаем. За картошкой с моркошкой, конечно, заглядываем в магазины, какие не слишком нас раздают. Цены в магазинах, как мы считаем, приемлемые, так что мы за то просто благодарны времени и властям.

Сегодня, 25-го, как раз и состоится чемпионат мира по футболу. Будут играть Россия и Уругвай. Россию в игре мы видели уже дважды - с Саудовской Аравией и с Египтом, как она показала высокий класс. Как будет выглядеть в предстоящей сегодняшней игре Россия - мен бельмеем, потому как понятия не имею об ее успехах и поражениях. Может, это такая команда, какая наклепает россиянам на всю катушку и просто скажет: знай наших!

Не знаю, как и что будет, потому с нетерпением ожидаю 19.50 вечера, когда начнется этот матч. В футболе я дуб дубом, а вот смотреть его люблю. Люблю удивительные проходы игроков к воротам противника и злюсь, когда игрок бьет выше ворот, а то и мимо штанги всего в нескольких сан-

тиметрах. В этом случае всегда подумаю, а то и вовсе кричу экрану: где же у тебя, прореха на человечестве, глазомер, где прикидки расстояния по высоте, длине и широте?! Поляки так много раз били по воротам колумбийцев, но всегда выше ворот и мимо них, за что колумбийская команда сделала полякам харакири со счетом 3:0.

А матча России с Уругваем все-таки я дождался. Дождался и расстроился, потому как россияне оказались неузнаваемыми против прежних двух матчей, где вышли победителями со счетом 5:0 и 3:1, а тут уругвайцы сделали россиянам хенде хох и всунули им аж три безответных гола. Не ожидал я от России, что она может пасть так низко...

Как бы там ни было, расстроившись на футболе, на этой моей книге так в этот же вечер я и поставил точку. Поставил точку и решил, что с писаниной завязываю. Мне кажется, что с этой самой писаниной я начал тупеть, потому и выдал эту неординарную и тупую книгу. Это я так думаю, а что думает дорогой для меня «Классик», понятия не имею. О первых моих книгах он отзывался положительно и одобрительно, а об этой моей долбаной исповеди не ведаю, что у него на уме и какое слово он обо мне скажет. Я приму любое из них, лишь бы оно было искренне правдиво. В издательстве все истинные потомки Белинского, какой знал, что говорить, и просто видел птицу по полету. Побеседовал же он с молодым Лермонтовым и сказал, что эта фигура в литературном и писательском мире будет почище Пушкина, какой уже лежал в сырой земле...

О себе же не хочу таких возвышенных слов, потому как я их не стою, а хочу простого дружеского пожелания выхода в свет того, что у меня в мыслях и в моем сердце. Если откровенно, я не люблю, когда обо мне говорят нечто похвальное вслух. Другое дело, если я прочту это похвальное в строках. Может, это потому как меня за мою жизнь не хвалили вслух, а районная газета так разразилась обо мне похвальным словом. Как бы там ни было, а читать о себе похвалу было приятно. Может, потому как был я слишком молод и все принимал за чистую монету? И все-таки читать о себе нечто похвальное приятнее, чем слышать это от кого-то, тем более когда он глядит тебе в глаза. В целом на похвалу я не падок, а коль такая промелькнет в строчках, тут я, конечно, возбуждаюсь и даже как-то расту.

Каков будет резонанс от этой книги у издателей - не представляю, только книга мне лично не нравится ее планом, ее тематикой, ее начинкой

и ее исполнением. У Руссо как-то было занято, а я исполнил как-то не по-литературному. Судить не буду, пусть это сделают посторонние. Лично я приму любой отзыв, даже разгромный.

О прежних моих книгах так «Классик» гладил меня по головке и не нашел ни одного слова в мать-перемать, хотя о некоторых моих книгах можно было найти такие слова. То ли меня жалеют как старика долбаного, то ли мои книги не все прочитаны... А когда их издательству читать, когда я наклепал их аж целых пятнадцать штук? Да тут от двух-трех с ума можно сойти, а осилить целых пятнадцать!.. Да это надо роботом быть, чтобы прочесть всю мою печатную индустрию. Я лично ее прочел, и не сказать, что я ею восхищен. Сейчас так что-то бы да переделал, что-то бы да сократил, а то и вовсе выбросил на помойку. Но книги вышли такими, какими я их сотворил, потому приходится пожинать то, что есть.

Вчитываясь в свои книги, задумываюсь иногда: знаю ли я как писатель жизнь? Плавая по ней и анализируя ее, сделал один вывод: настоящей жизни я не знаю, как не знаю и настоящих людей. Тех, кого я находил по дружбе, по работе или просто на помойке, до конца распознать я не мог, потому как не знал психологию и характер человека. А ведь среди них были такие, какие могли меня многому научить своим умом, своими мыслями, своими планами на сегодня и на будущее. О будущем как раз и следовало бы мне подумать...

На этой книге ставлю точку. А дальше-то чем заниматься? Ум подсказывает: надо писать такой роман о жизни, какого еще белый свет не видывал. Если буду жить, то такой роман наверняка рожу и даже принесу его в любимый мною «Классик». Как он поступит с тем романом - не ведаю, только это пока лишь мечты выжившего из ума пенсионера. На данный момент меня больше всего волнует эта моя «Веселовская исповедь», на которой я хочу завершить свой творческий путь. Двенадцать лет я упорно работал, а теперь надо бы подумать и о покое. Еульчатая так предлагает махнуть куда-нибудь в ту степь, на что я соглашаюсь с ходу. Каковы эти дороги в той степи, не говорит, хотя я согласен на любую из них. На дорогу к детям на Алтай полечу на крыльях, а других дорог я просто не вижу. Если бы было как при коммунизме, когда предлагались путевки от производства куда угодно в свете, то пожалуйста, но сейчас этого нет и, видимо, никогда не будет, потому как нет коммунизма, нет единой большой страны и нет

тех великих людей, какие руководили всеми почти бесплатными путевками и своим государством.

Сейчас, говорят, за деньги ты можешь даже подняться на Эйфелеву башню и любоваться Парижем, можешь побывать в Америке у самого Белого дома, побывать и в Турции, и в Риме, где будешь любоваться историческим зданием Колизея, сработанного еще до новой эры. Можешь даже побывать в далеком историческом Египте и любоваться его пирамидами, какие сотворил человек, когда страну правили фараоны. Было это не одну и не две тысячи лет назад, когда человечество уже умело аналитически мыслить.

По поводу же моих книг я не хочу подниматься на олимп славы. Мне не нужны никакие дифирамбы. Мне нужны простые немногословные строки о том, что я сделал, и простого пожелания мне обычного долголетия. Сколько я протяну - не ведаю, но в эти мои годы копытиться я не хочу. За два месяца текущего 2018-го мы похоронили Алексея Чеботарева, вчера - Евгения Гуляева. Один прожил восемьдесят восемь лет, второй - семьдесят один.

Мои восемьдесят два тоже не капля в море. Но у меня слишком большая тяга к жизни. Нынче она другая, чем была в мои годы, когда шла война и когда она закончилась. Как бы ни было, а мое поколение умело жить и выживать. Выжил и я. То, что я оставлю своему потомству, у вас перед глазами. То же самое оставили Пушкин, Лермонтов, Есенин и весь писательский мир планеты. О том писательском мире знает все человечество, а обо мне не знает даже моя Веселовка. Такова, наверно, моя судьба: жил на задворках и попытка отброшу там же...

Как бы ни было, а в достойных писателях разберутся потомки. И, может, даже Максиму Веселовскому найдут какое-то место.

Глава двадцатая

Нет, на девятнадцатой главе эту книгу я не закончу. На меня набегает новые мысли, какие я тут же хватаю и ложу их на бумагу. На нынешнюю свою память уже не надеюсь, а все как иду по своему девятому десятку. В новых мыслях я лично себе отвожу мало места, хотя Руссо в своей «Исповеди» этого не делал. Он там фигурировал повсеместно, а я так временами выползаю наружу.

Все, что надо, о себе я рассказывал, повторяться незачем, а вот что говорят, думают и пишут другие, нынче меня занимают больше всего. Как, наверно, и многие жители Веселовки, я тоже ударяюсь в Интернет, и он сообщает мне то, о чем я его прошу. Как сыграли на чемпионате мира по футболу 27 июня текущего 2018-го Корея и Германия, я не знаю, потому как второй тайм казахстанское телевидение не транслировало якобы из-за погодных условий.

То же самое было и с матчем Сербия - Бразилия. Интернет оказался абсолютно грамотным и точным и подсказал, что Корея наклепала Германии два безответных гола, а Бразилия тоже два таких же безответных воткнула сербской команде. То, что уругвайцы посадили в галошу российскую команду с разгромным счетом 3:0, наверняка удивило весь футбольный мир. Не могли россияне расквитаться для престижа хотя бы единственным голом, что заставляло подумать: команда не иначе как играла с похмелья. Тот же Уругвай 30 июня сделал харакири португальской команде со счетом 2:1, так что знаменитые португальские форварды только взяли за голову: проиграть какому-то Уругваю?!

Футболист из меня никакой, а вот болельщик я отменный. В матче за 28 июня Бельгия так неожиданно сунула безответный гол знаменитым англичанам, какие, как говорит история, якобы являются изобретателями футбольной игры на планете. К тому же Англия постоянно побеждала всех своих соперников. Кажется, была она в свое время даже чемпионом мира по футболу. Как бы там ни было, а игру англичан я любил, потому и болел за них во всех европейских и мировых матчах.

Как бы там ни было, а вместе с футболом на меня навалились и мои стихотворные завихрения. Не знаю, какие там вихри врожденные и сти-

хотворные блуждали во мне, только у меня на этот раз начало выплескиваться нечто песенное. Я где-то уже говорил, что в песенном плане я тупой, как сибирский валенок, и что мне до песен, скажем, Исаковского как свинье до неба, однако в сегодняшний момент я записал нечто песенное на мой стариковский взгляд. Подумал, что надо ударить ее на любовный лад. «Расцветали яблони и груши» я вряд ли осилю, а нечто простенькое можно попробовать.

Как бы там ни было, а любовную песню я сморозил, и получилась она вот такой:

Много песен прошло у меня,
Много ручьев отзвенело,
Но не было часу и дня,
Чтобы сердце во мне не запело.

Припев:

Будет, конечно, весна,
Будут, конечно, надежды,
Но мы, по всему, никогда
Не будем такими, как прежде.

Будут опять чудеса -
Вера, надежда, любовь,
Ведь для того и весна,
Чтоб волновать нашу кровь.

Припев.

Весной вновь забелеет сирень,
Возгорится на небе заря,
Вновь наступит приветливый день,
Будет прожит он нами не зря.

Припев.

И, конечно, нагрянет весна,
И, конечно, нагрянут надежды,
Но не будет такой она,
Как и мы, разудалыми прежде.

Припев.

Не ведаю, чего я наворочал этой песней, только на душе стало как-то легко, свободно и воодушевленно. Оказывается, у поэтов есть какие-то свои резервы. Наверное, что-то зацепилось и у меня, что-то отложилось и во мне, поэтому складывать крылья я наверняка не стану и завязывать с писаниной тоже. Буду просто жить и делать то, что делают все вокруг меня - работают, любят, а то и пишут свои воспоминания.

В Веселовке, оказывается, не один Веселовский владеет пером. Как я узнал, выпустили свои книги Кузембаев, Тутешев, Абдрахман Майбас. Я их книг не читал, поскольку выпущены они на казахском языке, какого я не знаю и каким не владею, хотя пытаюсь.

Я уже как-то говорил, что родился я в ауле Кургальджинского района в 37-ом. В ауле население было в большинстве своем казахское. Но я хотя и вращался с казахскими ребятишками, казахского языка не знал, потому как был тупой. Шесть КазГУшных лет тоже давали уроки казахского языка, но я все равно его не освоил, потому как остался таким же тупицей. Друзья мои по-русски шарили аж пыль столбом, а я двух слов по-казахски связать не мог, потому как во мне безвылазно сидела все та же тупость.

В целом я оставался простым крестьянским пацаном, у какого не было никаких талантов. В школе я ничем не выделялся, кроме как умением читать наизусть стихи школьной программы. Читал я их классно и умело в младших классах, а после и в последующих. К стихам у меня был какой-то артистизм, потому учителя ставили мне по литературе и русскому сплошные пятики. Получал я сплошные пятики за сочинения, какие учителя даже зачитывали перед классом вслух.

Не знаю, какие бегали во мне Есенины, только сочинения я клепал классные. Писательского же и поэтического таланта тогда во мне не открылось. Писать я начал только лишь на «дембеле», и то не в мои шестьдесят, а в круглую мою семерку. За такие происшествия во мне с литера-

турными и поэтическими завихрениями я костерил себя по всем кочкам, костерю и сегодня. А как не костерить себя и не сажать на колючую проволоку с электрическим током за мои литературные проделки, когда я за двенадцать моих «дембельских» лет выпустил в свет аж целых четырнадцать книг? Эта, над которой я сижу и добиваю ее, будет пятнадцатой и, вероятно, последней. Решил я, друзья, завязывать с творческой деятельностью, с писаниной и со стихами, потому как все-таки я иду по своему девятому десятку. Прочий пенсионный народ Веселовки живет своей обычной жизнью, ездит по городам и весям к детям и к какой-нибудь родне, а я так ударяюсь в писанину, уподобляясь Лермонтову да Есенину.

Конечно, вины в том моей тут нет. Не знаю, почему моя голова не варила до «дембеля». Об этом я думаю уже как бы не все двенадцать лет, в какие я занимаюсь творческой деятельностью и впервые взялся за перо. Может ли такой феномен пояснить медицина - не ведаю, только я остаюсь в тунике и продолжаю писать то, что диктует мне моя седая голова. Насколько у нее хватит духу делать это, я не представляю, только стихи и всякая писанина донимают меня даже ночью, когда женка моя Надежда-Гульчатая-Кадиша да Рабига давит свой сон, а я соскакиваю со своего дивана и уединяюсь в зале у журнального столика с моими бумагами и светильником. С ними, бывает, я забываюсь до утра, когда моя Гульча приходит из спальни и делает мне упрек: мол, все люди как люди, а я выпендриваюсь со своей писаниной, какая нужна веселовцам, да и прочему населению, как зайцу вытрезвитель... Упрек я принимаю, молчу и вычитываю, чего я там за ночь нацарапал.

А царапал я страницы этой книги, на какой и хочу закончить вообще всю свою писательскую и поэтическую деятельность. Нового у меня в голове ничего нет, а о старом повторяться не хочется. Где родился и где крестился, вы знаете, где учился и где пригодился - тоже, остается лишь читать то, что я наворочал за свою «дембельскую» жизнь. Эта книга будет пятнадцатой. За двенадцать лет пятнадцать книг - на это у больших писателей уходит вся жизнь, а у меня только лишь половина моей «дембельской».

По утверждению моей Гульчатой и по поверьям ее посиделковых бабок, такая активность - это мой скорый конец, это отброс копыт. Не знаю, чем аргументируют бабки свои прогнозы насчет моих копыт, только я их

отбрасывать вовсе не собираюсь. К медикам не обращаюсь как бы не все лет сорок, поскольку меня не донимают никакие хвори, болезни и даже малые заболевания. Давление нормальное, сахар нормальный, а то, что просыпаюсь по ночам и хватаюсь за ручку, то бишь за перо, болезнью не пахнет, а пахнет чем-то лермонтовским да есенинским. Их я за это просто благодарю.

Конечно, создать нечто подобное их произведениям я вряд ли смогу, а вот нечто свое личное, свое веселовское у меня получается, о чем и говорят все мои четырнадцать книг, вышедшие в издательском доме «Классик». Теперь на очереди вот эта пятнадцатая. Как на нее посмотрит «Классик» - не представляю, только мне хотелось, чтобы посмотрел на нее глазами Белинского. Похвалы эта моя исповедь вряд ли заслуживает, но и чихвости ее по всем швам и по всем кочкам вроде не за что. Это я так думаю, а как думают издатели и читатели - не представляю.

Разнести эту книгу в пух и прах и правда вроде не за что, но у издателей свое мнение, они себе науме. Потому как все они живут духом, характером и званиями Белинского и на жизнь и на литературу смотрят его глазами. Издатели наверняка посчитают, что в книге должно быть живое действо героев, а у меня этих героев просто нет ни сном, ни духом. Во всей книге из живых героев только я да моя Гульчатая. Мы живем с нею, говорим, общаемся и не более. Так же это за книга без героев и без действующих лиц? У Лермонтова в «Герое нашего времени» вон сколько всяческого народа! Петь кого послушать, есть кому посочувствовать, за кого поболеть... А у меня? Я да моя Гульча. Что с нас возьмешь? Ноль без палочки.

Вот за все это я и не люблю эту мою исповедальную книгу, которую даже не побоюсь выбросить на помойку, когда «Классик» будет недоволен ею и не захочет выпустить ее свет. Думаю, у «Классика» тоже несладкие мысли об этой книге, и он просто захочет сделать ей харакири. Я не обижусь, а просто буду знать, что рожденный ползать летать не может, ему и небо не поможет. Почему я проскакивал в «Классике» до этого - не представляю, только нет во мне ни Лермонтова, ни Есенина. Есть обычный колхозный пенсионер, умеющий мыслить и записывать свои мысли.

Конечно-конечно, это какой-то мой плюс. От написанного мною прежде я не отказываюсь и даже благодарен этим моим двенадцати «дембельским» годам, за какие я состряпал все свои книги. Временами пе-

речитываю все написанное и делаю вывод, что я не Ванька с пивзавода, есть во мне какие-то здравые мысли, какими я и делюсь с моим читателем. Как бы там ни было, а не каждому удастся воплотить свои мысли в книги. Мне это пока удавалось и удастся, поскольку, видать, я что-то да знаю о жизни. О том, какая она была и какая стала на данный момент, не каждый сообразит, а у меня хватает духу видеть эту жизнь и показывать ее в печати. Если бы я не разбирался в жизненном процессе человечества, то вряд ли сообразил бы такое количество книг, притом за такой короткий срок.

Не сказать, что я вундеркинд, но какие-то есенинские черты во мне есть. Есенин, правда, выразил себя в двадцать и тридцать лет, а я, потерянное животное, появился на свет со своими книгами в 2013-ом, когда мне шел уже семьдесят шестой год. Здравый ум так спросил бы: а раньше где ты был, где тебя носило? Я и сам теперь спрашиваю себя об этом. И никакого ответа дать не могу. Почему не брался за перо в молодые годы, в средние и даже в пожилые, а вот ударился в писанину лишь в старческие, в хоттабычевские годы, когда из человека песок сыплется? Конечно, это не делает мне чести, однако я хоть что-то да смог сделать на лермонтовско-есенинской тропе.

По этому самому поводу моя Гульчатай как-то спросила меня:

- Вот, Сегизбай-Бикеш-оглы, насчет твоей писанины я спрашиваю: где ты был все эти годы до этого? Мы с тобой как-никак, а вместе кувыр-каемся уже шестьдесят лет, и только в последние десять ты начал налегать на перо. Это писательский закон или твоя продолжительная жизненная тупость?

- Не знаю я, Дарига Ахмедиевна, откуда во мне появились писательские мысли. Я ведь их не зову, не приглашаю, а они сами меня находят и достают. Название такому феноменальному случаю дать я не могу, как, наверно, не придумает и сама жизнь. Пушкин прославился в тридцать семь-восемь, Лермонтов - в двадцать семь, Есенин - до тридцатника, а я и в свои восемьдесят два неизвестен не только какому-то белому свету, но даже своей Веселовке, кроме двух-трех стариков, кому я подарил свои книги. А все это потому, Рабига Балтиева, что нынче нечитабельный век. Сегодня все книги заменяет Интернет, так что винить надо не нынешнего человека, а нынешнее время.

- Да, с твоей писаниной в такие поздние годы действительно что-то происходит несурзное. Как говорят мои бабки, это явление связано с отбрасыванием копыт. Ты же, как я знаю, отбрасывать их не собираешься ни в этом году, ни через пять лет и даже через десять.

- Ну, а чего я стану их отбрасывать? Со здоровьем у меня все лады, не курю, не пью, по больницам не шлюндраю. Последний раз я был там как бы не лет тридцать назад, и то по указанию каких-то высоких медицинских властей, оберегающих здоровье железнодорожников. Врачи посоветовали делать ежедневные прогулки в три-пять километров в ту степь, и сон у меня после того нормализуется. После того я начал ходить в ту степь вдоль балхашской трассы мимо километровых столбиков, и выходит, что я накачиваю своими старческими лапами по пять километров ежедневно. После этого я забыл о бессоннице, сплю, как малое дитя, и понял, что движение - это жизнь...

Вдаваться в физическую философию движения не стану, но доволен, что Гульчатай у меня что-то соображает в философии человеческой жизни. Движение - это главная стадия жизни всего живого на земле и в космосе, хотя там обитают неживые планеты. Они, звезды, Солнце, Луна, вращаются вечно, а коль они вращаются, значит, они живут. Я не вращаюсь, только двигаюсь, а движение - это и есть жизнь на земле, на воде и в космосе.

Хотелось бы разобраться в философии жизни человека вообще, но подумал: а зачем это мне? Пусть о том думают медики, философы да психологи, им это нужно по их профессии, а мне-то, деревенской корке, зачем это нужно? Как бы там ни было, а нынешний Интернет что-то да говорит о человеке и человеческой жизни.

Почему-то наткнулся в том же Интернете на актрису Ольгу Бган, какая родилась, почти как и я, в 1936-ом, а умерла в 1977-ом. Запомнилась мне актриса фильмом «Человек родился», какой вышел, когда мне шибануло ровно двадцать лет. Актриса увлекла своей молодостью и красотой, в какую я просто влюбился, даже планировал поехать в Москву и познакомиться с актрисой лично. Об Ольге я ничего не знал решительно, и только сегодня Интернет подсказал, что она была дважды замужем, у нее два сына, один из которых проживает постоянно в Китае, а второй несет свою актерскую судьбу у себя на родине в России. Какие-то жизненные силы не дали Ольге сниматься в других кинолентах, была она на маленьких эпизодических

ролях и, может, потому ударились в рюмку, да в такую частую, что в сорок один год оставила этот свет.

Удивительно, что выдающиеся люди земли, как те же актеры, поэты да писатели, часто уходят из жизни в сравнительно молодые годы. Владимир Высоцкий так умер в сорок два, поэт Николай Заболоцкий едва дотянул до двух пятачек...

Если покопаться по нашим газетам, то нас просто удивит сегодняшний наш мир. В 1996-ом победительницей конкурса «Мисс Россия» стала шестнадцатилетняя Александра Петрова из столицы Чувашии. Перед ней открылись чуть ли не все жизненные двери: телеэфир, всякие презентации, фотомodelное участие... В течение года Александра ездила по всему миру, участвовала в международных конкурсах красоты, победила в мировом чемпионате по искусствам в номинации «Модель». Предложили ей работу даже в самих США. Александра получила титул «Человек года», боролась за титул «Мисс Вселенная». Но 16 сентября Александра и двое ее спутников поднимались в Чебоксарах на третий этаж, где вся тройка была встречена огнем какого-то киллера. Александра Петрова умерла от раны по дороге в больницу, не дожив до своего двадцатилетия...

Вот такие бывают в наши дни истории, люди и события. В моей Веселовке тоже были знатные люди, но они, правда, не были ни артистами, ни поэтами, а были простыми железнодорожниками. Машинисты водили поезда, путейцы следили за исправностью железнодорожного полотна, ну а такие простаки, как Максим Веселовский, то есть я собственной персоной, пятнадцать лет слесарили тепловозы и четверть века занимались снабжением своего предприятия всем необходимым. Сорок лет этот самый Максим Веселовский посвятил железной дороге, какая и выпроводила его на «дембель» в нужный день и в нужный срок.

На этом самом «дембеле» я уже целых двадцать лет, а моя Гульчатай так и вовсе все двадцать пять. По сороковнику нашей жизни мы с моей женой посвятили кровному Веселовскому локомотивному депо, какое, по правде, стало нашей жизнью и нашей судьбой. Своих пенсионеров депо не забывает и умудряется поздравлять их с юбилеями и днями рождениями. Поздравило оно и меня, когда мне стукнула круглая семерка с нулем и такая же круглая восьмерка. Были поздравительные письма и, конечно, подарки, что как-то согревало душу. Дороги не подарки, а дорого внимание

деповского руководства, которое не забывает своих бывших работников даже через длительные сроки. Хоть и старики мы со своей бабкой, а все равно приятно принять в доме посланца депо с поздравлением и подарком. Не знаю, как в других организациях, но у железнодорожников есть свой закон, своя система - не забывать своих прежних работников, будь он даже самым простым слесарем или рядовым машинистом.

Железная дорога недаром зовется железной, потому как она отлита из железа, а значит, у нее железные мускулы, железное направление, железный характер и железная судьба. Наверняка вследствие этого железнодорожная станция Веселовка вот уже восемьдесят лет живет своими железнодорожными ресурсами и железнодорожными планами. В 1971-ом она начала строительство второй ветки железнодорожного пути «Караганда - Чу», построила его и в 1982-ом электрифицировала. Это был настоящий железнодорожный подвиг, к которому я как снабженец тоже приложил руку.

Электрификация много чего требовала: опоры разных высот, стаканы, в каких устанавливаются опоры меньшей высоты, чем на перегоне. Эти стаканы и опоры обычно устанавливаются на подъездных путях и на станционном плацу. За этими самыми стаканами я ездил в длительные командировки аж в сибирский город Черногорск, что в двадцати верстах от столицы Хакасии Абакана. Опоры длиной в тринадцать с половиной метров увели меня в кавказский город Беслан. Такие же поры, но меньшей высоты, заставили меня крутиться по Ростову. Снабженческие дороги приводили меня в Одессу, в Минск, в ту же Москву. В наших казахстанских городах я не был только в Кызыл-Орде, Уральске, Усть-Каменогорске, Кустанае, Кокчетаве, Талдыкургане, Джамбуле и Чимкенте.

Что удивительно, возвращаясь из Ростова, пришлось самолетом лететь через Волгоград, бывший Сталинград, где я пересаживался на самолет, который доставлял меня в Целиноград, а там до дома и рукой подать. В Волгограде я побывал на знаменитом Мамаевом кургане. Своей снабженческой работе я буду кланяться не менее как всю мою жизнь. Без нее я вряд ли повидал бы тот же Ростов, тот же Черногорск с Абаканом. Свободные часы в этой командировке привели меня даже в ленинское Шушенское, где я побывал в доме, где проводили свою ссылку Ленин и Крупская. Существует ли сейчас этот музей, я не в курсе. Но в коммунистическую пору

я здесь побывал, трепал шубу, в какой ходил Ленин, и трогал его охотничье ружье, с которым он ходил с местными доброхотами на охоту.

Как бы ни судили и что бы ни говорили, а коммунистическому времени я просто кланяюсь. С развалом СССР я дальше своей Веселовки не бываю, кроме как поездок к детям на Алтай. Развалился СССР, и меня в этот срок выпроводили на «дембель», на каком только и остается вспоминать свои бывшие годы, фрагменты каких вошли и в эту книгу..

Не знаю, как кому, а мне на «дембеле» скучать не приходится. Напарники мои, такие же дедуганы, при встрече во дворе или на Веселовских улицах жалуются на скуку. Читать им нечего не хочется, за жизнь все читано-перечитано, а телек своими программами достоин помойки, потому как телевизионщики не иначе как выжили из ума. Нынешние их фильмы коммунистической поры укладывались в полтора-два часа. За это время герои фильма успевают полюбить зрителью и даже надолго запомниться. Ну как можно забыть такие фильмы, как «Дело было в Пенькове», «Солдат Иван Бровкин», «Иван Бровкин на целине», «Свадьба с приданым», «Свадьба в Малиновке», «Человек родился», «Максим Перепелица», «Стряпуха», «Девчата» с незабываемой Надеждой Румянцевой и Николаем Рыбниковым, «Кубанские казаки», «Гость с Кубани», «Поезд идет на восток», «Смелые люди» и другие-другие, каких не только не перечислить, но и вспомнить невозможно. Этих фильмов я не видел лет сорок, а то и пятьдесят. По Интернету мне Гульчатай недавно так прокрутила «Трактористов» с незабываемым Николаем Курочкиным. Удивительный, честное слово, фильм выпуска 1939 года. Ах, в такое давнее время, а какие умели делать фильмы!

Куда подевались все эти фильмы - Бог весть, только выбросить их на помойку киностудии не позволят. Видать, хранятся они в архивах и ждут, когда власти покажут их народу. Но, думается, за этот показ Россия потребует большую акшу, поскольку нынче все держится на деньгах. Когда был единый Союз, мы эти фильмы смотрели без проблем, а при нынешнем СНГ надо, видно, забывать, что было у всех республик примечательного.

Ну, с фильмами все понятно. Мы их не видим и не слышим о них, а вот «Весну на Заречной улице» телевизионщики не забывают. Отличный, замечательный и памятный фильм, где показали свое незабываемое лицо

актеры Николай Рыбников и Нина Иванова. Первого так давно нет на белом свете, а вторая влачит свет морщинистой старухой.

В целом к фильмам я охладел, а больше налегаю на стихи, особенно на те, какие можно даже распевать. Песни на слова Исаковского известны даже во всем мире, а вот простые, душевные и лиричные душа моя так принимает больше всего. Я почему-то теплею от этих песен, и мне самому хочется тиснуть в песенном плане нечто свое.

Как бы там ни было, а такую песню я выискивал в Интернете, какая звучала в ансамбле «Веселуха», какая здравствует в Новосибирске. Так вот, эта самая «Веселуха» увлекла меня, заворожила, и я наслаждался песней, как, наверно, когда-то своей первой любовью. Давайте вместе с вами послушаем песню:

В вышитой сорочке ворот нараспашку,
Выйду в синий вечер погулять в луга,
Там, где крик сорочий да на черной пашне
Зори, словно свечи, в дымке берега.

А над белым храмом звезды коромыслом,
Месяц золотые притупил края.
Улетели письма, нету телеграммы,
Криком журавлиным в дальние края.

Припев:
Уж догорел калины куст, калины куст,
А без тебя так вечер пуст, так вечер пуст.
И мне поют перепела, что и любовь переплыла
На берег тот, где догорел калины куст.

В вышитой сорочке нараспашку ворот,
Вышел в синий вечер погулять в луга.
Телеграммой срочной дай ответ мне точный,
Что опять вернешься - ты мне дорога.

Припев.

Посмотрел по Интернету: кто же мастер этой песни? Удивился слабоумию Интернета, какой сказал, что автор - певец Ярослав Евдокимов, а во втором случае - слова Поперечного, музыканта Александра Морозова. С Интернетом спорить не стал, так что остаюсь тупым знатоком авторов этой песни. Насчет же Интернета так подумал, что он не иначе как окончил только шесть классов и его надо отправлять на доучивание.

Все данные по Интернету дает мне моя Гульчатай, потому как я разбираюсь в нем, как свинья в апельсинах. Планшет с этим самым Интернетом мне дает Гульчатай лишь поддержать, особенно когда в нем мелькают наши дети и внуки с нашими правнуками. В целом же я так истинно кланяюсь всем этим планшетами, ноутбукам, мобильникам да каким-то навороченным телефонам, какие и фотографируют и показывают чуть ли не весь белый свет.

В завершение этой последней главы моей исповеди хочу напомнить вам, друзья мои, что я всего лишь обычный пенсионер обычного старого провинциального поселка Веселовка, какая случайностью лет и времени носит мою фамилию. Да, я есть Максим Веселовский, какой идет по своему девятому десятку, не сдается и не собирается отбрасывать копыта, что напророчили ему бабки на своих посиделках. О том же самом я сказал и своей бабке Гульчатай, какая общается с подругами на этих самых посиделках. Бабки напророчили, что копыта я отброшу где-то в 2013-ом, а нынче 2018-ый заканчивает свой мировой поход, а я все живу, здравствую и даже пишу с еще большим удовольствием, чем прежде. А все это не иначе потому, что я люблю жизнь, а жизнь любит меня. У нас с нею прочный союз, и я не верю, что он будет разрушен даже в этом двадцатилетии.

Признаюсь, я хочу жить, хочу писать и хочу, чтобы издательский дом «Классик» не забывал меня, за что я ему буду в ответ только кланяться и жать руку всем, кто в нем работает. Жать руку Светлане Владимировне, Кириллу, Юле и вообще пожелаю «Классику» духа Белинского, и чтобы он был крепким, здоровым, счастливым и богатым, как некий мировой Рокфеллер.

Глава двадцать первая

И все-таки, друзья мои, эту свою исповедь я хочу закончить нечетной главой. Перебирая в памяти минувшие годы, вспомнил все ту же цыганку, какая нагадала, что мне в жизни будет везти на нечетные числа. Ну, думал, цыганка - она и в Африке цыганка, пусть мелет, что ей вздумается. Однако что-то для себя отложил и даже дал ей пятисотенную теньгушку. Насчет того, что у меня и моей Гульчатай наши дни рождения складывались из нечетных чисел, от этого никуда не уйти, все тут верно получалось, а вот насчет везения в эти нечетные числа как-то не задумывался, не анализировал свой жизненный путь. По мелочам сравнивал: где-то и впрямь везло и у меня, и у Гульчи, так что пенять на цыганку не следовало...

Приступая к этой главе, по сути, я не соображал, чего буду дожить в нее. Будь у меня герои, так нашел бы чего о них сказать, но у меня в этой книге героев хрен да маленько, просто нет живых людей, кроме меня и моей Гульчи. А о нас-то чего говорить? Были молодыми, встретились в Веселовском депо и через сорок дней после встречи поженились. Подружки Гульчи так почему-то шептались: так мало ходили и мало встречались, а это признак того, что они скоро разбегутся... Я того не слышал, а женка мне о том сама докладывала и на первый год нашей жизни, и на второй, и даже на пятый. Гульча и правда спрашивала меня, не брошу ли я ее, не уйду ли от нее, когда закончу свою КазГУшную шестилетнюю учебу. Как-никак, а по факультету я выпускался журналистом, а значит, и уйду после учебы куда-то в журналистику, скажем, в нашу районную газету «Новая степь», издававшуюся в районном центре Жана-Арка за сто пятьдесят верст от Веселовки.

Выпуск из КазГУ действительно состоялся в 1968-ом, и я с дипломом журналиста не подался куда-то в ту степь, а вернулся в свою Веселовку, в свое родное Веселовское депо. Трудился я в то время слесарем уже целых две пятилетки. Диплом журналиста не перевернул мне мою жизнь, не вознес меня на какие-то жизненные и трудовые высоты, а просто я по-прежнему слесарил еще одну пятилетку, и мой диплом нужен был мне и моему депо, как зайцу вытрезвитель. На деле был я классным слесарем с высоким разрядом, и, может, потому мне поручались самые ответственные

работы, каких было на тепловозе непочатый край. С ними я справлялся классно, начальство было довольно, меня благодарили и даже тискали на доску почета.

Насчет того, чтобы уйти в газету, я и близко не помышлял. Шли годы, со слесарной работы я ушел в снабжение, какому отдал двадцать пять лет. Со снабжения меня и выпроводили на «дембель». А уйти от Гульчи я никогда не пытался и не помышлял даже близко. У нас рос сын, какого мы учили, какой служил в армии, вернулся, женился, обзавелся детьми. И все это было в Веселовке, все это было у нас дома, отчего он всегда был веселым, приветливым и хлебосольным.

С развалом Союза сын с семьей умчал на Алтай, а мы с Гульчей трудились до самого «дембеля», на каком мы уже двадцать лет. А с Гульчатой так вместе мы уже целых шесть десятков, так что боязнь уйти от нее не оправдалась. Теперь же, когда нам обоим стукнуло по восьмерке, нас и вовсе не разлить никакой водой, даже самой священной.

Вот такая у меня нарисовалась вступительная часть в этой теперь уж точно заключительной главе, на которой я и впрямь ставлю жирную точку. Анализируя предыдущие записи, я понял, что о себе сказал все. Конечно, будь я Жан-Жак Руссо, так мог бы о себе сказать нечто большее, но я ведь простой мужлан, простой долбаный пенсионер, на какого накатила лермонтовско-есенинская волна. Вот не накатил она почему-то на Алексея Петровича, царство ему небесное, а вот навалилась она именно на меня, какой все семьдесят лет двух слов связать не мог, а тут, когда стукнула твердая семерка, вдруг наехали на меня эти самые лермонтовско-есенинские колеса. Вот наехали, мать их, от каких не могу увернуться даже теперь, когда иду по своему долбаному девятому десятку.

Колеса эти давили меня и давят, но умственно, придирчиво, жизненно. Голова, душа и сердце диктуют какие-то мысли, какие я хватал, хватаю и тискаю в своем дневнике, откуда они потом выползают на чистый лист, убегающий затем в издательский дом, где этим моим листам приделывают ноги. Я не стеснялся подписываться под своими сочинениями своим полным именем - Максим Веселовский. Что удивительно, издательский дом набирал мою фамилию на обложке крупно и довольно броско, что меня где-то даже смущало. Не такой уж я знатный писатель, чтобы выставлять меня на вид таким вот броским образом! Ладно, был бы истинный Лер-

монтов или Есенин, а то ведь всего лишь какой-то пенсионер, дедуган, какой уже как два года шагает по своей крутой девятой десятке. Что удивительно, в издательстве знают Максима Веселовского, а в других местах о нем даже понятия не имеют. Не имеют понятия даже на его родине, в его Веселовке, какая живет своей жизнью, а до других вроде меня, мелочи пузатой, ей и дела нет.

А у меня в Веселовке был мой веселовский народ. Я с ним жил, работал, общался, общаюсь и по сию пору вот уже шестьдесят лет. Если разобраться, откуда брались материал и сами герои моих книг, как не из того же веселовского народа? Так что смело могу сказать словами большого писателя Бориса Полевого: «Всю литературную жизнь я прожил среди своих героев».

А оно и правда. Шестьдесят лет я общаюсь с веселовским народом, слушаю, что они говорят и как говорят, и как даже они матерятся и обзывают друг друга. Удивлялся: простые мужики, простые трудяги, а заворачивали такие слова и предложения, какие так и просились на литературное поле. Одна тетка спрашивала у мужа:

- Где ты был?

- На базаре водку пил. Выпил рюмку, выпил две, закружилось в голове...

Подумал: ничего особенного, а ведь человек срифмовал две строки. То ли сам он это сделал, то ли это сделала сама жизнь до него, только пришлось записать и эти незабываемые слова. Делал я это и прежде, когда завел свой замысловатый дневник. Делаю это и теперь, только теперь я редко кручусь среди людей, какие большей частью рассекают воздух на своих «Тойотах» да «Жигулях», так что, по сути, в Веселовке и поговорить не с кем. Народ стал слишком деловой, слишком занятой, у какого забота, как я определяю, только о себе.

В магазинах я вижу только женщин да редких стариков, какие присматриваются к прилавкам и ничего не покупают. Конечно, ничего не покупаю и я, потому как все это делает моя Гульчатая. Какие-то куриные котлеты она покупает десятками, потчует меня ими в обед, а то и на ужин подсовывает, а я лишь облизываюсь и от души благодарю свою кормилицу. Куриные котлеты идут за милую душу, не то, что такие же из говядины или свинины. Куриные идут как по маслу, а те как-то тормозятся. Понял: Гуль-

ча моя знает цену тем и другим, потому отдаю ей должное как исправной хозяйке.

Только недавно стал замечать за моей Гульчатой такие поварские и хозяйские таланты. До нынешних дней и нынешних последних лет не замечал у своей супруги такого поварского таланта. Подумал: наверное, это от безделья. А я, однако, трудился, закончил свою исповедь и даже самолично отвез ее в издательство, где ее приняли и по сей день работают над нею. От безделья не знал, куда себя деть, куда притулить, чем занять. На прогулках в ту степь книжные мысли все равно меня донимали. Дома доставал свой дневник и записывал, что мне диктовали степь и моя старческая голова с такой же старческой душой. Как бы там ни было, а родилась двадцатая глава моей исповеди, на которой я по-настоящему решил поставить точку.

Давно обещал я вам, друзья мои, сделать это и сделал, даже написал заветное слово «КОНЕЦ», но новая прогулка в ту степь родила и новые мысли по этой книге, какими я и решил закончить эту книгу. Глава будет, как я и мечтал, нечетной, на которой я закончу не только эту книгу, но и всю свою писательскую деятельность. Об этом много говорено и переговорено, писано и переписано, только не уверен, что слово мое замолчит навсегда. Мне и правда хотелось бы навсегда расстаться с пером, но есть вещи, какие от меня просто не зависят.

Я не обещаю «Классику», что в 2019-ом и в 2020-ом буду нем, как рыба. Если «Классик» прикажет мне замолчать, то наверняка замолчу. Если я даже и рожу какое-нибудь уродливое книжное дитя, но без «Классика» я никогда не выйду в свет, отчего за все мои книги я кланяюсь «Классику» и всем его сотрудникам, без каких белый свет и сама Веселовка не знали бы, что существует на сарыаркинской земле в Веселовском краю и в самой Веселовке писатель Максим Веселовский, который идет по своему девятому десятку и никак не собирается складывать свои творческие крылья. В такие годы, по сути, надо бы отступить от слова и жить так, как живут все пенсионеры страны. Только пенсионер Веселовский остается деятельным и неутомимым. Насколько его хватит, он лично понятия не имеет, но сдавать позиции, как он выразился сам себе, не собирается.

На сегодня меня, Максима Веселовского, волнует пока эта двадцать первая глава. Не хотелось бы повторять то, что было сказано в предыду-

щей главе, только у меня не осталось в памяти того, чего я наговорил в ней. Черновых набросков у меня не сохранилось, потому как я лепил сразу на машинку многое из того, что лилось из меня на белый свет. Подумал: может, двадцатую главу забракуют, так им придет на помощь двадцать первая, какая, как мне кажется, тоже просится на помойку. В «Классике», как я знаю, классные Белинские, какие разберутся с моей писаниной и закончат мою исповедь на девятнадцатой главе, в которой я тоже ставил последнюю точку и писал слово «КОНЕЦ». Но как удержаться от того, чтобы не записать то, что диктует душа и сердце?

Умом моим и сердцем неизменно владеют люди, события прошлых и нынешних лет в моей стране, в моем городе, в моей Веселовке. Как отказаться от этих событий, как не зафиксировать их устно и письменно? Не знаю, надо быть не иначе как бессердечным, безумным и безразличным к себе и к своему времени. Наверняка такие люди на земле есть, есть в моей стране и в моей Веселовке. Бездушных, безразличных и равнодушных людей жизнь видела и видит, создавала и создает, отчего, наверное, и не все ладится в нашей жизни.

Я все это записываю в свой дневник и не знаю, пригодится ли оно мне сегодня-завтра. Если не отброшу копыта, то непременно пригодится, а уж если и правда кину кони, то, может, кто-то из потомков разберется во всех моих записях. Не знаю, исследователи и сегодня еще ищут потерянные записи Пушкина, но так и не могут найти, так как у Пушкина было четверо детей, и кто знает, кому из потомков они достались...

Насчет своих потомков я, конечно, переборщил. Ну кому я нужен буду в будущем, когда никому не нужен в настоящем? Правильно, Абай нужен, Мухтар Ауэзов нужен, Олжас Сулейменов и подавно нужен, как нужны Шолохов, Фадеев, Твардовский да Исаковский, поскольку они жили в нашем прошлом веке, а кто-то живет и в нынешнем. Я тоже жил в прошлом времени, живу и в сегодняшнем дне, какой богат своей культурой, своей литературой, своим ученым миром, своими писателями и поэтами, какие оставят потомкам память о себе, о своем народе и о нынешнем веке.

Мне как простому дедугану хотелось бы оставить о себе какие-то строки и даже мало-мальские сведения. Недаром же древнегреческий писатель Пифагор так сказал: «Статую красит вид, а человека - деяния его». У меня разве нет моих деяний? А пятнадцать книг, какие вышли в свет, и две, ка-

кие в наборе и печатаются в типографии? Господи, так это получается целых семнадцать! Разве нельзя за это мою жизнь назвать деянием? Тут и Шекспир подсказывает: «Где мысль сильна, там дело полно силы».

Не знаю, как меня поймут мои издатели и мои друзья, каким я подарил свои книги, только я всегда старался, чтобы, по Чернышевскому, «дела мои и мысли людей стали предметом моего внимания. Слова мне интересны лишь как материал для понимания мыслей... Но когда о мыслях людей достаточно свидетельствуют их дела, я предпочитаю этот вполне надежный материал для улучшения мыслей людей. Нелепо приниматься за дело, когда нет сил на него».

Уж не знаю, какие были у меня силы, только сработал я аж целых семнадцать книг. Об этом говорю вслух лично я, Максим Веселовский, но не слышу ни слова от моих издателей и моих читателей. А мне-то, черт возьми, идет девятый десяток, так что тоже иногда хочется, чтобы меня погладили по головке. Не надо громких слов, не надо распевающих дифирамбов, а надо просто и скромно сказать, что в нашей среде, среди нас живет простой бывший слесарь и бывший простой снабженец Максим Веселовский, какой живет на девятом десятке, но крылья не складывает, а пытается летать в литературно-писательском поднебесье. Семнадцать его книг говорят о том открыто и вещественно. Это я так о себе говорю, а других слов не слышал и не читал письменно. Увижу ли я их или услышу в будущем, не знаю, только хотелось бы узреть их, пока я топаю по Веселовке, хожу в ту степь и что-то соображаю.

Начатый разговор о делах человеческих, какие есть и у меня, хотелось бы завершить словами великого Конфуция, который прямо и недвусмысленно сказал: «Всякая вещь имеет свое начало и конец. Так и дела человека: нет ни одного дела, какое не имело бы ни начала, ни конца. Кто верно понимает, где начало и где конец, тот стоит близко к истине».

Если говорить об этой книге, то уж точно она имеет начало и должна иметь непреременный конец. Начало я переделывать не стал, а вот над концом крепко ломал голову. Лезли в нее самые разные мысли, какие я схватывал, чтобы завязаться с ними в одной из глав. Это, по-моему, у меня не получилось ни в девятнадцатой главе, ни в двадцатой. Не знаю, как примет «Классик» эту последнюю главу, только духу на другую у меня точно не хватит, почему я и ставлю на этой главе жирную точку.

Все, что надо, я уже сказал. Было у меня намерение написать эту исповедь - я ее сделал и совершил своеобразный подвиг. Думаю, что во мне и правда, по утверждению Гете: «Как в каждом художнике был заложен росток дерзновения, без которого не мыслим ни один талант». Не знаю, какие мысли обо мне у посторонних лиц, только я почему-то верю, что во мне есть писательский и поэтический талант. Раньше я тому не придавал значения, а теперь вот, когда у меня нарисовались аж семнадцать книг, свой литературный и писательский талант я отрицать не стану, и что я даже могу спать нечто похлеще самого Есенина, какой заметил:

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки полелиц,
А на лавке за солонкою -
Шелуха сырых яиц...

Прочел и подумал: ничего такого оригинального. Нечто подобное встречал и я у себя дома:

Было то ж в моей Хатыни,
В годы той еще войны,
Когда жилось не для гордыни,
А для себя и всей страны.

Хлеба просто не хватало,
Повсюду только шелуха,
Всего народу не хватало,
Вчера мы съели петуха.

А он ведь как-то кукарекал,
Как-то по утрам будил,
Но, бедняга, не скумекал,
Что голод выше всяких сил.

Я хорошо помню эти голодные дни, когда шла война, а мне было только пять, шесть да семь лет. В эти годы так тянет на блины да на жареную

картошку, а то и просто на кусок обычного хлеба, какого в доме часто и густо просто не было. В доме не было муки, но была обыкновенная пшеница, которую матушка жарила и давала всем своим троим детям. Уж не знаю, какой вкус этой самой жареной пшеницы сейчас, только тогда мы с сестренкой ею объедались и благодарили нашу матушку, готовые даже на подвиги, поскольку были сыты. Не ведаю, откуда матушка узрела метод жареной пшеницы от голода, только такая пшеница нас спасала не раз.

Об этом я нигде не говорил, но пусть знает мир и та же голодная Африка, что жареная пшеница утоляет голод и просто идет вместо хлеба. Утоляя голод и псален. Не сказать, что желудок пел от радости, но то, что он наполнялся какой-то едой и даже какой-то сладостью, нам, пацанам, было известно давно...

Старикам наверняка присущ метод памяти и воспоминаний. Это, видать, их природа. То, что видел и помнил, я в книге, кажется, затронул, ну а что упустил, тому виной моя память и мои годы. Однако как бы там ни было, а старость свою я обвинять не стану, как не обвинял ее и Лермонтов:

Смотрите, как летит, отвагою пылая...

Порой обманчива бывает седина:

Так мхом покрытая бутылка вековая

Хранит струю кипучего вина.

На мой взгляд, поэт, глядя на седых стариков, среди них увидел и меня, у какого седина и впрямь обманчива. За двенадцать творческих лет старик этот родил целых семнадцать книг поэтического и прозаического плана, над какими работал с круглой своей семерки по сегодняшний день, когда ему идет уже восемьдесят второй. Признаться, я все время спешил что-то сказать, что-то выразить, чем-то поделиться. Как мне это удалось - не ведаю, большая пресса о том молчит. А вот знакомый нам Жан-Жак Руссо в своей «Исповеди» так сказал по этому поводу: «Не будем перемещать возрасты, как времена года: нужно быть самим собой во все времена и не бороться против природы, ибо тщетные усилия растрачивают жизнь и мешают нам ею пользоваться».

По поводу возраста хочу привести слова знаменитого Цицерона, который прямо и недвусмысленно сказал: «Жизнь идет по определенному

пути, у природы один путь простой: каждому возрасту дано свое время, следовательно, слабость детей, пылкость юношей, серьезность возмужалости, пора старости имеют естественный закон, так что все это должно быть пережито в свое время».

Все это в свое время пережил и я, Максим Веселовский. Конечно же, была и у меня слабость детей. Когда началась война, мне шел уже пятый годик. Отца как тракториста нашего аульного тракторного парка вместе с его аульной тракторной бригадой посадили в какую-то бронь и на фронт не взяли, указав, что отправят на эту войну попозже, когда закончится хлебоуборочная кампания. Дома отец любил сажать меня на колени за обеденным столом, а сестренка и старший братишка крутились возле своей мамы и кушали то, что она им подавала. Отец хлебоуборочную кампанию провел, вспахал зябь, отремонтировал трактор на будущее, и в зиму уже 42-го всю тракторную братву посадили в машину и увезли в областную Акмолу, а оттуда их куда-то разослали по каким-то частям, полкам да ротам.

Пылким юношей, наверное, был и я. В десять лет, через два года после Победы, в наш аул наведались мамини братья Илья и Василий и увезли всю нашу семью на свою железнодорожную станцию Жалтырь, где я потом рос, учился и с началом целины как доблестный комсомолец сбежал из десятого класса в недавно организованный совхоз, где после курсов тракториста поднимал на своем тракторе ДТ-54 эту самую целину. Два года отдал я целине и в свои уже двадцать годков понял: целина, трактор, хлеб - не моя судьба, и потому ушел с нее.

Был уже 1957 год, и я по объявлению в областной газете «Акмолинская правда» поступил в Акмолинское железнодорожное училище. Через два года выпустился из него слесарем по ремонту тепловоза, какие только что начали поступать на смену паровозам. Вместе с училищной братвой из двенадцати гавриков нас увез в свое локомотивное депо, что базировалось на станции Веселовка, «сват» из отдела кадров этого самого депо. Так вот и началась моя слесарная деповская жизнь, какой я отдал три коммунистических пятилетки.

Конечно, как всякий молодой человек, прошел серьезность возмужания и я. Деповское начальство, как было принято в то время, заставило меня и другой необразованный народ учиться в школе рабочей молодежи

(ШРМ), в какой я и получил в 1960-ом заветный аттестат зрелости. В том самом году я женился, и в 1961-ом у нас родился сын.

Серьезность возмужания делала свое дело. Сделала она и то, что в 1962-ом я поступил в КазГУ на журналистский факультет и добил его ровно через шесть лет. Подаваться в журналистику не стал, так же работал слесарем. Чтобы податься в журналистику, надо было непременно уезжать в районный центр за сто пятьдесят верст, чего я не хотел и никогда не планировал. Со своей женой мы работали в депо - она начальником группы учета, а я все тем же слесарем, а уж через годы со своим дипломом я возглавил отдел снабжения депо, на каком пробыл все двадцать пять лет. Серьезность возмужания закончилась, и, по тому же Цицерону, началась для меня пора старения, пора старости.

Как бы там ни было, а в Веселовке я уже шестьдесят лет. Столько же исполняется и нашей совместной жизни с моей Надеждой, любимой моей женой. Не знаю, как у других, а у нас жизнь прошла вроде нормально. Мы не спорили, не расходились, ничего не делили, вырастили сына, какой отдал депо тоже круглую десятку своих лет. Мы с его матерью так по сороковнику отбухали, а наш сын - только червонец. Может, и он дотянул бы в Веселовское депо до «дембеля», но с развалом Союза у молодых появились свои планы, и они подались все в ту же Россию на поиски счастья и чинов. Сын с какой-то деповской братией обосновался на Алтае, где проживает и по сей день, вышел на «дембель» и считает, что поступил правильно, оставив Веселовское депо и саму провинциальную Веселовку. У сына дочь и сын, у дочери свои уже две дочери десяти и пяти лет, а сын пока холостякует, водит поезда и о семейной жизни пока не заботится. Вот заработаю на квартиру, говорит он, а там можно и подаваться в семейную петлю. Мотивация у нашего внука самая трезвая, поскольку он не будет с женой стеснять отца и мать, хотя их трехкомнатная квартира для них двоих большая роскошь...

Вот такова наша с Надеждой жизнь на нашем двадцатилетием «дембеле». У женки моей никаких проблем, кроме как пошлундрать по магазинам, она их почему-то любит. Может, оттого, что там есть на что посмотреть, порвать глаза, а больше, может, потому, что в магазинах встречаются такие же бабки, с которыми проведено детство, школа, юность, да и вся Веселовская жизнь. Вспомнить есть чего, потому как жизнь и в восемьдесят лет продолжается.

У меня же, понятно, свои заботы. У меня - мой журнальный столик, мои бумаги и мои мысли. С ними я уже второй десяток лет и не ведаю, когда они меня оставят. Может, на этой книге, на этой моей исповеди они покинут меня, и я буду принимать то, что будет преподносить мне жизнь.

Как бы там ни было, друзья мои, а сегодня, в день праздника двадцатилетия Астаны, жизнь подослала мне на место рядом со мной такого же дедугана, какой сидел на лавке со мной и слушал праздничный концерт, какой давала художественная самодеятельность Веселовского клуба. На концерте были танцы и песни всех народов мира, чтецов стихов на русском и казахском языках. Песни пелись на английском, немецком, украинском, русском, казахском и узбекском языках, по поводу каких сосед спросил у меня:

- Ну зачем эти песни на английском да немецком? Ведь мы все равно ничего в этих языках не понимаем. Ладно прочие, мы их знаем, понимаем, о чем они, а эти западные...

Не ожидал я от своего соседа по лавке такого возмущения и вынужден был сказать ему то, что пришло мне в голову в тот час:

- У музыки, думаю, нет национальности. У нее есть звук, настрой, своя красота, свое звучание, своя тональность и свое проникновение в душу человека. Чайковский да Рахманинов и сегодня звучат на всех мировых сценах, и люди понимают их музыку, хотя она была создана в давние времена в России русскими композиторами...

Ничего не ответил мне мой сосед, а просто поднялся и ушел. А я продолжал наслаждаться песнями самодеятельных артистов, на каком бы языке они ни звучали. Удивлялся лишь одному - таланту исполнителей, какие могли дать фору и самым заслуженным. Казах Мейрам Каракисеков пел на английском, а казашка Батима Тутешева - на немецком. Этих языков исполнители уж точно не знали, но песни выучили, да с таким безукоризненным произношением, что они и правда просто вливались в душу.

Был этот концерт в нашей Веселовке 6 июля, а уж 7-го я настраиваю себя на мировой чемпионат по футболу с командами России и Хорватии. Чем он закончится - Бог весть, только не думаю, что хорваты будут прохладиться и бояться великой России, какая уже имела безответное поражение от уругвайцев с позорным счетом 3:0. Хорваты идут по чем-

пионату без поражений, а сами после аж два из них (да какие!) великим футболистам планеты аргентинцам всунули 3:0 и нигерийцам 2:0. Что они преподнесут России, покажет предстоящий в субботу матч, а пока я только вспоминаю старые игры текущего чемпионата и не сказал бы, что Россия блистала. Что ж, давайте, друзья мои, подождем вечера, какой и покажет, кто чего стоит...

Матч начался в двенадцать ночи. Хорваты были в черных футболках, россияне - в красных, видимо, сохраняя верность цвету старого советского флага. По телевизионному экрану хорваты больше паслись и висели на российских воротах, однако матч закончился со счетом 2:2. Два дополнительных тайма по пятнадцать минут тоже не выявили победителя.

Пять пенальти от каждой команды как раз и сделали свое дело. Наш одиннадцатиметровщик (наш - в смысле российский) с одиннадцати метров не смог попасть мячом в ворота хорватов, мяч прокатился в каких-то двух десятках сантиметров от штанги. Футбольный мир такого позора еще не встречал, что и принесло свои плоды: хорваты и сегодня празднуют победу, а россияне пакуют чемоданы и разъезжаются по домам и квартирам. Россияне никогда не были чемпионами мира по футболу и, видать, никогда не будут. Я бы их сравнил с любительской каркаралинской или темиртауской командой и выпускал их на игру с ними, а не с мировыми брендами.

По поводу же вчерашнего концерта в Веселовке и моего соседа по лавке, какому не нравились песни на английском и немецком, так я ему даже приводил «Лебединое озеро» Чайковского, какому как бы не две сотни лет, но его танцуют на всех мировых сценах. Значит, танцоры и зрители всех стран понимают музыку русского композитора, так что музыка и впрямь не имеет национальности...

Завершить же свою исповедь, друзья мои, я хочу лишь тем, чтобы не расставаться с вами, моими читателями, и с издательским домом «Классик», какой показал меня нашему белому свету.

Глава двадцать вторая

Как бы там ни было, друзья мои, а в 2018-ом в мои восемьдесят два у меня, по моему мнению, происходит сдвиг по фазе. Ну уж вы-то точно понимаете, о чем идет речь... В последних трех главах моей исповеди я клялся и божился закончить книгу главой девятнадцатой, потом двадцатой и, наконец, последней двадцать первой, в какой по-серьезному написал слово «КОНЕЦ». И даже обещал вообще завязать с писаниной.

Но прошло всего лишь несколько недель, как за девятнадцатой главой поползла глава двадцатая, а за нею и двадцать первая, на какой я уж точно поставил жирную точку. Проходили еще недели, а голова отчего-то работала и диктовала мне к этой книге новые вехи, какие я записал и озаглавил двадцать второй главой, в какой на полном серьезе, а не на стариковском завихрении говорю: глава эта последняя. Для этой книги она и впрямь последняя. Насчет же того, что я завяжу с писаниной вообще - не верьте, не смогу я этого сделать, пока меня ноги Юсят, пока я встречаюсь с людьми и слышу, о чем они говорят, о чем мечтают и спорят. Таков, наверное, у меня характер и таков, наверное, во мне лермонтовский и есенинский дух...

После этой моей исповеди у меня и близко нет наметок на новую книгу. У Достоевского так за одной книгой тут же шла другая, за нею вторая-третья, шестая-седьмая, но то ведь был Достоевский, а я всего лишь Максим Веселовский из провинциальной Веселовки, в какой проживаю уже целых шестьдесят лет. О том я уже говорил, что читателю наверняка надоело.

Насчет же сдвига по фазе... Отчего-то вдруг вспомнился тот же июль, по 1918 года, когда в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля болылевики-

Слепцов

ми была уничтожена вся семья царя Николая II вместе с женой, четырьмя дочерьми от шестнадцати до двадцати двух лет и сыном Алексеем, какому исполнилось только тринадцать годков. Вместе с ними были расстреляны личный доктор царя Боткин и трое слуг - три женщины. Не знаю, где у большевиков был дух большевизма, но все одиннадцать человек были по-фашистски уничтожены без суда и следствия. Конечно, в 1918-ом фашизм еще не родился, но действия большевиков по отношению к царской семье роднились с фашистскими действиями 1941 года.

Не ведаю, из каких соображений действовали большевики - комиссары екатеринбургской большевистской ячейки Юровский, Ваганов, Голощекин, Ермаков и семь солдат с ними, какие и уничтожали царскую семью расстрелом из пистолетов. Анастасию Николаевну, дочь царя, пуля только ранила, и она металась и корчилась от боли, а солдат добивал ее уже штыковым ударом. Самого царя так застрелил комиссар Юровский, какой перед расстрелом сказал: «Ваши хотели вас спасти, но это им не удастся, и мы вынуждены вас казнить». Тут же поднял пистолет и в упор выстрелил в царя, который тут же упал замертво. Это был сигнал к расправе над остальными членами царской семьи. Юровский застрелил и цесаревича, какой оказался ранен и болезненно страдал, издавал какие-то звуки, какие Юровский прекратил вторичным выстрелом из пистолета...

Историю расстрела и угробления царской семьи во всех подробностях рассказал в своей книге «Император Николай II и его семья» француз Пьер Жильяр, живший в семье царя и исполнявший роль учителя французского языка для царских детей, что было принято в то далекое старое время. Жильяр воспользовался показаниями живых свидетелей и непосредственных участников расстрела царя и его семьи, таких как Медведев, Анатолий Якимов и Филипп Проскуряков, какие при падении Екатеринбург попали в плен к меньшевикам. Когда с семьей царя было покончено, все одиннадцать трупов той же ночью 17 июля 1918 года были погружены в автомобиль и увезены на какую-то лесную поляну, где их расчленили, бросили куски человеческих тел в серную кислоту, а затем сожгли на кострах. Кости же затем сбросили в какую-то нишу, напоминавшую шахту.

При пленении царя и царской семьи Пьера Жильяра большевики просто-напросто отпустили на все четыре стороны, потому как убивать француза, притом простого учителя, они не хотели, поскольку этот человек был

«Дед мой рвет «Подгорную».

«У деда и в молодости крутились мысли...»

«Веселись, душа, когда жизнь хороша!»

«Дедуля с бабулей, когда я под
стол пешком ходила».

«Это мои деда, двоюродная сестра Наташа, моя бабуля и моя
двоюродная сестра Катя. Какая я богатая! Я - у бабули».

для большевиков безвреден и неопасен. Об этом я писал более подробно в своей книге «Пестрые письма», но хотелось бы о том же самом напомнить и в этой книге, что, думается, не будет лишним. Кто не читал «Пестрые письма», хоть что-то будет знать о смерти царской семьи из этих строк...

В 2018-ом исполнился у меня и своеобразный пятидесятилетний юбилей - в июле 1968-го я окончил в нашей тогдашней южной столице КазГУ. Шесть лет что-то да дали мне, чему-то научили. Журналистом я не стал, хотя и окончил факультет журналистики. Сорок лет отдал я железной пороге, какая сделала из меня человека и выпроводила меня на «дембель», на каком я уже целых два десятка лет.

Порядочные пенсионеры так живут порядочной жизнью - играют во дворе в шахматы, в домино, в «подкидного», а то и вовсе раскатывают с женками по магазинам, а в субботние дни так по баням. За книгой я не встречал ни одного пенсионера. Спрашивал у одного такого же, как я, дедугана: чего он прочел интересного за последние годы? Отвечает: смеешься, что ли? Кто в наши годы читает? Мол, областную газету просматриваю, а ударяться, «включившись в социалистическое соревнование» - извините, не тех мы нынче кровей! Разные Гете, Золя да Шекспиры читаны еще в молодости по приказу учителей, а нынче надо от всех книг отдыхать...

Я подумал: а ведь и правда! Разве я могу удивить читателя своей исповедью? Понятно, что речь в исповеди обо мне, то есть пишу я сам о себе, только кому это сегодня нужно? При жизни Жан-Жака Руссо, триста лет назад - другое дело, а в наши дни всей нашей жизнью и всеми нашими дедами ведает знаменитый Интернет, к какому читающий мир и обращается, а на книги просто поднимает ногу.

Таков настал век, и никуда от этого не денешься. О том я уже говорил, повторяться не стоит. О том же самом говорит мне и моя женка Гульчатая Калкеновна:

- Вот прочла я, Сагентай Умурзак-оглы, твои последние главы и сделала вывод, что твоя исповедь могла бы обойтись и без них. Ведь ничего нового ты в них не сказал. То, что у нас с тобой чужие имена, это видно по книге, чему читатель может только удивиться. Ты даже пояснил, почему мы это делаем. Мы это делаем от сглаза бабок, какие могут сглазить папе благополучие, накликать беду на нашу жизнь, обеднить нас, а сами каким-то образом разбогатеть за наш счет или за счет других. Не знаю, как

другие, а нас спасают от сглаза наши вторые имена, а то и третьи-четвертые, какими мы себя величаем. Уже сколько лет мы с тобою на «дембеле» и сколько лет бабки кучкуются у нас во дворе на своих посиделках и с нами, слава Богу, все в порядке. Я тоже, бывает, тусуюсь с этими бабками на посиделках и слышу, о чем он базлают. Вот у Марфы Тимофеевой сын заправляет какой-то торговой точкой, на машине воздух Веселовки рассекает, товаром Веселовку забрасывает, а о себе не думает, потому как холостой, потому как он у Марфы шестой. Прежние пятеро замужем и женаты, а последний молодой, красавец и боевой, но в свои уже двадцать пять не может найти себе какую-нибудь Веселовскую телку. А их вон сколько шляется по Веселовке, на ходу подметки рвут, днями-ночами шлундрают по поселку в поисках себе пары. А этот двадцатипятилетний на танцы не ходит, девичьи хороводы обходит. Моя двадцатилетняя Верка хорошо бы пошла ему в пару, так он ведь на женщин не глядит, занятый только своим магазином и своей торговлей. Такие люди, как сын Марфы, не в почете у веселовцев!

- А зачем ему этот почет? Перед кем ему выслуживаться? Он знает свою матушку Марфу, в доме у него все есть. К тому же он свою мамку по курортам разным возит да по разным Турциям и Таиландам, не жалеет на мать никаких денег. Вот это и есть настоящий сын!

- А чего жалеть, коль он один у нее остался, остальные просто разбежались по белу свету? Вот он один и досмотрит мать до гробовой доски, какая одна-единственная растила и воспитывала такую ораву. Всех выкормила, выпоила, выучила, вывела в люди, поженила и повыдавала замуж. Марфа в свои нынешние семьдесят и ухом не ведет о своем покое, разъезжает по Турциям да Таиландам, а за домом следит сиделка - преданная Марфе старушка Агриппина...

Насчет же юморных имен, что я давал нашим известным артистам, Гульчатай моя отказывается принимать участие. Всех артистов я люблю, говорит она, и не хочу давать им другие имена. А я так почему-то делаю это с удовольствием, отчего у меня появились Киркор Филиппов, Распутка Машина, Баск Николаев, Шалып Прохоров, Газман Олегов, Алена Папина, Надежда Дедкина, Пьех Стасов. Им-то бари-бери, они ничего такого о себе не знают и не узнают, а я почему-то получаю старческое удовольствие. Вот получаю его, хоть убей, даже таким непозволительным образом...

Насчет же своего мозга так я страшно им недоволен. В который раз

«Ах, как хотелось бы остаться до конца такой...»

Моя внучка Марина и ее дочери Настя (большая) и Карина, которая пол стол пешком ходит.

Мой сын Валерий с внучками Настей и Мариной.

Это я собственной персоной, когда не с пером, а с баяном.

Моя Надежда-Гульчатай-Рабига и Кадиша и наш сын, когда он ходил под стол пешком. А это я, когда мне и тридцати не стукнуло.

спрашиваю себя: почему твой мозг не работал над писаниной в молодые годы, а начал работать только на «дембеле»? Мозг молчит, и я сам ничего путевого сказать не могу. За все здравые мои годы не написал ни единой художественной книжной строки, а за «дембельские» двенадцать лет так состряпал целых пятнадцать книг, каким «Классик» дал дорогу. Конечно, без «Классика» я был бы просто пришей-пристебай, а с ним у меня есть движение. Есть движение мысли, ума, старой памяти. Вместе они хорошо работают и вот выдали на свет целых пятнадцать книг Максима Веселовского, какого белый свет не знает и не видел в глаза.

Если подумать, пятнадцать книг - это, в общем-то, совсем немало. Как мне думается, столько не написали ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Тургенев с Гончаровым, ни Шолохов с Фадеевым. Может, только Шекспир где-то отличился да Достоевский, но когда это было... И все же тут целых пятнадцать! И кто их выдает? Да самая простая пешка, шишка на ровном месте, какой-то долбаный пенсионер. Веселовка за свои восемьдесят пять лет не видала ничего подобного, не рождала ни малых, ни больших писателей-поэтов, а тут с 2013 года нарисовался какой-то неугомонный дед со своими пятнадцатью книгами, какие я беру, глажу, листаю, даже прикладываю к губам. Вряд ли такое делал Достоевский, поскольку его читала вся Россия и даже весь крещеный мир, а меня читает моя Гульчатай, я сам, моя родня и два-три пенсионера, каким я подарил свои книги. Двое из них уже ушли из жизни, так что читать меня просто некому. Обо мне знают только «Классик» да типография, какая меня стряпает, и то вряд ли знают все, кроме тех, кому поручено читать черновики и их редактировать.

На двадцати экземплярах каждой книги слишком не разгонишься, но что делать - чем богат, тому и рад. А двадцати экземпляров каждой книги вполне хватает для моих друзей, родне и Веселовской библиотеке, которую я никогда не обхожу. Книги же мои, как говорит библиотекарь Галия, не прочел еще ни один веселовец, не взял даже в руки и не полистал. Других писателей берут, читают, интересуются, а своего кровного веселовца просто обходят стороной. Почему - неизвестно, чего не знает и Галия.

Не сказал бы, что я тупой, как сибирский валенок. Что-то я пишу, что-то соображаю. Две недели назад отослал в областную газету аж девять материалов разного характера. Посмотрел на них, прочел - вроде есть в них

живая жизнь и живая мысль. Одни названия так говорили сами за себя: «Веселовские рассветы», «О жизни глазом и пером», «Жизнь, будь добра», «Завтра газета выходит», «Подписка и подписчики», «Давайте подумаем», «На веселовской параллели», «Была война», «Дух большевиков и большевизма». Полмесяца минуло, а статей моих нет...

Подумал: наверное, я мелко плаваю. Надо хватать другие темы, более действенные, близкие нашему областному окружению. Это ремонт дорог, отсутствие в домах воды, трудности сельчан с приобретением отопительного угля, потому как его перехватывают перекупщики и потом перепродают вдвое дороже. И люди идут на это, люди покупают, разоряются, потому как уже надвигаются осень и зима, а они не спросят, почему в твоём доме нет угля, и твой дом замерзает.

Когда наступает отопительный сезон, угля вообще не докупишься. Власть вроде делают все, чтобы дать людям этот уголь, но его покупают тоннами, вагонами и увозят от поставщиков в неизвестные края. На лбу у перекупщика ведь не написано, что он перекупщик, того не знают ни власти, ни полиция. Вот и получается: хочешь жить - умей вертеться. Перекупщики и вертятся. Центральный склад уголь продает, а кому - как узнаешь? Перекупщик такой же простой покупатель, загружает в свой транспорт под завязку по двадцать-тридцать тонн: мол, на полдеревни хватит!

Так было, так все остается и по сей день. Веселовский народ мается и хватается то, что привозят перекупщики, у каких машины с бочками на заднем борту, в какие вмещается по двести килограммов. Коль покупатель берет три тонны, шофер наложит и перевернет ему у его сарая пятнадцать бочек, за какие покупатель выложит шестьдесят тысяч тенге. А чего не продавать? Шофер покупал по одиннадцать тысяч тенге за тонну, а продал по двадцать тысяч...

Насчет же моих чертовых книг и других авторов, издающихся в издательстве «Классик»... Почему бы издательству не умудриться и не напечатать, скажем, не двадцать экземпляров какой-то из моих книг, а целых сто? Пусть, как положено и как я заказываю, мне вернут мои двадцать, а остальные постараются каким-то образом отдать в торговую сеть по цене 700-1000 тенге за книгу. Мне от издательства не нужно ни копейки, а вот чтобы вырученные за книги средства пошли на жизнь и существование из-

Мой брат Анатолий и наша сестренка Лида.

Мой кровный брат Иван на армейской службе 1951-55 гг., царство ему небесное.

«Это мой папа, когда меня и в проекте не было, моя бабуля и мой дедуля».

Я, моя сноха рядом и вся моя родня.

Я и ансамбль «Магистраль» в Караганде -
Сортировочной, он жив и сегодня.

дательства. «Классик» же не делает этого, потому как это не его функция, не его профиль. Не знаю, как это делает «Жазуши» и другие издательства, только знаю, что «Жазуши» издает некоторых авторов в десять и более тысяч экземпляров. Как оно договаривается с торговой сетью, я не представляю, но книги авторов в издательстве не залеживаются, как не залеживаются они и на прилавках магазинов.

Насчет же моего журналистского факультета пятьдесят лет назад... Нас, гавриков, было двадцать пять, все выпустились журналистами и разъехались по домам. Дома, как я знал, все они работали в редакциях газет и на радио, и только я один-единственный из Веселовки был простым тепловозным слесарем. Слесарил я с дипломом журналиста три хрущевско-брежневские пятилетки. Что стало с моими сокурсниками - Бог весть, только я прознал, что из моих сокурсников двое карагандинских журналистов, Владимир Миносян и Дима Зинчук, ушли из жизни в 2011-ом. О прочих товарищах я понятия не имею. Из всей нашей группы в Веселовке я вижу только себя, а о прочих ничего не знаю, где бы они ни жили.

Наверное, это-таки долбаная привычка у нашего русского мужика - не связываться друг с другом и ничего не знать друг о друге. С Миносяном и Зинчуком я все-таки общался, потому как жил всего лишь в трех часах езды от Караганды, какую навещал часто и густо. При встрече мы вспоминали наши студенческие годы на заочке, вспоминали наших друзей и преподавателей и гадали, кто из них жив, а кто нет. Эта мысль остается у меня и по сегодняшний день, хотя я иду по своему девятому десятку.

Преподаватели наши были старше нас, потому как поступил я в КазГУ в двадцать пять лет, а вышел из него в тридцать один. Может, кто-то из преподавателей и был моим ровесником, но я таких молодых как-то не припоминаю, потому как минуло целых полета лет.

Из нашего выпуска был у нас некто Боргер, какой после КазГУ сразу же подался в Германию. Об остальных выпускниках я понятия не имею, но прежде знал, что все они работали журналистами в различных редакциях нашего большого Казахстана, работали, но не имели диплома журналиста. КазГУ это дело для них исправил. В хрущевскую пору это, может, и приветствовалось: умеешь писать - в газету! А диплом - это всего лишь приложение к настоящему таланту. Балда балдой среди них был только я

один, один-единственный чернопупый трудяга, какой служил железной дороге, а не журналистике.

Вспоминая те годы, удивляюсь, как это я вместе с боевым журналистским народом дотелепал до выпускных экзаменов и до самого диплома. Люди те были журналистами, а я двух слов литературно связать не мог. А смотри-ка, пробился, протиснулся в журналистику с оценками без единого «отлично», но с пометкой «удовлетворительно»!

Конечно, не был я ударным студентом, но к каждой сессии готовился ударно, добросовестно и терпеливо. Спасало меня тог, что на сессии не было математики, в какой я был ужасно тупой. Ну, а со словом я дружил как бы не с восьмого класса, когда изучали Лермонтова. Позже были другие поэты и писатели, и я им тоже поклонялся. Уж кому-кому, а Есенину так я готов был даже поставить памятник на своем огороде, поскольку любил его и знал на память несколько его виршей.

Налегая на эту главу, я не забывал тискать и стихотворные завихрения, какие донимали меня и дни, и ночи. Не знаю, верх брал дух лермонтовский или есенинский, но, по моим прикидкам, Есенин был-таки у меня на первом приколе. Вроде ничего особенного он не сказал, а вот возьми ж ты, зацепил вот этими словами:

Вот так страна! Какого ж рожна
Орал я в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж... Прости, родной приют,
Чем сослужил тебе - и тем уж я доволен,
Пускай меня сегодня не поют -
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все, как есть все принимаю,
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Кисловодск. Октябрь 1980 г.

**Моя матушка-мамуля,
царство ей небесное.**

Я не отдам ее в чужие руки
Ни матери, ни другу, ни жене,
Лишь только мне она вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне...

Ну как не восхититься этими строками, когда я точно так же где-то говорил, не видевав и в глаза этого есенинского душеизлияния! У меня так вышло нечто подобное, хотя я родил этот стих без есенинского духа и его поэтического поветрия:

Ах, зачем уводить в поднебесье
И в какую-то мглу в тишине,
Спорить с солнцем и тихой песней,
Не пришедших сегодня ко мне?

Как же все мы в стихах усложняем,
Не заботясь об их простоте,
Свою вычурность всюду рожаем,
Как лучину в сплошной темноте.

С каждым словом мудрим и гадаем:
Как средь звезд бы его разместить?
Среди туч красоту выбираем,
Где ему и начертано жить.

А слова, что по жизни простые,
Очень часто приходят ко мне,
Когда строки стучатся лихие
В моей шибко седой голове.

А стучатся они не однажды -
Я для них так слова выбирал,
Видел друга в отдельном и в каждом,
Жизнь каждому в строчке давал.

И родился мой стих вдохновенный
Со своею особой душой,
Но в редакциях слыл я неверным
Со своею пустою «лапшой».

Так и гибнут они за столами
Всех газетно-журнальных светил,
Только все ж я стихи не оставил,
Мир стиха мне по-прежнему мил.

Хоть мне стукнула нынче восьмерка,
Со стихом я жывал и живу,
В своей милой, родной Веселовке
Жизнь свою я лишь ей отдаю.

Ну, насчет стихов, друзья мои, говорить и рассуждать не будем. Они меня доставали и достают, и, кажется, я выложился на семь стихотворных сборников. Называть их поименно не стану, «Классик» о том знает лучше меня. После этой моей исповеди с прозаическими вещами я завязываю, а с лирой моей, с поэзией вряд ли смогу порвать. Как сказала мне моя Гульчатай, со стихами я, наверно, и копыта отброшу...

Об отбрасывании копыт последнее время я почему-то подумываю частенько. Особенно стал это делать, когда похоронили моего друга с шестидесятилетним стажем, руководителя нашего ансамбля «Сударушка» Алексея Чеботарева, а через два месяца после него жителя соседнего дома, классного пенсионера и бывшего классного машиниста, водившего пассажирские поезда, Евгения Гуляева. Того и другого веселовцы проводили в последний путь, помянули на девять дней и на сорок. Анализируя их смерть, не сказал бы, что они крепко зажились на этом свете: Алексею было всего лишь восемь и восемь, а Евгению - семь и один. Ему бы еще тянуть да тянуть до девятки с нулем, так нет же, заснул и не проснулся, что случается нынче довольно часто.

Ну, а мне так шибануло нынче восемьдесят один с половиной, что, по сути, тоже немало. В наш век ракет, полетов в космос и миллионов машин с их дымными выхлопами дотянуть до таких больших годков - надо иметь

мужество и здоровье знаменитого Тарзана, жившего в лесу в обезьяньем окружении. Не ведаю, сколько протяну я, только не хотел бы, как они, заснуть и не проснуться. Нет, я хочу отбросить копыта, будучи при памяти, и чтобы около меня была какая-нибудь живая душа. Вот хочу я себе такой смерти, о чем уже где-то даже писал, но для вас, друзья мои, повторяю:

Годы, парнишки, нас не щадят,
С годами мы резвость теряем,
То ноги скрутило, то почки болят,
Вот так мы в тиши помираем.

Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,
Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.

Пусть будет усердным товарищ-медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.

То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь,
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.

А роль та была - жизнь красиво прожить,
Белый свет повидать, родить сына,
Чего не случилось - не слишком тужить
И судьбу не считать в том повинной.

Свои мечты о смерти я воткнул в стихотворение, а на деле, друзья, это просто бред старика, который идет по своему девятому десятку. Как бы там ни писали о жизни и смерти, последняя, думаю, свое дело знает и к каждому приходит без зова и предупреждения. Вчера по телевидению так

прозвучало сообщение о насильственной смерти нашего знаменитого казахстанского фигуриста Дениса Тена - классного спортсмена, какого знал весь спортивный мир. Его зарезали отморозки всего лишь за какие-то автомобильные зеркала, которые они снимали с его машины, а он не позволил этого сделать, за что и поплатился жизнью. Это была насильственная смерть, а обычная приходит не предупреждая.

Я и впрямь не хочу тихой смерти во сне, я хочу отбросить копыта, оставаясь при памяти. Как будет на самом деле, жизнь покажет. У жизни свои иконы, и человек должен принимать их такими, какие они есть. А по-хорошему, друзья, лично я отбрасывать копыта не хочу даже в ближайшие десять лет. Вот стукнет мне круглая девятка, тогда можно еще подумать. А пока еще ноги носят, голова работает и даже что-то диктует в мой дневник. По сути, я еще не все сказал о своей жизни, исповедь моя продолжается. За мои восемь десятков лет жизнь куда меня только не бросала, какие только не подносила сюрпризы, каким я радовался, а то и огорчался...

Мы, нынешние старики, можем только позавидовать людям, которые придут в этот мир без нас. Они наверняка учтут ошибки своих предков и никогда не будут воевать друг с другом. Человечество будет дружественным, богатым и красивым, о своих предках оно будет узнавать из старых книг, какие они писали и оставили своему потомству. Среди этих книг, возможно, затеряется и одна из пятнадцати, рожденных мною, Максимом Веселовским, и издательским домом «Классик». Думаю, что потомки мысленно будут отдавать нам должное и, может, даже воздвигнут нам свои благодарственные памятники, что делает наше поколение, ставя эти памятники Пушкину, Лермонтову, Есенину и прочим мыслителям человечества.

Конечно, Пушкина, Лермонтова, Есенина читает и знает все человечество, а меня не знает даже моя Веселовка. Библиотекарша Галия говорит, что меня не прочел ни единый читатель, хотя других авторов берут и читают. Подумал: значит, я не писатель, а простой бумагомаратель. Таким писателям, как Олжас Сулейменов, есть что сказать простой аульный пацан в прошлом и затурканный старикан в большой Веселовке, какая славится пел юдьми, а своей железной дорогой, какой я отдал сорок лет, а самой Веселовке - так все шестьдесят. Как бы ни было, а о своей Веселовке я сказал все, потому как люблю ее и не оставлю, пока не закрою свои глаза навсегда.

Хочу, чтобы мою статью о книге Пьера Жильяра прочли и мои читатели.

Дух большевиков и большевизма

Нынче, в июле 2018-го, исполнилось сто лет, как большевики Екатеринбурга ночь с 16 на 17 июля 1918 года расправились с царем Николаем II, его женой, их пятью детьми, личным доктором Боткиным и тремя слугами, расстреляли их всех в так называемом тогда доме Ипатьева. Заглядывая в историю бывшей Руси и России, не отмечалось у ее народа крайней жестокости к провинившимся. За какие-то малые проделки секли ремнем или плеткой, а за крайне крупные конфликты непосредственно с властью пощады не делалось: принародно виновному отрубали руки и ноги, а потом еще живому голову. История доносит до нас подобные проделки со Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым. Наверняка было и еще нечто подобное, но история о том умалчивает.

История древнейших времен знала такие наказания, как распятие на кресте, чему подверглись Спартак и его сподвижники, или сожжение на костре живьем, чего удосужилась известная воинствующая француженка Жанна д'Арк, попавшая в плен к бургундцам и проданная англичанам в 1463 году. Англичане посчитали Жанну еретичкой и сожгли живьем на костре.

Удивительная вещь история, какая доносит до потомков такие человеческие проделки. Как посмотрит на это нынешняя история, когда в Сирии, Йемене, других воюющих арабских странах сожжение людей живьем производится массово, афишируя это в мировом пространстве современной видеотехникой? Мир это видит, но молчит, а арабские боевики продолжают свое кровавое дело... Телевидение показало и стоящих на коленях пленных со связанными руками, подле которых стоят пленители с большими ножами. Диктор сказал, что этим пленным скоро тут же живьем отрежут головы. Чему-чему, а телевидению можно верить...

Известно, что Франция для наказания государственных преступников изобрела гильотину, предназначенную исключительно для обезглавливания. Служила гильотина французам как бы не до самого 1976 года, но, видно, это современные сказки знатоков и мудрецов.

Русскому народу такие страсти, как сожжение живьем на костре, неведомы со времен Олега, Игоря, Дмитрия Донского, Александра Невского, Владимира Мономаха, Ивана Калиты, Ивана Грозного, Петра 1, Екатерины II и прочих царей-правителей до Николая II. Последний русский

царь всех своих государственных преступников ссылал в морозные дали Сибири, такие как Минусинск, Шушенское, другие поселения на Лене и Енисее, где, однако, жили люди своей обычной жизнью и мало чего знали о Москве да Питере. Они мало чего знали о нарождающемся рабочем классе, о революции 1905 года, об усилении революционного движения, выступавшего за свержение царя и его режима. Сибирская глубинка, куда добираться можно было на перекладных недели и месяцы, не имела с центром устойчивой связи, вести доходили больше попутно, оперативными ходаками или торговцами. Ленин отбывал ссылку в Шушенском в 1905 году, но народ этого поселения и округа не знал, за какие такие проделки царь сослал его в Сибирь.

Как бы там ни было, а революция под руководством Ленина и большевиков свершилась. Большевики свергли царя Николая II, с каким и закончилось правление династии Романовых, правившей Русью целое трехсотлетие. До этого Русью правили Рюриковичи как бы не полтысячи лет. Но это скорее история, в какой я разбираюсь, как свинья в апельсинах. Сам царь, его семья и родственники были пленены и держались в заточении.

О дальнейшей судьбе царя Николая II, его жены и пятерых детей, личного доктора и маленькой прислуги из трех человек я узнал недавно из книги «Император Николай II и его семья» французского автора Пьера Жильяра, изданной (удивительно!) в 1921 году издательством «Русь» в Бене и перепечатанной уже в России в 1991-ом четырехсоттысячным тиражом. Как эта книга попала в Анадырь, я понятия не имею, но в местной библиотеке такую редкую книгу усек и прочел.

Автор книги Пьер Жильяр, как известно истории, был преподавателем и неким воспитателем всех пятерых детей Николая II. Был долго, как бы не все десять лет, до самой гибели царской семьи со всем обслуживающим персоналом. Большую часть своего времени Пьер Жильяр отдавал младшему члену семьи, сыну царя Алексею Николаевичу, какому в день расстрела царской семьи шел всего лишь тринадцатый год. Из-за слабого его здоровья рядом с ним часто находился доктор Боткин, какой считался доктором всей царской семьи.

Согласно дневниковым записям Пьера Жильяра, мы узнаем о последних минутах жизни царя Николая II, его жены, их пятерых детей и obsługi из четырех человек. Из записей Жильяра: ночью к спящему царю и царице

и их пятерым детям Ольге, Татьяне, Анастасии, Марии и Алексею пришел комиссар Юровский и приказал им следовать за собой в подвальное помещение. С Юровским пришли комиссары Ермаков и Ваганов, а также семь солдат. Юровский объявил во всеуслышание царю: «Меньшевики пытаются вас спасти, отчего мы вынуждены вас казнить», достал пистолет и в упор выстрелил в царя, какой тут же рухнул замертво. Все это случилось на глазах жены, пятерых детей, доктора Боткина и трех слуг, какие начали кричать и метаться, но команда Юровского выбрала свою жертву и так же расстреливала в упор. Раненный царевич кричал в агонии, и Юровский пристрелил его. Анастасия Николаевна была только ранена и тоже металась в агонии, и солдат добивал ее уже штыковым ударом. Так под пулями большевиков погибли все одиннадцать человек царской семьи...

Через три дня после убийства царской семьи на улицах Екатеринбурга появились прокламации, извещавшие о расстреле царя, а пять дней спустя пермская газета дала следующее сообщение: «Ввиду того, что чехословацкая банда угрожает солнцу красного Урала Екатеринбургу, и ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа, президиум областного комитета во исполнение воли народа постановил расстрелять бывшего царя Николая II, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях. Постановление приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля. Семья же Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более верное место».

Президиум областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Урала, как замечает Пьер Жильяр, об убийстве царя пользовался указанием из Москвы, какое имело такой характер:

**«Постановление
Президиума Всероссийского центрального исполнительного
комитета от 18 июля.**

Центральный комитет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в лице своего представителя одобряет постановление президиума Уральского комитета.

**Председатель исполнительного комитета
Я. Свердлов»**

Что ж, как бы там ни было, а царь был убит без суда и следствия, что означало - был убит просто злодейски, как и все десять человек с ним. Если верить автору книги, то комиссар Войков сказал: «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали». Насчет же уверения депутатов Урала, что семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое место - сплошная ложь, преподнесенная россиянам и миру.

Книга Пьера Жильяра вышла в 1921 году, когда еще был жив Ленин, но ни один автор, никакая пресса не сказали, как Ленин воспринял смерть царя, осуществленную без большевистского, то есть народного суда. Что интересно, молчит о том и история, и нет никаких сведений о ленинском восприятии смерти царя и всей его семьи. Книгу Жильяра Ленин не мог не прочесть или хотя бы слышать о ней. Как бы ни было, а история умалчивает о реакции Ленина на смерть царя в разрезе, описанном Пьером Жильяром.

Насчет того, что «свет никогда не узнает, что мы с ними сделали»... Пьер Жильяр сделал замечание о сложности утаить шило в мешке, подробно описывая все действия Юровского и его команды. По утверждению Жильяра, трупы погрузили на автомобиль и увезли на какую-то лесную поляну вдали от дорог и людского глаза, разрезали их на части, чтобы удобнее было сжигать на костре. Прежде же привезли 175 килограммов серной кислоты и 300 литров бензина. Не поддающиеся горению части тел бросали в кислоту, затем уже обезображенные куски мяса сжигали на кострах. После всех процедур сгоревшие кости сбрасывали в какую-то яму, напоминавшую шахту.

Такое заключение сделали меньшевистские дознаватели, какие заняли Екатеринбург и начали свои поиски царской семьи. Их следственные выводы Жильяр и использовал в своей книге, которой можно верить от начала до конца. Вымысла тут нет, это была правда жизни, какую подтвердили и пленные большевики, участвовавшие в расправе над царем и его семьей.

Единственное, чему не хочется верить: как такие большевики, как Юровский, Медведев, Ермаков, Ваганов, доверенные Свердлова, лично расправлявшиеся с царем и его семьей, имевшие дух большевизма, могли так поступить? Неужели такой ленинский большевик, как Свердлов, мог дать указание расстрелять царя без суда и следствия? Открытый суд, сродни истинно народному, неизменно выявил бы в царе недюжинную

силу любви к России и российскому народу, которым он служил верой и правдой всю жизнь. Кровавое воскресенье по инициативе попа Гапона, пролившее кровь двух тысяч простых россиян, не инициировалось царем, о нем царь узнал после случившегося. В целом царское правление было направлено на благополучие народов России.

Царская власть поддерживала все прогрессивные начинания в России, такие как открытия Менделеева, Попова, приветствовала своих писателей Чехова, Толстого и многих других. Все, кто шел против царя, не уничтожались, а отправлялись в ссылку, чему подверглись в свое время Ленин, Сталин, тот же Свердлов, Бухарин, Зиновьев. Царская власть относилась к ним гуманно, с русским сдержанностью. Большевики же ничего этого не делали. Наверняка царя следовало бы расстрелять где-то отдельно от семьи, а с семьей поступить как-то по-другому, оставив их живыми. Дочерям царя было от шестнадцати до двадцати двух лет, а сыну и вовсе тринадцать, они никак не могли стать врагами революции. Где же был у комиссаров Екатеринбург большевистский ум и тот же большевистский дух?

В сталинскую эпоху большевики без сожаления взрывали и уничтожали богоугодные храмы и церкви пятисотлетней давности, гнушаясь их исторической ценностью, красотой, изяществом и мастерством древних строителей. Неясно, кто давал указания о таком угроблении, только эти указания не иначе как поступали из кабинетов большой Москвы. Что думали большевики и исполнители всех этих взрывов - не понять, только сокровища России были уничтожены, и никого за то даже не пожурили.

Таков был дух большевизма, переросший в коммунистический дух борьбы с «врагами народа», кулаками, какие уничтожались и ссылались на вечную каторгу, где и умирали. Только смерть «вождя народов» сгладила жуткую картину уничтожения невинных людей.

Мы, нынешние восьмидесятилетние, жили и при большевиках, и при коммунистах, и над нами всегда довлел дух большевизма и коммунизма. Тогда говорили: «Против партии не попрешь». Тогдашняя Компартия могла упрятать туда, где Макар и впрямь телят не пас. Непонятно, чем провинились Солженицын, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, высланные по указанию Брежнева из России за рубеж, посчитав их анти-советчиками. А они всего-то были писателями и артистами и тоже требовали от Брежнева открытого народного суда над ними, чтобы доказать,

что они невиновны перед Россией и ее народом. Такого суда Брежнев не позволил.

Большевики сталинского периода безо всяких уничтожали «врагов народа» и кулаков. Никакого народного суда не существовало. Судилищная тройка судила Тухачевского, Сейфуллина и тысячи-тысячи других, о каких нынче знает только история. Каким большевистским духом дышали п и тройки, знает только история, она и должна бы осудить тот большевистский дух, большевистский мир и ту сталинскую эпоху, какая должна быть проклята историей и народом большой России, который не должен допустить ничего подобного ни теперь, ни в будущем.

А царю Николаю II и всей его семье с доктором и слугами вечная память. Сто лет минуло после их физического уничтожения, но жизнь и история не могут простить большевиков-убийств, предки которых наверняка дожили и до нашего времени. Их не простил и иностранец Пьер Жильяр. Неизвестно, кем бы стали дети царя, только они были русскими, они были россиянами, и Россия была их родиной, какую они любили, как и весь народ России. Они не ведали политики, но в последний момент познали характер большевизма, какой российскую землю сделал их могилой. Царство им небесное от всех нас, их потомков...

Максим Веселовский
пос. Веселовка

В итоге, друзья мои, хотелось бы заверить вас, что в своей исповеди я не все сказал. Я ничего не поведал о моей сестре Лидии, какой в будущем году стукнет восемь десятков, о братане Иване, царство ему небесное, о нашей матушке, пусть ей земля будет пухом, какая во время войны и после нее воспитывала целую тройку малолетних гавриков, какие постоянно просили хлеба или чего-нибудь куснуть. Хотелось бы поделиться радостью о нашем единственном с Гульчатой сыне, какой уже тоже на «дембеле», но на своем Алтае, в своем Новоалтайске, о внучке Марине и ее двух дочерях, одна из каких под стол пешком ходит, а другая записывает, сколько будет два прибавить два. Сказать о них я уже ничего не скажу, а вот показать на фотках хотелось бы. В «Исповеди» Жан-Жака Руссо так мелькают отец и мать, бабка и дедка, братья и сестры и даже слуги с прочим народом. Даны

они в рисунках, поскольку триста лет назад фотография наверняка еще не была изобретена. Этого я не знаю, потому как остаюсь тупой, как сибирский валенок. Думаю, ничего в том не будет предосудительного, если фотки моей родни промелькнули в моей исповеди.

Считаю, что в этой четной главе можно и завершить мою исповедь. Все, что надо было, я сказал, с кем надо познакомил, а главное - я приложил фотки матушки, моего брата и сестры, сына и его дочери с двумя ребятенками. Задумка моя с моей исповедью вроде исполнилась, но я чувствую на себе давление каких-то новых мыслей, какие так и просятся в двадцать третью главу. Не знаю, сумею ли я ей приделать ноги, но в голове у меня она созрела...

Однако, друзья мои, почему-то не уверен, что эта глава завершит мою исповедь. У меня в голове крутятся-вертятся еще какие-то мысли, какие будят меня среди ночи, и я записываю то, что диктует моя стариковская голова. Если и правда появится двадцать третья, а там нарисуются и последующие, то попрошу у читателя прощения за мое непостоянство и расплывчатость моего мышления, какие я допускаю больше тем, что уже два года как иду по своему девятому десятку.

Годы большие, оттого, видать, и мысли насканивают друг на друга. Не хотелось бы их хоронить, а хотелось бы просто выложиться в этой моей не художественной книге с описанием голубой весны и золотой осени, а в чисто очерковом формате, какой даже имеет французское название эссе. Не знаю, как примет мое изобретение «Классик», только свою исповедь я решил сделать художественной, а значит, длинной и растянутой, как «Война и мир» Толстого, и разговорной. Что из того получилось, судить не мне, а большим людям из издательства. Я литератор не ахти какой, но во мне жив какой-то писатель.

А вот кроме фотографий матери, сестры, братана, сына с ребятенками своей дочери Марины, нашей с бабулей внучки, я добавил еще несколько фотографий, без каких, мне кажется, моя исповедь покажется бледной. Однажды в 2018-ом приезжала в Веселовку наша внучка Марина, какой я показал фотографии, какие хочу поместить в свою «Веселовскую исповедь». Внучка перебрала их и на обороте каждой написала свое резюме. На фотографии, где мы с женой и наш сын в солдатской форме, когда мы приезжали к нему на службу в его часть близ Алма-Аты, внучка написала:

«Это мои деда и бабуля и, конечно, папа, когда меня и в проекте не было». Службу наш сын проходил в начале 80-ых, а внучка Марина появилась на свет в 1984-ом. Мы с моей бабушкой очень довольны этой фотографией и этой надписью, потому как вспоминаются наши молодые годы, когда мы только-только разменяли свои четверки. Сейчас наш сын на недавнем «дембеле», на какой он вступил в середине 2018-го. На «дембель» наш сын ушел не в шесть десятков, как принято в России, а в пятьдесят семь, поскольку он целое десятилетие водил поезд.

У локомотивщиков, как считают медики, вредная работа, как вредная она у шахтеров, труженик горячих цехов и других спецов с вредными условиями труда. Локомотивщики так водили поезд на паровозах, тепловозах и электровозах под напряжением тяговой подвески в 27 тысяч вольт. Сын мой как раз и водил поезд на электровозах, но не накатал на них двенадцать с половиной лет, какие дали бы ему право уйти на «дембель» в пятьдесят пять лет. Я ушел на «дембель» у себя в Веселовке в шестьдесят три годика, а бабулька моя - в пятьдесят восемь. Как бы там ни было, я уже два года как иду по своему девятому десятку. Гульчатай моя сделает это в марте будущего года, и мы уже на пару будем идти по девятому десятку.

Внучка Марина усекла старую фотографию, на обороте какой черкнула: «Дед мой рвет классную «Подгорную». Куда меня занесло и где я так расхорохорился - не помню, кто меня щелкнул -тоже. Было это не менее как лет шестьдесят с полтиной назад, но фото дорого мне своей памятью о моей холостяцкой жизни в Веселовке. Такую же приветливую мысль послала внучка и вот на эту фотографию: «У деда в молодости крутились поэтические мысли». Что меня занесло в наш веселовский парк, в летний кинотеатр без окон, крыши и дверей, лишь с двухметровой загородкой, я не представляю. Хочешь в кино под открытым небом пожалуйста, бери билет и заходи через раздвижную калитку. Кто-то меня щелкнул из нашего мужского общежития.

На следующей фотке Марина написала: «Дедуля, бабуля и я, когда я под стол пешком ходила». Не помню, по какому случаю была сделана эта фотография, но она и сегодня напоминает о нашей живой и красивой молодости.

На большой фотке, где мы с моей Надеждой-Гульчатай-Рабигой да Кадишой с внучкой Мариной на руках, находятся и двоюродные сестры

нашей Марины - Наташа и Катя, каким нынче стукнуло тридцать девять и сорок четыре и у каких свои взрослые дети. Как бы там ни было, а эта фотография тоже с бабушкой, какая воскрешает наши молодые годы. Марине тогда было пять лет, а нынче ей стукнуло аж целых две тройки. Время летит, мы стареем, не молодеют и наши с бабушкой внуки. У Марины так у самой уже две дочки, из каких одна и правда ходит под стол пешком. Удивительно памятна и фотка нашей Марины, когда ей было всего лишь пять годиков и какая на своей фотке уже сегодня написала: «Ах, как хочется надолго оставаться такой же...».

Хотелось бы и нам, Марина, с твоей бабушкой остаться молодыми и красивыми, но у жизни свои законы. Тебе уже шибануло на четвертый десяток, отец твой и матушка на «дембеле», они с удовольствием кучкуются с твоими детками, какие просто рвутся из своего дома в Барнауле к бабушке и бабушке в Новоалтайск. У них они находят полное отдохновение, поскольку им разрешается делать все: хотят кошке повязать бант - пожалуйста, хотят к хвосту ей привязать ложку - без проблем... А всяких сладостей у бабушки с дедом - ешь от пуза! Для внушек они ничего не жалеют.

А вот две фотографии, на каких Марина не сделала никаких записей, поскольку не знала этих людей, кроме деда в железнодорожной форме, вверху первого слева. Приписку сделал я лично. То же самое и со второй фотографией, где я с баяном один на один, собственноручно написал: «А это я собственной персоной, когда не с пером, а с баяном».

По поводу следующих глав я вряд ли могу сказать что-то новое, хотя наш новый казахстанский мир с его новыми людьми и новым мышлением так и просится на художественное отображение в печати, в книгах, в фильмах большого экрана и телевизионного. Таким талантом я не обладаю, хотя и подгоняю себя: не тормози, сникерсни! Новая же наша эпоха непременно родит новых Ауэзовых. Конечно, тогда уже не будет меня и моих современников, но будет новое поколение, какое сделает нашу страну исключительно богатой и красивой, в чем я не сомневался ни прежде, ни теперь. Наш Казахстан приближается к 2030 и 2050 годам, которые должны стать для казахстанцев, для всего народа Казахстана величественной эпохой мира, труда и благоденствия.

На этой патетической ноте и хотелось бы разделаться с главой, но, включив телек, я услышал невероятно печальную новость: умер Иосиф

Кобзон. Подобного не ожидалось ни теперь, ни в ближайшем будущем. Был певец бодрый и ходячим, и даже где-то по телеку звучал его голос... Трагическая новость натолкнула меня на какие-то поэтические строки печального характера, какие сами полились на бумагу:

Нынче телевиденье делало обзор
О жизни человечества на Западе, в Москве,
И тут же неожиданно умер наш Кобзон,
Что просто шибануло меня по голове.

Не знаю, как другие, Кобзона я любил
И просто ждал его задушевных песен,
С песнями его я рос, учился, жил,
Был актер мне этот просто интересен...

Набегали еще какие-то строки, но я решил не увлекаться. После похорон большого артиста и большого человека, какие показал по Интернету планшет моей супруги, я увидел открытый гроб и в нем Иосифа Кобзона, какой лежал среди цветов, в своем неизменном черном парике, который служил ему как бы не все пятьдесят лет. Интернет-обозреватели так говорили, что волосы начали выпадать у актера еще в молодости, отчего и пришлось прибегнуть к парикам, в каком человечество видело его всю жизнь.

Мысленно перелистывая человеческую жизнь, прочел: буквально год-другой назад ушли из жизни такие великие люди современности, как Эльдар Рязанов, Олег Табаков. Были они актерами, режиссерами и в целом служили искусству, театру, кино, а значит, и народу, из среды которого они и вышли в свет, какому служили весь свой творческий артистический век. Иосиф Кобзон был еще и общественным деятелем, работая в российской Думе, возглавляя отдел культуры.

Говорить об актере Кобзоне можно долго и много, о его детях, внуках и правнуках, но делать этого я не стану. Только скажу, что жаль такой потери для России, СНГ и всего человечества...

А свое новое четверостишие о Кобзоне я прочел не жене, не посторонним людям, а моему коту Ваське, какой привык ко мне и слушает меня очень внимательно. Женка как раз ушла по своим магазинным делам, а я

остался с котом один на один, тут же сочинил два куплета и прочел ему вслух и себе тоже. Кот, примостившись у меня на коленях, лизал свою лапу и внимательно слушал то, что я ему читал о Кобзоне. То же самое он делал и прежде, когда я читал ему что-то свое поэтическое вслух. Я почему-то думаю, что кот меня понимает и даже разумеет суть. Я так прикинул, что кот у меня грамотный, что он не меньше чем шесть классов окончил, а потому внимает мыслям, которые я ему преподношу. Конечно, после чтения стихов я наливаю коту молока, он уплетает его и потом вновь готов слушать мои стихи.

Конечно, все это, друзья мои, чтобы вы не скучали, не болели и не грустили о такой большой потере, как наш бывалый и знаменитый Иосиф. Ему на день смерти стукнула всего лишь восьмерка, то есть восемь десятков, тогда как я уже два года иду по своему девятому десятку. Где и когда достанет меня такой же печальный кобзоновский день - не знаю, не ведаю, не представляю и не жду, поскольку я хочу жить и жить, чтобы еще что-то написать, а значит, быть рядом с издательским домом «Классик», с моими читателями и моим новым веком, в каком я познал «Классик», а «Классик» меня, какой и вывел меня в люди и показал областному свету. Пока меня как автора нескольких книг знают всего лишь несколько человек, но после того, как я отброшу копыта, обо мне будет знать, возможно, даже вся наша великая Казахстан-страна, которая умеет ценить своих талантливых авторов прошлого.

Ну, приписывать себе талант литературного бога, талант Лермонтова и Есенина было бы кощунственно, а вот мой баянный талант Веселовка приветствует. Веселовцы говорят, что на баяне я шарю классно, а вот ни об одной моей книге они не имеют даже представления, потому как не ходят в библиотеку, где лежат мои книги. Я почему-то даже подумываю, не разучились ли мои друзья читать и не забыли ли они буквы. А что? Сейчас все ударяются в Интернет, так что им до авторов, как я, Максим Веселовский, что свинье до неба. Обидно, что меня никто не читает, кроме работников издательского дома «Классик». Но и там читают единицы, а прочий народ занят своими делами.

В общем, друзья мои, заканчивая эту главу, скажу: после нее за писанину я братья больше не буду. В своей исповеди я, кажется, сказал все, даже приложил фотографии своей родни и своей семьи. На будущее же у меня

нет никаких планов, хотя теплится мысль написать книгу о целине, какой я отдал два года. В новой книге я хотел бы рассказать о своих целинных годах. Может ли такая книга увлечь нынешнего читателя? Вряд ли. Не знаю почему, но мысли о ней теплятся в душе моей и в моем сердце. Думаю, с мыслями об этой книге я и отброшу копыта...

Не знаю, какие мысли имели при себе Пушкин, Лермонтов, Есенин, только мои мысли о целине не обошли бы Хрущева, Брежнева и последующих руководителей до распада Союза. Но это, друзья мои, лишь мои мысли, такие же старые, как и я сам. А на данный момент я мечтаю лишь о выходе в свет моей исповеди, в которой я такой, какой есть.

Глава двадцать третья

Прочитывая страницы «Веселовской исповеди», прикидывал, все ли я сказал. Где родился, где крестился и где пригодился, я уже сообщал. Ну, а дальше моя молодая жизнь в Веселовке и Веселовском депо, куда нас, училищную братву Акмолинского железнодорожного училища в количестве двенадцати гавриков, прислали на целых четыре года отработок.

1957-59-ый мы отдали училищу и 1959-63-ий Веселовскому депо. По истечении этих четырех лет в Веселовке остался я один. Три хрущевские пятилетки отдал слесарному делу и двадцать пять снабженческому. В 1999-ом депо выпроводило меня на «дембель», на каком я уже двадцать лет.

Что удивило меня на моем «дембеле», в семь десятков я вдруг ни с того, ни с сего ударился в творчество. А ведь до этого я отродясь не брался за перо, а тут не иначе как наехала на меня телега Пушкина, Лермонтова да Есенина и всего пишущего человечества. Куда было деваться от этой писательской телеги? Хватал перо и записывал в дневник то, что диктовала моя седая голова.

Уж не знаю, чего она, косолапая, мне надиктовала, только, собрав всю писанину в один пучок, я увидел стихотворный набор на целую книгу. Ну, книга - она и в Африке книга, повез ее в областной издательский дом «Классик», какой вскорости и выпустил отдельной книгой «Мои Веселовские зори». В книге всего 113 страниц, но это все-таки была живая книга.

Сделали мне ее в двадцати пяти экземплярах, как я и просил. Эти экземпляры раздал родне, друзьям и Веселовской библиотеке, штук пять оставил и себе просто для затравки. Вдруг появится новый друг, какой будет лучше прежних двух, ему и подарю свое творение...

Не ведаю, чего я в той книге наворочал, только сорок стихотворных подборок проскочили. Были здесь большие и малые стихотворения, проскочили даже две поэмы. Не знаю, как приняли книгу друзья и родня, только мне никто о книге не сказал ни слова, ни полслова. Вот не сказал, как будто раздал я книги телеграфному столбу! Ладно, молчат друзья, так они ведь такие же долбаные пенсионеры, как и я, потому им что-то читать выливалось не меньше как в наказание. Хранить красивую книжонку можно, а вот читать извините. Это я так думаю, а на деле хрен его знает, какая причина их молчания. О родне говорить не приходится, поскольку она вся у меня в той степи - на Алтае да в Акмолинском регионе.

Я же лично книгой был удовлетворен, поскольку она была первой, довольно красивой и не такой уж тонкой. Как мне казалось, читать в ней было чего. Удивлялся я такому положению вещей в нашем житейском мире и выискивал в мировой литературе высказывания о подобных вещах. Древний Овидий так почему-то заметил: «Я хочу, чтобы смерть застала меня посреди трудов моих». Леонардо да Винчи так на смерть вообще смотрел успокоительно: «Как хорошо прожитый день дает спокойный сон, так и с пользой прожитая жизнь дает спокойную смерть».

Откровеннее других оказался Вильям Шекспир, который прямо заметил. «Всего ужасней в смерти - ожиданье». А Юлий Фучик вообще не признавал смертельного исхода: «Я любил жизнь и за ее красоту вступил в бой. Я любил вас, Люди, и был счастлив, когда вы отвечали мне тем же, страдал, когда вы меня не понимали... Жил я для радости, умираю за нее, и было бы несправедливо поставить на моей могиле ангела скорби». Чернышевский так вообще был откровенен: «Что милее всего для человека? Жизнь, потому с нею связаны только все наши радости, все наше счастье, все наши надежды».

Вот такие рассуждения великих людей я вычитал о жизни и смерти, когда перечитывал свою книгу. Думал: в мои семьдесят вышла моя первая книга, какую никто не читает. Может, начнут читать, когда я отброшу копыта? Было же в жизни такое, когда живущего автора не читали и не при-

знавали, а после его смерти вдруг набрасывались на его произведения, печатали, читали, обсуждали и хвалили. Неужто и меня ждет такая же участь?

Как бы там ни было, а меня в Веселовке не читают. Вот не читают, хоть ты кол на голове у них затеши! А вот в издательском доме «Классик» так обо мне вот что сказали: «Сборник стихов жителя сарыаркинской глубинки подкупает искренним уважительным уважением к своему краю, своим корням, семье и немного ироничным отношением к своему поэтическому творчеству. Любовь к поэзии сопровождает Максима Веселовского всю его жизнь, выплескиваясь порою в частушечные куплеты, а порой в поэмы философского смысла. Стихи 75-летнего автора заставляют задуматься о добре и зле и о смысле человеческой жизни, у какой, понятно, всегда были начало и конец. Автор в свои 75 уже думает о каком-то конце, когда его ум и мысли готовы на значительные литературные подвиги, каких, как нам думается, мы все-таки дождемся».

Такую хвалебную преамбулу я никак не ожидал, отчего свою первую книгу несколько раз прижал к губам. Перелистывая свою первую книгу, всем своим старческим умом зацепился за такую высокую характеристику моего творчества. Ну, не знаю, за все мои семьдесят пять лет никто обо мне не говорил так тепло и проникновенно. Был я добросовестным слесарем - висел вместе со всеми на доске почета, таким же добросовестным снабженцем - то же самое, но так откровенно и даже красиво не говорили обо мне ни вслух, ни печатно. А тут смотри, на всю деревню обо мне такая сладостная для меня речь!

Конечно, я кланялся издательству за такие теплые слова, только про себя подумал: я их не стою. Ну, родил я сборник стихов, ну и что? Я, что ли, один такой шустрый в нашей Сарыаркинской области? Есть настоящие асы, настоящие Есенины, а я всего лишь начинающий поэт, который до этого двух слов литературных связать не мог. Еще подумал, что у нас даже дети умеют рифмовать не только в школе, но и дошколята, какие показывают свои таланты у Максима Галкина. Так что мои старческие выходки со стихами не есть подвиг, а есть простой наплыв лермонтовско-есенинского духа.

Не знаю, как там прочий пишущий народ, только на моем текущем девятом десятке я дышу лермонтовско-есенинским духом. Не влечет меня прочий пишущий мир, а вот мир Лермонтова и Есенина мне отчего-то

близок и дорог. То ли тем, что они творили себя и свой литературный мир в слишком молодые годы, до тридцатника, тогда как я в эти годы двух слов путевых связать не мог, а мои мозги покоились, как консервный паштет. Ничего я не писал и не помышлял о писанине, хотя школьные сочинения в ШРМ (школе рабочей молодежи) стряпал усердно, ловко и красиво, какие учительница даже зачитывала всему нашему десятому классу. Другие сочинения этого не достаивались. Не знал, не думал я, что на старости ударюсь в писанину, буду пытаться жить духом Лермонтова и Есенина...

Подумал, что это не иначе как старость как-то влияет на человека. Будь у меня писательский талант, я непременно родил бы нечто поэтическое или прозаическое в сорок, в пятьдесят, в шестьдесят лет. Так нет же, прореха на человечестве, родил первую свою книгу в семьдесят пять, за что жизни следовало бы поставить меня к стенке. Но у жизни свои законы, и она ежегодно с меня выкручивала по две книги. За двенадцать лет я испек пятнадцать книг, из каких эта является последней. Я так решил, вероятно, так оно и будет.

Женка на мои ночные бдения с пером и бумагой говорила, что старики каждый по-своему с ума сходят. Выходки мои она мне прощает, только посоветовала перебраться на диван, чтобы ее не тревожить. Диван в зале, где мой журнальный столик, светильник и мои писательские бумаги. Я им всегда рад, но какой-то черт будит меня среди ночи и диктует свои строки, чему я не сопротивляюсь.

По поводу таких моих ночных заскоков решил в поликлинике посоветоваться со специалистами, но после раздумал. Не представлял, что могли по этому самому ночному делу сказать специалисты. Может, нечто подобное случалось с тем же Лермонтовым и тем же Есениным? Но то ведь были великие люди разного времени и разных эпох, нечто подобное могло случаться и с ними. Про себя же я вдогонку подумал: это не иначе как проделки природы, а природа шутить не любит. Ну, просыпаюсь я ночами, хватаю перо и до утра люю свои мысли в свой долбаный дневник. Неужто природа делает нечто подобное и с другими любителями пера? Наверняка она делает это и с другими любителями пера... Коль это так, претензий природе предъявлять не стоит. Тут претензии только к себе, только к своему природному характеру и своему роду Веселовских, в кругу какого,

насколько я знал, не было ни одного завихрастого поэта, все были хлебобородами и не более.

Читая различные воспоминания писателей и поэтов наших дней и прошлого о своем творчестве, о том, как приходили к ним темы к тому или иному произведению, о себе ничего подобного сказать не могу. Написал я два романа и повесть, откуда брался для них материал - ни сном, ни духом и ни в зуб ногой. В «Годах Орлиных» так уже сидели выпускники Акмолинского железнодорожного училища 1959 года выпуска, каких приехал и увез начальник отдела кадров локомотивного депо Веселовка. Понятно, что Орлиная - это и есть Веселовка, какая стала пристанищем, жизнью и судьбой лично мне на шестьдесят лет. А я так в том романе носил имя Владимира Морозова, от имени которого и велось повествование.

Время было нелегкое, хрущевско-брежневское, но мое поколение выдержало все невзгоды. Все одиннадцать моих братьев по училищу свои положенные четыре года в Веселовском депо отработали и подались в свои родные края. В Орлиной остался только один Владимир Морозов, какой в пей живет и здравствует все шестьдесят лет... Комментировать «Годы Орлиные» я не собираюсь, а вот чем он закончился, скажу. Роман повествует о настоящей мужской дружбе людей, с детства переживших трудности военных лет, голод и изнурительный труд, чего требовали время и тогдашнее начальство, которое могло в лентяе и прогульщике определить врага парода, какие ссылались без суда и следствия туда, где Макар овец не пас.

В целом же выпускники железнодорожного училища старой Акмолы дали в Орлиной клятву оставаться верными дружбе, какие бы экзамены ни устраивала им судьба и время. В конце романа жена ведущего повествование Владимира Морозова так обратилась к мужу:

«-Слушай, Кульжамбек-оглы! Пусть твой роман уподобится тому же голубку и летит по белу свету наподобие голубка из песни к кинофильму «Огонь любви». Думаю, в том есть какая-то надежда на Всевышнего и добрых людей, к которым будешь обращаться со словами:

Ты лети, голубок, в поднебесную высь,
Ты лети, голубок, во все стороны,
Но смотри не вернись, но смотри не вернись
Черным вороном...»

Роман я прочел, он мне понравился, а что усек читатель - бельмеем. Какого характера мои последующие книги, говорить не буду, только замечу, что над ними я пахал, как истинный папа Карло. За двенадцать лет пятнадцать книг - да кто такой смелый был в пишущем мире?

Близко к этому вроде подходил Достоевский, до какого мне, как свинье до неба. Я прочел все книги этого сибиряка. Прожил писатель всего лишь какой-то шестидесятник, а написал вагон и маленькую тележку. «Бедные люди» появились, когда автору шла лишь четвертинка века, но они взяли читателя в плен. «Белые ночи» так шагнули в свет тут же, но через два года после них, «Неточка Незванова» через год пошла за «Ночами». Четыре года со своего тридцатника Достоевский просидел в тюрьме, был приговорен к расстрелу, какой заменили военной службой. В сорок лет у писателя рождается роман «Записки из мертвого дома», а в сорок пять-шестьдесят у писателя рождаются книги «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Публицистическое произведение «Дневник писателя», который писатель писал до самой смерти, проявило философское осмысление социальных контрастов, столкновение самобытных личностей, страстные поиски общественной и человеческой гармонии, глубокий психологический трагизм.

По сравнению с Достоевским я написал почти столько же книг, как и он, но писатель писал как бы не все сорок лет кряду, а я только двенадцать, притом писать я начал в семь десятков лет, а Достоевский полувеком ниже. Равняться же с великим классиком литературы и писательского мастерства мне не следует, потому как я не знаю жизнь так, как знал ее большой писатель Федор Достоевский.

Ну что я мог знать и видеть в своей Веселовке? На работе - только моих деповчат, каких было аж семьсот душ. Встречался я с ними ежедневно, здоровался, своим цеховикам так жал руку. Прочий народ трудился в своих цехах, к каким я отношения не имел. Всюду люди делали свою работу, нужную железнодорожному транспорту, тогдашнему МПС. Наша казахстанская «железка» в этом министерстве была как бы не на первом месте, поскольку по территории Казахстан стоял как бы не первым после России.

По части республик Советского Союза я был тупой, как сибирский валенок. Никогда не заглядывал в географию и не интересовался, чем и

как живут и жили республики тогдашней нашей Прибалтики, Белоруссии, Кавказа и среднеазиатские республики. Телевидения тогда в моей Веселовке еще не было. Первый свой телевизор черно-белый мы с Гульчатой приобрели где-то в 80-ых годах. Телевизор был ламповый и с экраном в 54 сантиметра, какой служил нам как бы не до самого 90-го года. А там, конечно, приобрели боевой, красивый цветной «LG», какой служит нам и по сей день. В 2018-ом я разорился на второй телевизор, плоский, как у Якубовича на его передаче. Приспособил я эту плоскую штуковину в спальне лично для Гульчатой. Она выбирает себе по программе то, что ей интересно, а я ударяюсь то в футбол, то в хоккей, то в литературныеделки телевизионного вещания.

На минувший мировой футбольный чемпионат она просто подняла ногу, какой для нее он являлся не более как зайцу вытрезвитель, тогда как я смотрел матчи до двух, а то и до трех ночи. Жена моя в это время целиком и полностью была в объятиях Морфея, а я бодрствовал и болел за нужные мне команды. Конечно, болел за Хорватию, какая сделала харакири таким прославленным командам, как Аргентина, Россия, Англия. В финале маленькая четырехмиллионная Хорватия потерпела поражение от Франции, однако как-никак, а вышла на второе место в этом мировом футбольном чемпионате, оставив на задворках ту же Аргентину, Россию и ту же Англию.

С приобретением второго телека Гульчатой моя преобразается на своих передачах, а я - на своих. На нынешние фильмы я просто поднимаю ногу, а стоящие передачи хватаю и увлекаюсь, среди каких «Лучше всех» Галкина, «На самом деле» Шепелева и «Пусть говорят» Дмитрия Борисова. «Поле чудес» мы с Гульчатой смотрим на одном «ящике», а прочие передачи мы все-таки разделяем.

Люблю я смотреть и слушать передачи на литературные темы, когда читаются стихи, монологи и даже отрывки из каких-то рассказов. Отчего такое во мне кувырывается - понятия не имею, поскольку в моем роду Веселовских не было ни единого представителя, какие бы шурупили в писательском деле. Все они были обычными земледельцами, каких земля поила и кормила. Насчет же каких-то письменных высот Боже упаси! Растили хлеб, детей, а прочее их не волновало. Конечно, ухаживали за собственной скотинкой, курками, утками да гусками, держали и свиней, ка-

кие всегда полнили обеденный стол. Как помню, бабушка моя, моей мамы мама, в платежной ведомости вместо росписи ставила обычный крестик.

А бабушка эта так родила свету мою маму и трех ее братьев, каким дала имена Илья, Василий и Иван. Первые двое воевали и вернулись живыми, а третий пропадал где-то на трудовом фронте. Что это за оказия - не волоку, но, говорят, существовал когда-то и таковой... Сыновья докормили свою матушку до восьмидесяти пяти лет, и она покинула сей белый свет в 1962-ом. Мама имела четырехклассное образование, дяди - семилетнее. Читать и расписаться они могли, а вот чтобы удариться в литературное поветрие - Боже упаси!

Откуда на меня такая напасть навалилась - понятия не имею, только стихи и проза навалились на меня не в молодые годы, как положено, а в мои семь десятков, что по природе непривычно и достойной даже книги Гиннесса. За двенадцать лет пятнадцать книг - не менее как подвиг не гиннессовский, но где-то героический. Состряпать пятнадцать книг разного характера и направления - надо было иметь большую муку и всяческие приправы к ней, какие я почерпнул из своей жизни и из жизни моего окружения. Моим же окружением все шестьдесят лет было Веселовское депо и сама Веселовка, и правда ставшая мне родным причалом, моей гаванью, а по-русски - моей жизнью и судьбой. Родное депо не забывало обо мне и на моем «дембеле», а Веселовка знала и аплодировала всем концертам Веселовского ансамбля «Сударушка», где я был ведущим баянистом. По баяну Веселовка меня знала, а по моим пятнадцати книгам представления не имеет, поскольку мои книги в местной библиотеке лежат нетронутыми с момента их проявления в свет и по сей день.

Почему такая неприязнь к своему коренному веселовцу Максиму Веселовскому, я понятия не имею, только понял: нынче гремят и прославляются те, у кого толстый карман. У меня кармана нет, а есть простой кармашек, куда помещается всего лишь несколько теньгушек. Это и понятно, поскольку пенсионер - он и в Африке пенсионер, а пенсионер пользуется тем, чем его наделило государство. Вот наделило государство Джигурду известностью, он и известен миру и своей стране. Кто-то его обожает, а кто-то просто жалеет. Не знаю, как кто, а я лично Джигурдой увлекся и даже посвятил ему стихотворную подборку:

На телеке своем я на Джигурду набросился -
Телегероев, правда, нам часто не хватает,
Он с аудиторией не спорил и не ссорился,
А вещи интересные поведать обещает.

Жена его Марина во Францию уехала,
Джигурда же ехать туда отказался,
Она жила собою и своей потехой,
А Джигурда в России актером оставался.

Джигурда с Анисиной, по сути, развелись,
Но они по-дружески и теперь встречаются,
А все как у них дети совместно родились,
Хоть в России жить они не собираются.

А жизнь Джигурду с Анисиной сливает,
Потому как им в разлуке просто нелегко,
Она их временами все-таки сближает,
Что означает - счастье от них недалеко.

Чем кончится их встреча, мы пока не знаем,
Но жизнь для них делает жизненную скидку,
Однако мы как зрители им счастья пожелаем,
Пусть судьба подарит им общую кибитку.

А в кибитке той пусть возродится счастье,
А может, даже позднее нежданное дитя,
Пусть их все ж обходят всякие ненастья
И годы их совместные вновь слиться захотят.

Прочитал набросок - вроде терпимо. О том Джигурда не узнает до конца белого света, а вот чтобы узнали мои читатели - хотелось бы. У нас судья всему, конечно, читатель, перед каким я всегда склоняю свою голову и благодарности за терпение к моим стихам, каким дает жизнь и выпускает в свет издательский дом «Классик».

Не ведаю, было ли такое у других, только «Классик» впервые в моей жизни издал первую мою книгу, мой первый четырехсотстраничный роман «Годы Орлиные» в полета экземпляров, который был самолично «Классиком» привезен в Веселовку за двести верст от областного центра. Не знаю, чем руководствовалось издательство, только то же самое смог бы сделать и я лично, освободив «Классик» от трудных забот и трудных дорог. У издательства, видать, свои правила, за что я кланяюсь перед ним за доставленный мой роман прямо к моему порогу. Поклонюсь я издательству и за эту книгу, которая пока у меня в работе. Единственное, чего я хотел бы сказать «Классику»: в этой исповеди я выложил весь и вряд ли стану кому-либо полезным.

Временами сижу и гадаю: стоит ли мне после этой книги думать об отбрасывании мною копыт, поскольку я, по сути, выложил весь? Отбрасывать их мне, однако, страх как не хочется! Знаю, что Веселовка на моей могиле обо мне и слова не скажет, а коль скажет, то напомнит, что я был хорошим музыкантом, ведущим баянистом «Сударушки», которая радовала веселовцев своими концертами, без каких нынче белый свет просто не живет. Стандартные музыканты Веселовского дома культуры со своими электрогитарами, иониками, другими электроинструментами не могли затронуть душу так, как это делали наши с Алексеем Чеботаревым баяны. Лирические «Провожание» и «На закате ходит парень...» не вписывались в электронное сопровождение, а баяны поднимали песню на свою высоту, на жизненное проживание девичьего сердца, какое где-то пело, а где-то скорбело в любовном томлении и ожидании этой самой любви, которая не идет к встречному-поперечному, а ищет только своего кудрявого и черноглазого. Мы с Петровичем умели находить звук и тональность нашим баянам, какие плыли вместе с песней и исполнителями по тихому жизненному морю.

Насчет какой-то известности - я никогда к тому не стремился. Работал и жил, как весь мой окружной народ. Пятнадцать слесарных лет и двадцать пять снабженческих не подняли меня на какую-то высоту. О моих достижениях в слесарном деле и в снабженческом могла говорить лишь сфотканная фотографом моя физиономия на доске почета, где красовался и прочий передовой народ Веселовского депо. Такие доски я видел и в других организациях, куда меня заносило по снабженческим делам. Там тоже были передовые веселовцы. Связывало нас не менее как наше желез-

подорожное братство, наша железная дорога, какой мы служили верой и правдой много лет. Я так на сороковнике остановился. Хотел бы я в своем снабженческом деле еще попахать пару годков, но кадры депо знали свои функции и в нужный срок выпроводили меня на «дембель» без торжественных речей. Стукнуло шесть и три - отправляйся на свой «дембельский» покой, на каком я уже целых два десятка лет...

Нет, что ни говорите, а просыпаться утром и не собираться на работу непривычно, и даже обидно, что ты оказываешься лишним на этом свете для человечества. Сорок лет я как-то да был нужен, а тут какой-то жизненный разрыв. Наворачивались мысли: ты просто никому не нужен, в тебе ни производство, ни человечество не нуждается... На «дембеле» не иначе как попал во власть тишины, безделья и поиска места, куда себя приткнуть. Женка тоже на своем «дембеле» мается от скуки, но она каким-то образом отводит душу на своих бабкиных посиделках, на каких им наверняка есть о чем поговорить.

Как я заметил, бабки на дворовой лавке вообще не умеют молчать. Наверняка в своих воспоминаниях делились моментами молодости, ухаживания за ними кавалеров, первый поцелуй и проводы своего кавалера в армию. Одна бабка так ждала целых три года, какой вернулся, но не женился, а завербовался на какой-то БАМ, где нашел другую телку и на ней женился. Так что не всех у них, у баб, девичья судьба расцветала пышной розой!

Обо всем этом мне рассказывает моя Гульчатай-Кадиша да Рабига. Спрашиваю и я: а ты им что-нибудь о себе рассказываешь?

- Ну ты даешь, Темирбай-оглы! Что я, совсем потерянная? У меня есть ты, пусть и пенсионер, а у них мужей нет почти у каждой. У одних они окочурились от пьянки, у других просто отбросили копыта от старости, а у третьих пенсионерят, как и ты, и тоже не знают, куда себя деть, куда податься от скуки. Их часто видят по гаражам, где нет людей и глаза, где «родимая» льется ручьями и реками с песнями да плясками. Поселковый народ их не видит, да они никому и не мешают. Дома им с бабками скучно, а в гаражах раздолье. Хорошо, что у тебя, Сегизбай Калкенович, нет ни гаража, ни машины и ты не падкий на пузырь. Ты падок лишь на свою писанину, а это совсем другое дело.

- В молодости, Кадиша, и я ведь поддавал и даже приходил домой на ушах да на бровях...

- Ну, в молодости с кем не бывало! На то она и молодость, чтобы искать себя. Ты нашел себя в работе, потом в вечерней школе, потом в КазГУ, потом снова в работе, а на «дембеле» так тебя писанина засосала. Что ты там маракуешь - не ведаю, но главное, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...

Были эти разговоры нечастыми, а когда вышла моя первая книга в 2013-ом, Гульчатай моя так сказала:

- Не ожидала я от тебя, Тугамбай Калкен-оглы, такого движения твоего ума, сумевшего породить даже целую книгу! Жизнь, считай, мы с тобой, Темирбай Калкенович, прожили, ты и близко на писанину не бросался, а когда тебе стукнула семерка, так ты ударился в есенинское поле, какое пахешь уже целых двенадцать лет. Это не иначе как дурной пример, о чем с бабками надо посоветоваться: всю жизнь ни строки, а тут растележился на целых двенадцать лет и на целых пятнадцать книжек! Мне, кажется, бабки в том могут найти дурную примету. Какого характера она должна быть, надо будет у них узнать.

- А бабки-то твои откуда могут знать такое человеческое наваждение?

-Бабки, Орынбасар Калкенович, много чего знают, поскольку им всем по семерке да восьмерке шибануло. Одна из них так до девятки дотягивает. За свои годы они много чего повидали да поедали. Жизнь человеку чего только не преподносит! Здоровый мужик работал, ходил, детей растил, а пришел домой, поужинал, лег спать, уснул - и не проснулся... Это чего же ему надо было? Ладно бы там выпил рюмку, выпил две, закружилось в голове, но человек ни сном, ни духом не прикладывался к «родимой», даже на пиво смотрел, как на прокаженное существо.

- Ну, насчет нынешних «заснул и не проснулся» - такое случалось не только в нашей Веселовке.

- Было подобное в соседней Мойынтинке: заснул человек белым днем на диване у телевизора, какой смотрел сидя. Сидя так и заснул...

- Это такой век наступил или современная природа делает свое черное дело? Наверно, все-таки природа с нынешними атомными испытаниями да взрывами атомных электростанций, а больше, наверно, от дымных выхлопов миллионов и миллионов машин по всему свету от Москвы до самых до окраин, от Американского континента до большого Китая, от Австралии до миллиардной Индии, от Японии с Кореей до Балканских

стран со всякими Польшами, Болгариями, Грециями да Венгриями. Все они копят небо своими машинами, а это значит, мировую воздушную систему, какая не выдерживает бензино-солярочного дыма да керосинового у самолетов, каких на белом свете столько, что и не сосчитать. Люди этим как раз и дышат, от того, видать, и копытятся. Скопытюсь наверняка и я, Рабига Рыспековна, говорила же одна из бабок, что такая поздняя писанина во мне не к хорошему признаку. Этот нехороший признак, думаю, и есть отброс копыт, чего я не планирую на ближайшие десять лет. Во мне работают мысли, какие заставляют действовать пером.

- Надеивствовал ты, Азамат Калкенович, так целых пятнадцать штук, какие читаем ты да я, да вся наша семья. Прочим веселовцам они и даром не нужны, о чем говорит даже библиотекарьша.

- Так нынче ведь век нечитабельный, а интернетовский. В наши годы так читали от Гайдара до Пушкина с Лермонтовым и от Тургенева до Щедрина с его пьесами, какие ставились как бы не во всех театрах мира.

- Насчет мира не могу знать, а в театрах нашего большого Союза пьесы Салтыкова так ставились чуть ли не наперегонки...

Думал одно время написать пьесу и я. Думал: напишу и предложу нашему областному театру имени Станиславского. Там работают асы, и, может, что-то полезное для себя присмотрят в моей пьесе. О чем писать - не находил темы, тогда как мне ближе всего был железнодорожный народ. Думал, думал и не нашел ничего стоящего для просмотра большого количества людей. К тому же у Щедрина и Островского сплошь отрицательные моменты жизни тогдашней России. Может, тогда время было такое, и передовые писатели видели его.

Немало негатива передовые писатели видели не только в личной и семейной жизни, а где-то и в общественной. Конечно, были, скажем, у Островского и комедии из купеческого быта с его противоречиями и темными сторонами. С разной тематикой были написаны пьесы Островского, такие как «Свои люди - сочтемся», «Доходное место», «Горячее сердце», «Лес», «Волки и овцы», «Бесприданница» и даже пьеса-сказка «Снегурочка». Одной из самых значительных пьес по социальному направлению была пьеса «Гроза», в какой Добролюбов увидел и нашел «луч света в темном царстве».

Литературный критик и публицист Николай Добролюбов видел луч света в темном царстве исключительно точно и по-современному пра-

вильно. Работал в журнале «Современник», выступал против монархического буржуазного правительства, был против крепостного права, какое и было отменено в год смерти писателя. Добролюбов стоял на идеях крестьянской революции, в какой могут появиться новые люди с новым отношением к жизни и литературе, какая как-никак, а отображала эту самую жизнь. Стоя на позициях Белинского и Чернышевского, отстаивал реализм и народной литературы. Придерживаясь метода реализма и народности, у Добролюбова появлялись статьи и высказывания с подобной реалистической тематикой. До нас дошли такие статьи, как «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день?». Все эти статьи характеризовали произведения передовых писателей России. Жаль, что такой большой публицист и прогрессивный критик прожил всего лишь двадцать пять лет. Россия потеряла большого литературного деятеля, какой мог своими советами становиться литературе ближе к народу, отражать его жизнь полно и правдиво.

Анализируя писательскую и литературную жизнь прошлых авторов, писателей и поэтов от Пушкина до современных Шолохова, Исаковского да Твардовского, я понял одно: писателем надо родиться. Писательскому и поэтическому делу нигде не учат, ими становятся люди сами по себе, по своему призванию. Ну кто учил того же Пушкина, Лермонтова, того же Есенина, Маяковского с Твардовским писать такие классические произведения? Они это делали по решению их души и сердца.

Наверное, делаю это и я, состряпав аж целых пятнадцать книг. Что в них, говорить не буду, но я старался хвалить многие стороны моей жизни, моей родни, моих друзей и знакомых. Что-то у меня получилось, а может, чего-то я и недоглядел. Сейчас вот подумываю над этим. Чего недоглядел, хотелось бы усечь теперь и воткнуть и в эту мою исповедь. Жан-Жак Руссо все предусмотрел в своей «Исповеди», отчего его книга многое выиграла в его время и спустя триста лет. Такой хватки у меня нет, не было и не будет, потому моя исповедь похожа на рассказ пьяного бомжа, какого подпоили и попросили рассказать о своей жизни, какой она была и как он докатился до такого состояния. А по пьяной лавочке чего не расскажешь! Расскажешь даже то, чего не было и быть не могло. У писателей, говорят, есть такое наваждение. У настоящих, может, и правда есть, а у такого бумагомаки, как я, ничего путевого быть не может...

Перелистывая свои прозаические и стихотворные книги, я усекал, однако, в них какую-то живую жизнь. Вот усекал - и все, хотя и не знал, видел ли эту жизнь читатель. Я же не для себя стряпаю свои книги, а только для читателя, для какого живет душой и сердцем любой пишущий человек. Вот в моей пока мертвой книге «Веселовские рассветы» привлекло внимание стихотворение «О стихах». Пробежал его сверху вниз и снизу вверх и нашел, что все в нем правда. Правда в том, что стихи не стареют, а стареют те, кто их создают, то есть поэты. Было же такое, когда поэты уходили из жизни сто, двести, триста, а то и тысячу лет назад, а стихи их живут и по сей день.

Венгерский поэт Шандор Петефи, живший двести лет назад, современник Пушкина, Лермонтова и Белинского, так водном из своих стихотворений он защищал актерское ремесло, артистический талант. Увлёкся эти стихом и я, отчего хочу познакомиться с ним и вас:

Сердец мы властелины!
Хотим - у вас у всех
Сейчас польются слезы,
Хотим - раздастся смех...
Апостолами правды
Обходим мы страну
И славим, добродетель,
Тебя, тебя одну.
Высокую задачу
Мы на себя берем,
Так будем же гордиться
Актерским ремеслом!
Но если слово правды
Дарит тебе народ,
Мы сами поступаем
Совсем наоборот.
Тогда мы не актеры,
Провал нам поделом,
И нечего гордиться
Актерским ремеслом!

Ну, не знаю, как кто, а я так кланяюсь актерской профессии и всем актерам земного шара. Конечно, нашим так особенно, потому как они с нами и потому как они показывают нашу жизнь где-то прошлую, а где-то и настоящую. Ну как не поклониться памяти того же Николая Крюкова, Бориса Андреева или Василия Шукшина и всем, кто ушел из жизни и кто доживает свой век? Профессия актера просто незабываема, потому как она вторгается в человеческую жизнь. В этом как раз и не откажешь Шандору Петефи.

А те, кто жили тысячи лет назад, то есть до нашей эры? Тот же Гомер со своими «Илиадой» и «Одиссеей» или тот же Аристотель, какой был воспитателем Александра Македонского, тот же поэт-комедиограф Аристофан, также живший в античную эпоху. «Илиаду» и «Одиссею» даже изучали в мое время в школе в старших классах. Так что, наверно, я все-таки был прав, когда в своем стихотворении «О стихах» сказал:

Стихи не стареют - стареют поэты,
Об этом с экрана поведал ведущий,
Такого поверья в моей памяти нету,
Что может гласить: я и есть отстающий.

Ну как не понять, что стихи не стареют,
Да разве «Онегин» оброс сединой?
Лет двести умами землян он владеет,
Такой молодой же, такой же живой.

А эти, что кликались «надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов»?
Стихи прошли века в жизненных потоках,
Не старясь ни в народе, ни в мыслях мудрецов.

Нет, стариться стихи просто не умеют,
А поэты все же горбятся, сдают,
Они теряют молодость и потихоньку тлеют,
И пыл свой стихотворный в мир не выдают.

Где-то рядом с ними и я кувыркаюсь,
Где-то что-то стряпаю днями и ночами,
Своим стихотворениям то радуюсь, то маюсь,
Выходя в свет Божий к читательским очам.

Как поэт стареть я вовсе не желаю
Ни душой, ни телом, ни жизнью, ни судьбой,
Я музу свою верную всем сердцем обнимаю,
Живу ее любовью и ее борьбой.

Мне не нужны ни слава, ни имя, ни богатство,
Мне нужны лишь книги и читатель мой,
Мне необходимо читательское братство,
Когда читатель будет, то буду я герой!

«Когда читатель будет...». А где его нынче взять? Не раз интересовался у библиотекаря Галии: в ее библиотеку почти не заходят, не то что было прежде, двадцать-тридцать, а то и десять лет назад. Забегают школьники и берут то, что им нужно по уроку литературы. Для души же они никогда ничего не берут, как и те же студенты-заочники. Не берут даже самых известных мировых писателей, атакую мелочевку, как Максим Веселовский, то есть я, вообще обходят стороной. Их не привлекает даже красота моих книг, vyplненная типографией «Арко», какой я просто кланяюсь. Хочу навалиться на веселовского читателя теперь вот и этой книгой «Веселовская исповедь». Как к ней отнесутся веселовцы - ума не приложу, но думаю, что так же, как и к остальным другим, то есть чихнут на нее и так же поднимут ногу.

Теперь, когда я иду по своему девятому десятку, с писаниной уж точно надо завязывать. Гульчатай говорит, что она от этого будет просто хлопать в ладоши, а я не иначе как от бездействия запью и тут же отброшу копыта, чего я боюсь и не желаю отбрасывать их до 2030 года. Стукнет мне тогда девяносто четыре, до каких мирные люди и сегодня доживают сплошь и рядом. В Веселовке, говорят, таких долгожителей аж с десяток наберется, почему бы и мне не составить им компанию?

Наверное, и правда надо где-то просто позавидовать пенсионерами, какие живут долго и в свое удовольствие. На своих машинах рассекают

воздух Веселовки, выезжают в ту степь на охоту и на рыбалку и просто считают, как они помнят, что жизнь и правда дается только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно... В общем, надо делать так, чтобы жизнь была прожита не зря ни в сегодняшний день, ни в завтрашний, ни в последующий.

Женка мне давно советует завязать встречи с Пушкиным, Лермонтовым да Есениным, я ей обещаю, но не выполняю. Не потому, что у меня слабый характер и что я безвольный, а потому как не умею и не знаю, как убежать от чертовых стихов, какие достают меня даже на прогулке в той степи, а то и за обедом и даже во сне. Ну кому на них пожалуешься? Я и не жалуясь, а просто тискаю в дневнике, потом на печатной машинке «Москва», каких нынче не встретишь ни в одном, даже самом классном супермаркете. Отпечатанную вещь отправляю в «Классик» в надежде, а когда она выходит отдельной книгой, я улетаю на седьмое небо. Таким вот образом я взлетал пятнадцать раз, отчего столько же раз кланялся «Классику» и типографии «Арко», какие стали для меня жизненным подспорьем.

Не хочется терять связи с «Классиком». Вот если он выдаст на-гора эту мою исповедь, после какой я и хочу завязать с писаниной, то не уверен, что смогу это сделать свободно и с легкостью. Это значит, надо забыть о Лермонтове и Есенине, об Исаковском и Твардовском и вообще о поэтах, какие жили когда-то, живут и теперь. Я так с удовольствием читаю в «Просторе» Валерия Михайлова, Любовь Шашкову, Надежду Чернову (ее «Зеленая луна» в мартовском номере «Простора» меня по-своему очаровала, как те же «Степные миражи» и «Мифологический сюжет», «Казачий круг», «Иголка и нитка» и «Мой сокровенный», посвященный Валерию Азарову, какой зачарованно смотрел на нынешний мир).

Мой сокровенный, улетаешь век
Пустой водой, потоком быстротечным.
Весельем праздным, пиром бесконечным
Спасается от смерти человек.
Мой сокровенный, демоны идут!
Их оперенье вечным льдом искрится,
Отрешены их каменные лица,
Под их ногами нарастает гуд.

Гудят, гудят подземные моря,
Из темных недр выталкивая горы,
И демонов пронзительные взоры
Над потрясенной бездною горят.
А там лежат в руинах города,
В людской давящие стоны и моления,
И снова проклят первый день творенья,
И день последний проклят навсегда.

Я вообще преклоняюсь пред «просторненцами», пред теми, кто трудится в этом журнале, и пред теми, кто в нем печатается. Прежде с таким же волнением и с такой же любовью я относился и к астанинскому журналу «Нива», какой в августе 2015-го был закрыт, а по мне так уничтожен, как враг народа, какими-то казахстанскими людьми и силами. Кому журнал насолил и наступил на пятки, я не представляю, чем он провинился перед государством, перед литераторами, литературой и перед читателями - тоже, только журнал просуществовал двадцать пять лет и в 2015-ом кому-то насолил. Я перелистал, пересмотрел и перечитал целую гору этой «Нивы» и ничего не нашел антипартийного, антилитературного, античитательского, какое послужило бы причиной закрытия. О том самом говорит и ответ вице-министра А. Ажибаева, какой на мое письмо о причине закрытия «Нивы» так откровенно в своем официальном письме на мой адрес и лично мне отвечал: «По поводу журнала «Нива» в адрес министерства со стороны редакции уведомления о закрытии не поступало. Вместе с тем мониторинг СМИ на предмет нарушения законодательства РК касательно журнала «Нива» нарушений, которые могли бы послужить закрытию журнала, не выявлены».

Подумал: нарушений не было, а журнал взяли да закрыли... Кто это сделал и с чьего ведома — самому черту не разобраться, только журнала нет уже целых три года, и неизвестно, сколько это «нет» продлится. На восемнадцать миллионов казахстанского населения в республике для русскоязычного населения остался один-единственный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Простор». «Один в поле не воин» — сказано не нами, а мудрецами, потому потребность в возрождении «Нивы» остается по сей день, и думается, что какие-то про-

грессивные силы страны «Ниву» возродят и тем самым воздадут память создателю этого журнала, большому поэту Казахстана Владимиру Гундареву, какой журнал породил и двадцать пять лет его редактировал до самой своей смерти. После его смерти умер и его журнал.

Удивительно, что силы, закрывающие журнал «Нива», не стали ждать окончания 2015 года, чтобы с нового 2016-го объявить читателям, что журнал выходить не будет, подписку на него не производите. Ничего этого не произошло, журнал с августа 2015-го бросили в темницу, как преступника, в какой он находится и по сей день. Как рассчитывался журнал с подписчиками, которые обычно подписывались сразу на год, не представляю, только этим подписчиком был, конечно, и я.

А по жизни, как говорили многие подписчики «Нивы», журнал являл собой истинный пушкинский журнал «Современник», какой возглавляли Жуковский, Плетнев, Некрасов, Панаев. Идейным вдохновителем журнала был Белинский. Что важно, в журнале сотрудничали асы литературного пера, такие как Герцен, Тургенев, Толстой, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов. Что удивительно, «Современник» дожил до самого 1915 года. А дальше, понятно, революционные будни, когда было не до литературы...

Такова вот печальная история большого и умного журнала нашего Отечества, какое по неизвестным причинам «Ниву» закрыло. У читателей остается надежда на республиканские силы, какие в новом году журнал возобновят и принесут радость читателям. Надежда читателей не есть грех, потому они и ждут возрождения «Нивы». Государственные власти не должны проигнорировать надежду и мечту прежней тысячи подписчиков журнала, каких с новой подпиской будет как бы не вдвое больше. Читатели живут надеждой!

Глава двадцать четвертая

Садясь за эту главу, прочел предыдущую нечетную и решил на этой четной с этой книгой покончить. Не знаю почему, только она у меня почему-то истинно сидит в печенках. Я устал от нее и думаю, что с писаниной буду завязывать. С прозаическими вещами я уж точно завяжу, а с поэтикой

как получится. У поэтики непременно свои законы, нарушать какие я вряд ли решусь. Ночами, правда, теперь я не соскакиваю, а если что-то находит на меня, то случается это больше в той степи на прогулках, куда я не забываю по привычке брать с собой мой героический блокнот с ручкой.

Не знаю почему, но в степи лучше думается. То ли от того, что ветры колышут седые ковыли и другие экзотические травы, то ли потому, что передо мной, бывает, выскакивают суслики и бегут куда-то по густой траве. Про себя так соображаю: тоже ведь живые существа, какие родились, возможно, с первым человеком, с мамонтами, с прочей живностью, какая рождалась и перерождалась и в своем теперешнем виде дожила до нашего времени. Конечно, подумал, у сусликов есть сусличата, какие подрастут и тоже будут иметь свои норки и своих сусличат, потому как это живая жизнь.

Не знаю, что может быть выше на земле этой живой жизни? В муравьиных кучах та же живая жизнь, над какой я частенько стою и наблюдаю живой черный клубок, какой в движении и в какой-то своей работе. Не раз прикидывал: есть ли у муравьев мысли, как у человека? О чем они думают, о чем договариваются, как решают свои жизненные вопросы? И есть ли у них командир, какой дает какие-то указания, или у них вся их жизнь происходит стихийно?

Такая вот всякая всячина набегаёт на меня на моих степных прогулках. А что, оказывается, в степи я вовсе не одинок! Живут муравьи, суслики, разные птички-невелички и живая трава, живые ковыли, какие дают жизнь пробегающей сайге, сайгачатам и чабанской отаре, с какой я встречаюсь часто и густо и даже беседую с пастухом, с каким мы друженски толкуем на разные темы. Пастух говорит, что предки казахов времен Абая, Темирбая да Бухар жырау скота имели считано-несчитано, а теперь это только слезы. Эта отара из сотни овец, а хозяев у нее как бы не на треть

меньше. Выходит, нынешний хозяин только тройкой овец и владеет. Конечно, далеко не густо...

А все как время такое наступило. Сейчас ведь кругом цивилизация, люди на собственных машинах воздух рассекают, бараны им до лампочки. Если в доме есть старики, то они и заведут пару-тройку барашков, а без стариков наша степь понятия бы не имела, что такое живая отара, какая хозяину дает живое подспорье. Зачем им магазинное мясо, когда у них на праздничном тое собственный бешбармак? Традиции предков надо тоже уважать!

В рассуждениях встречного пастуха отары наверняка была своя логика. Конечно, мир сегодня стал не тот, что был пятьдесят и сто лет назад, не тот даже, каким он стал двадцать лет спустя. Все в жизни поменялось, а главное — поменялись люди. Стали они более целеустремленными, более прогрессивными, более рассудительными. У них и планы на жизнь дальнейшую грандиозные, планы живые, а не хрущевские, какой обещал, что наше поколение будет жить при коммунизме. О чем думала его лысая голова, пусть разбирается история, только коммунизма того не стало ни при нем, ни после него.

После него многое изменилось как в жизни, так и в литературе, какая сопровождала эту самую жизнь. Читая, к примеру, нынешний июльский журнал «Простор», увлекся многими авторами, какие хорошо знают нынешнюю жизнь. Это Татьяна Фроловская, Любовь Шашкова, Николай Колинко, Ольга Абишева. У Татьяны Фроловской так вычитал слова Сергея Есенина, о каких я не знал ни в свою молодость, ни даже в старости: «Пишите письма, обращайтесь к собеседнику с пером в руке, только тогда вы выразите самое искреннее, самое сокровенное».

Что имел в виду наш большой литературный классик, когда имел в виду перо в руке, я не представляю. С пером в руке это больше похоже на журналистские замашки, где газетчик беседует со своим героем. Там, возможно, и следует доставать свой блокнот и записывать что-то значительное, искреннее и сокровенное. Не ведаю я журналистской профессии, но думаю, что в ней как раз и следует выходить к собеседнику с блокнотом и пером. Но наверняка есть и асы журналистского мастерства, какие весь разговор с собеседником держат в памяти без всякого блокнота, после чего у себя тут же все выкладывают на бумажный лист. Со мной лично не бесе-

довал ни один журналист, потому как я того не заслуживал. Был я передовым слесарем, передовым снабженцем, на доске почета красовался, а вот побеседовать со мной за всю мою жизнь не решился ни один журналист. О друзьях моих так пели дифирамбы, прославляли их на всю деревню, на всю нашу Веселовку, о каких я читал и даже завидовал их известности в юроте и на селе.

Не сказать, что у меня нет тяги к прославлению, но как-то выдвигаться вперед других я не умею. Не умею телепаться и выпендриваться перед начальством, мелькать перед их глазами и какими-то образом выставляться. Такие в Веселовском депо бывали, начальство их усекало и даже просило редакции черкануть нечто о том-то и том-то. Журналисты «Веселовской нови» приезжали и делали свое дело. Но то было в прошлом, то было давно, какое для меня не забывается и теперь, когда я уже иду по своему девятому десятку.

На этом девятом десятке я завидую мастерству журналистов журнала "Простор», таких как, скажем, Любовь Шашкова, которая в своей статье в седьмом номере «Душой к душе, судьбой к судьбе» рассказала о книгах наших казахстанских авторов, какие вышли в наших республиканских издательствах в 2017-ом. Некоторые из этих авторов, такие как Бахытжан Канпьянов, были даже изданы за рубежом. Книги таких наших авторов, как Адольф Арцишевский, Гадильбек Шалахметов, Татьяна Чернова, Светлана Ананьева, Темирбулат Ахметов, Ольга Григорьева, Юрий Поминов, Ольга Шиленко, Сергей Комов, Любовь Медведева, Евгений Титаев, Александр Курленя, я читал в «Просторе» и просто кланялся им за их произведения, какие как-то хватали за душу. Не знаю, как кого, а меня легко хватали.

Может, это потому, что я дед во сто шуб одет и падок на все новое и неизведанное? Ну как можно было остаться равнодушным к стихам Любови Медведевой в третьем номере «Простора», тиснутым под общим заголовком «Живая вера»!

Птицы в кроне единой щебечут,
Золотой отмечая восход,
Мир увидеть на общие плечи
Любопытное солнце встает...

Ах, как тонко все подмечено! Я тоже иногда грешу стихами, но заметить такое у солнце у меня вряд ли хватит тямю. Не хватит у меня тямю рассказать о себе так, как это сделал Сергей Комов в автобиографической повести «Когда я работал бетонщиком». Лично я бетонщиком никогда не работал и понятия не имею, как там все делается, а вот пятнадцать лет я прослесарил ударно, и, может, оттого ударно бегали и тепловозы, какие я так ударно шаманил. Вещь, подобную комовской, мне тоже хотелось бы состряпать, особенно теперь, когда иду по своему девятому десятку. Жизнь, считай, прожита, а значит, есть что сказать о ней. Так не сказал ведь, ишак бухарский...

Уже в декабрьском номере «Простора» за прошлый год в нашем Петропавловске, через какой железные дороги ведут в соседнюю Россию, прочел местного поэта Александра Курленя. Прочел его «Морскую чашу», «Бориса Пастернака», «Сад камней», «Памяти мамы». Особенно зацепило меня вот это:

Я люблю эту женщину, Господи!
Я пред ней в неоплатном долгу,
Хоть к ногам ее звездные россыпи
Постелить никогда не смогу.

Не одену в меха соболиные,
Не осыплю алмазным песком,
Но за нею дорогою длинною
По Вселенной пойду босиком.

Через черные дыры и тернии.
Через скопище страхов и бед,
По тропинкам, во мраке затерянным,
И неоновым трассам комет.

И, ступни ободрав астероидами,
Настрадавшись на Млечном Пути,
Ей скажу после вечности пройденной:
«Я пришел. Я не мог не прийти»...

Ну, давайте посидим, подумаем, вникнем... Господи, ну каким надо пило обладать талантом, чтобы сказать: «Ступни ободрав астероидами, настрадавшись на Млечном Пути»! А по Вселенной пройти босиком? Я считаю, что это стихотворение - просто шедевр поэтического поднебесья. Это как же надо было любить женщину чтобы посвятить ей такие красивые небесные строки!

После этого стихотворения посмотрел на свою Надежду-Гульчатай-Кадишу и подумал: она тоже достойна этого курленевского стиха! Мы вместе с нею уже шестьдесят годков, шесть десятков лет, какие сплотили нас и слили воедино наверняка до конца наших дней. В молодости, на первых юдах нашей совместной жизни я пытался умыкнуть свою женку из Веселовки в ту степь, в наши казахстанские города и городки, но Надежда моя, Гульчатай и Кадиша, была непреклонной: из Веселовки ни шагу, ни сан тиметра, хоть ты устели ее путь коврами. Хочешь - уезжай, живи, женись, я даже алиментов с тебя требовать не буду, а значит, и досаждать тебе по стану...

Конечно, никуда я не уехал, никуда не подался, хотя и были предложения из соседних с Веселовкой депо. Так что в Веселовском депо я отшаманил сорок лет, и оттуда выпроводили меня на «дембель», на каком я уже два десятка лет. На «дембеле» мне только и остается, что ударяться в "Простор», какой я читаю от корки до корки, чем-то крайне увлекаюсь, а что-то читаю без смака.

А увлекаюсь я тем же Александром Курленя, Любовью Шашковой, Надеждой Черновой, Ольгой Шиленко. Ольгой Шиленко так особенно, поскольку она, будучи редактором «Простора», впервые в моей жизни выставила меня в журнале напоказ читателям журнала в тыщу штук, в тыщу добросовестных подписчиков, среди каких был и я. Кроме моей физиономии, журнал поместил и мою первую в моей жизни печатную ведь под названием «Душевная повесть». До этого номера человечество вообще не шало о моем существовании, а тут на тебе! Полторы тысячи читателей узнали о прорехе на человечестве Максиме Веселовском, какой проживает в железнодорожном поселке Веселовка.

Узнали о Максиме Веселовском и в «Просторе» за август 2013-го, когда на этот раз только тысяча сто подписчиков прочли выдержки из поэмы "Диалог с другом". Вместился я на двух страницах без всякой моей фи-

зиономии. Как бы там ни было, а подписчики и просто читатели узнали о некоем Максиме Веселовском, какой мнит себя поэтом и даже прорывается в журналы...

Как бы там ни было, а в моей исповеди надо бы сказать, что в целом я родил за двенадцать лет пятнадцать книг, какие раздаю друзьям и родне. Для тех, кто книг моих даже в глаза не видел, так сообщу хотя бы их названия. Просто так, авось кто-то заинтересуется только одним названием и шмыгнет в библиотеку, где все эти книги хранятся и просто ждут своего читателя: «Мои Веселовские зори», «Мой причал», «Жизнь ты, жизнь», «Веселовские рассветы», «На есенинской волне», «Поэтические этюды», «Мои поэтические завихрения», «С миру по нитке», «Жизни моей колесница», «Жизнь на ладони», «Мои дороги», «Пестрые письма: книга вторая», тогда как есть «Пестрые письма: книга первая», «Жизнь моя забубенная», «Душевная повесть». Все это вылилось в пятнадцать книг, какие вышли в свет. Кувыркается в моих записях вот эта последняя «Веселовская исповедь», на которой я оставляю свою писательскую деятельность.

А чего тут, собственно, хитрить? Если выйдет и эта исповедь, то в моем творческом арсенале получится шестнадцать книг разного размера и разного характера. Ну, до шестнадцати, по-моему, даже Достоевский не дотянул, а я так, считай, и его переплюнул. Эта говорю вам как автор, это знает издательский дом «Классик», а прочий народ обо мне понятии не имеет, даже моя кровная Веселовка.

Перелистывая «Простор» разных лет в февральском номере 2014-го, наткнулся на свою статью из семи страниц «Играй, гармонь, в стране и в сердце». Прочел еще раз. Да, хватило у меня все-таки тямю посвятить себя передаче «Играй, гармонь», какую я безумно любил и с нетерпением всегда ожидал ее начала. Последние годы стал записывать куплеты, частушки, песни - все торжество русской души в городе и на селе, в далекой русской глубинке, где и по сей день живет русская гармонь с есенинскими мотивами.

Перебирая старые записи «Играй, гармонь», наткнулся на слова:

А в Иванове вся Россия,
Вся Россия живет и поет.
У кого бы вы здесь ни спросили,
Сердце каждого праздника ждет...

Ждут этого праздника и сегодня, ждут передачу «Играй, гармонь» и в моем маленьком доме, где она приносит свою радость и какое-то свое счастье. Наш казахстанский зритель наверняка помнит «Играй, гармонь» на Кокчетавщине, где звучали русские и казахские песни, в унисон сливалось звучание домбры и баяна. Сердце радовалось нарядной публике, пришедшей на праздник песни и дружбы между россиянами и казахским народом. Здесь, на Кокчетавщине, прозвучала и добрая частушка:

Поднять престиж гармони русской
Заволокины смогли,
Быть всегда родной и близкой
Ей у матушки-земли!

Наверное, и впрямь гармони русской предначертано быть родной и близкой для многих и в наше время. В 2011-ом передача «Играй, гармонь» отмечала свое 25-летие. В искусстве, в песенном жанре и в песенной жизни эти годы - годы зрелости. У передачи широкий шаг по земле, в ней живет великий дух народа, его душа, его судьба и его большое будущее. Ведь «Играй, гармонь» всегда живет любовью у русской песни и к русской мелодии, живет в большой стране и в сердцах тех, кто любит песню и ее душу.

С 1986-го по 2013-ый «Играй, гармонь» бежала на казахстанском телевидении без помех. Что нынче наехало на наших телевизионщиков - не ясно, только у нас теперь этой передачи нет, тогда как в России она идет регулярно. Какие силы закрыли у нас эту передачу - Бог весть, только не, известно, когда она возвратится. Думается, что передача эта к нам никогда не возвратится, потому как у нас есть силы, какие этого просто не хотят. Не хотят они слышать:

Растяни меха, гармошка,
От плеча и до плеча,
Пропоем мы вам страданья
Про Геннадия Дмитрича.
Заволокина гармонь,
Ах, как она играла!

Мою душеньку гармонь
 На части разрывала.
 Пусть гармошечка играет
 И поет на голосах,
 Пусть помнят Заволокина
 Даже наши небеса.

Да, память о Геннадии Заволокине без передачи «Играй, гармонь» просто начинает гаснуть. Минует еще одна пятилетка без той гармонии, и мы вообще забудем, что был такой энтузиаст русской гармонии, русского баяна и русской песни...

Не хотелось затрагивать тему об «Играй, гармонь», только душа моя и, наверно, других людей ждет ее уже целую пятилетку. Ждет и никак не дождется. А по России она крутится и шагает от города к городу и от села к селу. Двадцать пять годков передача радовала людей в России, у нас в Казахстане, а может, и еще где-то в СНГ, только такого счастья нет уже целую пятилетку. Не хочется влезать в политические и прочие дебри нашего бытия, только хотелось, чтобы у нас в стране все делалось бы полезное, нужное и душевное для людей, для казахстанцев, какие умеют работать, дружить и веселиться.

Я как баянист-любитель всегда кланялся всем гармонистам и баянистам и передаче, показывающих свой класс и свое мастерство в городе и на селе. Село и нынче остается селом, хотя на его улицах проложен асфальт, на каждом доме телеантенны, в домах вода, тепло и канализация. Однако русская песня в нем продолжает жить, как продолжает жить и русская гармонь.

Это, вероятно, и заметил большой музыкант страны, большой артист из Новосибирска Геннадий Заволокин, какой и дал жизнь ансамблю «Частушка» и ее передаче «Играй, гармонь», какая в 2016-ом отметила свое красивое и боевое тридцатилетие. Как и что там делалось - Бог весть, потому как казахстанцы лишены были видеть такое мероприятие. Телевидение, однако, сообщило в своих новостях об этом в нескольких словах. Единственное, что мы знаем: двадцать лет «Частушка» и «Играй, гармонь» остаются без своего создателя и вдохновителя. Благо, что передача и «Частушка» живут под руководством детей Заволокина на радость всему СНГзскому братству...

Об известных «Простору» авторах, таких как Александр Курленя, и уже говорил. Хотелось бы несколько задержаться на Надежде Черновой, на ее автобиографических послылках, уместившихся в двух номерах «Простора» - девятом и десятом за 2008 год. Признаюсь, ничего подобного доброго, правдивого, нашего человеческого, истинно документального, даже с фотографиями, за всю свою жизнь я не встречал. Что-то близкое о себе и своей семье, о своих слугах и родственниках говорил Жан-Жак Руссо в своей книге «Исповедь», но триста лет назад. У Руссо главенствует художественный дух с разговорами, с прямой речью, а у Надежды Черновой - истинный живой рассказ о своем поколении, своих отце-матери, де-душке-бабушке, дядюшках-тетушках, братьях-сестрах. Считаю, что «Когда зацветает шиповник» - казахстанский литературный шедевр, который достоин по своему содержанию и автобиографической наполненности книги рекордов Гиннесса. Не знаю, известна ли эта книга Черновой за рубежом, только она достойна быть таковою. «Шиповник» зарубежный читатель прочтет с таким же удовольствием, как и наш читатель.

«Шиповник» увлек меня настолько, что я даже записал в свой дневник вот эти слова: «Один из мотивов писания - та же необоримая скука, то есть тоска одиночества, и потому желание оставить на память кое-что о моей личности, если она может кого-нибудь занимать». Меня на моем «дембеле», какой длится уже два десятилетия, тоже донимала скука, безделье, ничегонеделание. В моем доме ни курчонка, ни поросенка, ни кота, ни собачонки, а только я да моя женка Надежда-Гульчатай-Кадидиша да Акмарал, телящик «Самсунг» и мобильные телефоны с прочей современной электроникой, с какой моя женка расправляется, как повар с картошкой, а я не смыслю, как первобытный человек. Ко всем этим инструментам я тупой, как сибирский валенок, а женка моя боевая, как электровеник.

На «Шиповнике» Надежды Черновой не успокоился и стал искать ее в других номерах «Простора». Нечто подобное я надыбал в номере двенадцатом за 2008 год, какое носило название «Благодатный дом» и состояло из восемнадцати стихов. Увлёкся всей стихотворной подборкой. Да, кроме прозы, Надежда Михайловна аховски шарит в поэзии, в поэтическом поле. Стихотворная пахота Черновой красивая, глубокая, истинно крестьянская, без вмятин и огрехов. Я так восхищался вот этими строчками, какие напоминают бывшую Россию, бывший СССР и наш отече-

ский казахстанский дом. Не удержался и выписал у Черновой несколько куплетов:

Комары на закате гнусили,
Красный чибис влетел над песком,
День и ночь не кончалась Россия,
Был повсюду отеческий дом.

И я помню, что помнить не в силе,
Ведь на свете меня уже нет:
На лесной срединной России
Еду в степь, где кончается свет.

Но в горах золотого Усть-Камня,
Но в иртышских равнинных песках,
Еде разносится ветром веками
Поколений беспамятный прах,

Мы скитаемся с воздухом синим,
С летним солнцем, что в полдень слепит.
И повсюду, повсюду Россия,
Даже здесь, в азиатской степи.

Русским словом мы хлебушек солим,
Дикий мед русским словом пропах,
И в ковыльном нехоженом поле
Все мне кажется: это на воле
Пляшет Русь в белой пене рубях!

Посидим, вчитаемся, подумаем... «Русским словом мы хлебушек солим, дикий мед русским словом пропах»... «Пляшет Русь в белой пене рубях!»... Так это же бывшая русская деревня с ее удивительно красивым, веселым, добрым и щедрым народом. В азиатской степи такие же красивые и гостеприимные люди, какие поделаются и хлебом, и медом, и жилищем, если путнику негде остановиться... Поэтессе я говорю коп рахмет. «Благо-

датный дом» стал бы моей настольной книгой, выйди она отдельным изданием. Может, где-то существует подобная книга, только я в своей Тмутаракани ее не встречал.

В декабрьском номере «Простора» за 2011 год вновь наткнулся на стихи Надежды Черновой. Хорошо колышет свою музу поэтесса и крепко растит свою стихотворную строку. Цикл стихов под заголовком «На склоне лета» тоже пленил меня, и я просто удивлялся таланту Надежда Черновой. Богат, оказывается, Казахстан поэтическими светилами, какими нужно только погордиться! Может, у нас в Казахстане наступил особый поэтический век, когда наша красивая и вольная жизнь возвышает наши мысли? Для поэтессы же не время является ее поэтической судьбой, а ее собственный врожденный поэтический талант стал ее писательской и поэтической судьбой.

И что мне времена? Душа времен не знает,
Свободна, как и встарь, свободна, как всегда.
Качается ковыль, светлеет даль степная,
Синеет небосвод и копится вода.

Качается ковыль. Вода пронзает камень.
Приходит к деде луч, воркует голубок...
Все видела душа, поднявшись над веками,
Ей чужды времена, ей не исчислен срок.

Много стихотворных подборок у Надежды Черновой, как много и прозаического наплыва, среди какого «Великие скитания», «За красным солнцем», «Etcetera», «Мороз-травя» и другие. Я их прочел - джуге гарно, а вот рассказов писать я не умею, потому как тупой. Рассказ - это же маленькое повествование, а в нем таланты могут вместить целую судьбу. Не приходят ко мне рассказы на ум, поскольку я не могу придумать, какую идею можно в него вложить. А вот Надежда Чернова вложила свою идею в рассказ «Крыльцодед». Я тоже хотел бы всех слышать и всех видеть, всем улыбаться, всех любить и всем желать счастья...

А разве у меня хватит тямы написать дневниковые этюды, как в «Etcetera»? Да куда там притукнутому веселовцу... А вот почитайте, друзья,

«Etcetera» - не соскучитесь и уж точно обогатитесь знаменитыми именами нашей планеты, какие живы в литературе и в нашей памяти. Хотя бы негромкий Анатолий Ким - литератор, журналист, переводчик, налегший на перевод великого Ауэзова. Таких литераторов мы не всегда видим во весь рост и во всю ширину.

Насчет Беллы Ахмадулиной из дневниковых этюдов Надежды Черновой говорить не буду, поскольку о ней полно и классически верно говорено до меня. Говорили о ней и восхищались ею наши казахстанские литературные богини Инна Потанина и Мила Лезина, боги своего дела Владимир Хлебников и Медеу Сарсекеев. Говорила свое слово та же богиня Надежда Чернова, какая воочию видела Беллу Ахмадулину и ее подростковую дочь Лизу в Пицунде. Была Белла Ахмадулина и у нас в Алма-Ате, где выступала со своими стихами.

Увлеч меня и дневниковый этюд Черновой «В парке Паркинсона», где речь о перепадах творчества у нас, представителей литературного мира, к каким я бы отнес и собственную персону - самозваного поэта и писателя из глубинного села Веселовка Максима Веселовского. Речь в рассказе о престарелых авторах, писателях-поэтах планеты, какие творили, работали, писали даже в свои самые преклонные годы. Отродясь не ведал я, что Софокл написал свою гениальную трагедию «Эдип» на сотом году жизни. Откуда мне, пещерному, было знать подобное? А Чернова это знала, потому как она литератор большой руки. Только сегодня я узнал, что Толстой, Вольтер, Гете, Бернард Шоу создали свои шедевры в восемьдесят лет и старше. Американский поэт Уолт Уитмен так вообще мне близкая родня, потому что, как и я, начал писать в семьдесят лет и даже стал американским литературным классиком.

Максим Веселовский, то есть я собственной персоной, начал писать, как уже говорилось, в семьдесят лет, когда уже десять лет до этого был на «дембеле» и просто по-своему, по-пензионерски валял дурака. А вот когда мне шибанула круглая семерка, тут отчего-то проснулся во мне дух Лермонтова и Есенина. Именно с этих семидесяти и начался мой ускоренный ход по литературному полю, на каком я за двенадцать лет напыхал пятнадцать книг в стихах и прозе. Им до высот Надежды Черновой как до Лондона пешком, однако они вышли в свет по двадцать штук каждая и потому неизвестны читательскому миру. Нынче в свои восемьдесят два я тоже, как

и Николай Раевский да Максим Зверев, Асан Кайгы и Шалкиз, продолжаю писать и так же, как Максим Зверев, рад, что нас печатают даже в наши забубенные годы...

Не знаю, как там было во времена Зверева, только в мое время, в мой век меня, простое стариковское чучело, издательский дом «Классик» печатает все, что я ему предлагаю. Шедевров Черновой у меня нет и не будет, только меня все равно тискают, и я каждый раз с благоговением держу в руках свою новую книгу. Сейчас их у меня на руках пятнадцать, а вот эта последняя «Веселовская исповедь» наверняка завершит мой творческий путь. Все, чем я жил и как жил, мною поведано миру, остается только пожелать, чтобы этот мир прочел меня и даже где-то высказался в печати лично обо мне и моем старческом творчестве. Как старику мне приятно будет это прочесть о себе. Старики, говорят, падки на красивые слова о себе. Женка так мне прямо говорит, что я достоин высоких слов о себе, потому как я не простой Ванька с пивзавода, а какой-никакой бумагомаратель, книги какого гуляют по Веселовке. До белого света им как до Каркалинска по-пластунски, но пусть хоть Веселовка делает им приманку.

Да, бумагомаратель я классный, поскольку извел бумаги вагон и маленькую тележку, в чем меня даже упрекнула моя Надежда-Гульчатай-Кадиша. Ну, женка — она и в Африке женка, потому я возмущения жены не принимаю. Обрывки бумаг я теперь уже не бросаю на пол, а складываю в отдельную кучу и затем сваливаю в помойное ведро. Кадиша этот поступок поприветствовала и теперь претензий к моей писанине не имеет.

Своему старческому писательскому хобби я не удивляюсь, поскольку не я один такой писатель-дедуган. Афанасий Фет так в свои семьдесят сказал словами своего героя: «Томлюся и пою, ты слушаешь и млеешь. В напевах старческих твой юный дух живет, так в хоре молодом - ах, слышишь, разумеешь! Цыганка старая одна еще поет». Поэт же Александр Соловьев так вообще по-своему отзывался о старости, слова какого я покажу не в строке, как в «Просторе», а в принятом четверостишии:

В парке Паркинсона,
 Полном дивных чуд,
 Где гуляет сонно
 Пенсионный люд,

Где в тени у шахмат
 Назревает мат
 И деревья пахнут
 Чем-то невпопад,
 И сквозь мглу недуга
 И туман дождя
 Смотрят друг на друга
 Два былых вождя...

Понятно, в то время два вождя было естественно - портрет Ленина и портрет Сталина обозревал в парке пенсионный люд. Нынче время совсем другое, и портретов этих теперь не встретишь не только в парке, но ни в одном даже самом солидном учреждении.

Как я уже как-то говорил, политика не в моем вкусе, а вот что мне ближе всего, так это литературный народ, пишущая братия страны нашего Казахстана, где я родился-крестюсь, где прожил всю свою жизнь и продолжаю жить на своем девятом десятке. Такой пишущий народ я встречаю в журнале «Простор», читаю его и даже кому-то кланяюсь из авторов. Как можно ниже я поклонился Надежде Черновой, то же самое хочу сделать и другой сотруднице журнала - Любви Шашковой, какая в декабрьском номере прошлого года ударила статью «Огонь негаснувших костров». Пробежался, потом прочел. Оказывается, Кокшетау не такой уж и заброшенный город, живущий лишь своими малыми и большими житейскими заботами. Город, оказывается, умеет жить и памятью о великих людях современности, таких как Марина Цветаева и ее сестра Анастасия, жившие литературным и цветаевским поэтическим движением.

А после заинтересовала меня двухстраничная статья «Миры Елены Тараковой». Заинтересовала необычностью человека, какой владел острым журналистским пером и кистью художника. Перо для Елены было больше попутным делом, а основным ее занятием была кисть и ее картины, из каких любимой была «Розовый слон».

Елена Таракова свои картины показывала на выставках, одна из которых состоялась и у нас в Казахстане, в Алма-Ате, где было выставлено тридцать девять картин. Одна из зрительниц выставки так вынуждена была заметить, на что указывала и Л. Шашкова: «В картинах Елены сохране-

на свежесть собственного взгляда и оригинальность подхода к реализации творческих замыслов, отчетливо видна ее непохожесть и нестандартность в каждом полотне». А лично Любовь Шашкова так посвятила Тараковой такие вот строки: «Елена частенько мановением своей волшебной кисти позволяла нам взглянуть на себя самих, на человеческую жизнь как бы со стороны - на плывущую в космосе Землю со всеми ее материками и радостно любующимися ее красотой людьми, на осеняющих ее своими крылами птиц... И небесная картина предстает в ее полотне как готовая картина мира, которой становится свидетелем земной зритель».

Что удивительно в этой статье, журналист и художник Елена Таракова, знавшая как бы не пять или шесть иностранных языков и общавшаяся на них с людьми, какими-то силами попала из Казахстана в Корею, где преподавала английский язык и где умерла всего лишь в двадцать девять лет. История знает мировых талантов, таких как Лермонтов, какой был убит в двадцать семь. Добролюбов прожил двадцать пять, и вот Таракова - двадцать девять. Что было бы с этими людьми, проживи они хотя бы полстолетия? Мир не иначе как еще больше обогатился бы их творениями и стал еще красивее и понятнее человечеству...

Признаться, я дюже падкий на всякие необычные литературные прибабухи, даже на заголовки. У Шашковой так никак не мог пройти мимо экзотического «Встретимся на углу!». А почему бы не встретиться? Да меня, долбаного дедугана, эти встречи как-то да вдохновят и придадут какой-то стимул к жизни.

Начал читать, начал и увлекаться. Писатель Эдуард Джилкибаев, он же Константин Кешин... Ничего его отродясь не читал и даже не знал о его существовании в литературном мире, потом как в своей глубинке, в своей Веселовке остаюсь дуб дубом, тупицей из тупиц. Никакого Константина Кешина я не встречал в книжном магазине. Осталось заглянуть в местную библиотеку и попытаться там узнать что-либо полезное об этом человеке. Оказывается, без Эдуарда Джилкибаева нельзя представить казахстанскую журналистику, как и тот же казахстанский литературный мир без произведений этого талантливого автора, который горазд и на прозу, и на критические заметки, на статьи и очерки, на все жанры, какими владеет современная литература.

Ни один год и не два отдал журналистике в «Казахстанской правде»

Джилкибаев-Кешин. Если верить Любови Шашковой, то Кешин владел «блестящей эрудицией, вкусом, с темпераментом он пишет о музыке и изобразительном искусстве, кино и театре, литературе и народных ремеслах, культурном наследии и современных процессах. Взгляд его на развитие культуры, несмотря на пережитые человеком и человечеством годы, остается неизменно оптимистическим». Обладая подобным талантом, Кешин родил и талантливые произведения, такие как та же повесть «Любовь хулигана». Яркие, правдивые, художественно талантливы статьи Кешина о личном мире Павла Зальцмана, Алана Медоева, Тамары Мадзигон, Людмилы Лезиной, Инны Потахиной.

Любовь Шашкова как раз и напомнила нам повесть Сэлинджера «Над пропастью во ржи», где и приводится фраза: «Что говорит одна стенка другой стенке? «Встретимся на углу!». А на углу я как раз и встретил талантливую журналистку «Простора» Любовь Шашкову, какая в писателе Константине Кешине - Эдуарде Джилкибаеве видела глубокого аналитика стихов Валерия Михайлова, Бахытжана Канапьянова, прозаика Шахмардена, Дмитрия Снегина.

Закончить же свое повествование о Кешине хотелось бы словами все той же Любови Шашковой: «Константин Кешин остается писателем, сурово и строго оберегающим пространство своей духовной вселенной, включающим всякое на нее посягательство, как впрочем, и на профессиональное журналистское право и достоинство».

Декабрьской номер «Простора» за 2008-ой так порадовал меня новыми исследованиями Любови Шашковой, связанными с творчеством давнего нашего поэта, участника войны и даже классика казахской литературы Калижана Бекхожина. Все, что надо о нем, сказала Любовь Шашкова, а я лишь наберусь смелости и приведу несколько стихотворных выборок из большого стихотворения «Простор души моей».

Я хочу, чтоб душою
Такой широты я достиг,
Чтоб в просторе ее
Белой лебедью плавал мой стих.
Чтобы были, как ветер,
Легки и крылаты мечты,

Чтобы мог я, взлетев,
Оглядеть горизонт с высоты.
Наслажденье какое -
Бродить по просторам души,
Обогнать караван -
Пусть кочевье годов не спешит.
Подогреть, подхлестнуть
Свою жизнь негасимым огнем,
Это пламя поэзии
В сердце клокочет моим.

Пламя поэзии клокотало в сердце Калижана Бекхожина до конца его дней, какое и сегодня согревает читателей великого Казахстана. А Любови Шашковой так надо поклониться не только за статью о поэте Бекхожине, но и за перевод его стихов. Это же каким надо владеть талантом, чтобы быть не только талантливым журналистом, но еще и переводчиком!

Я, не в пример Любови Шашковой, родившийся в казахстанском ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области и идущий по своему девятому десятку, по-казахски знаю лишь «нан», «бешбармак», «курт», «еремшик», «сют», «май», «аман» да «кош». Во всем другом я дуб дубом, потому как в школьные годы с казахстанской детворой был тупой, как сибирский валенок. Матушка моя да старший братан по-казахски лопотали на всю катушку, а я так уродился тупицей, не научившийся этому красивому языку до самой старости. Так что я остаюсь поклонником таланта Любови Шашковой, какая и журналист, и переводчик, и любитель всяческой поэзии, к тому же, как я усек в «Просторе», и талантливая поэтесса, какой хочется просто позавидовать, а поклониться так в первую очередь.

А чего ходить вокруг да около? Давайте взглянем на стихи Шашковой и восхитимся их красотой и живым человеческим духом. Не знал, не знал, что журналисты могут быть еще и поэтами. Это какими же надо обладать знаниями и человеческим умением! Нет, я все-таки был и остался прорехой на человечестве, который, однако, пытается что-то писать и что-то сочинять и у какого, как ни странно, что-то да получается. Конечно, подобной поэтической вещи Шашковой «Беларусь» я сделать не смогу. Потому

что не знаю свою страну так, как знает свою Беларусь Любовь Шашкова, свою родину, какая таковой и теперь остается в сердце поэтессы, какую судьба и жизнь занесли в извечный теперь для нее Казахстан.

Скуп словарь о тебе: здесь болота, подзол да суглинок,
Что ж, об агронауках судить сгоряча не берусь,
Только снова увижу согбенную бабушки спину -
Не на легких хлебах поднимала детей Беларусь.
Я увижу: война и деревянная моя Василевка,
На продрогших плечах только неба линиялый лоскут,
В эту скудную землю легло Василиев ее столько,
Что и все васильки их приметных имен не вернут.
Только все же сбылось - поднялось на крылах журавлиных
В васильковом венке мне видишься в дальней дали,
Ну, а верить не надо в болота, в подзол да суглинок -
Кто возьмется замерить состав белорусской земли?

Теперь Любовь Шашкову окружают не болота да суглинок, а наши бескрайние казахстанские степи с их ковылями и отарами, с их таким красивым и гостеприимным народом...

Как бы там ни было, а о сотрудниках «Простора» я никогда ничего не знал не потому, что я тупой, а потому как о том нигде не писалось и не говорилось. Сотрудники, друзья и коллеги, конечно, знали все о ее биографических днях и ночах и ее жизненном пути. Только благодаря одиннадцатому номеру «Простора» за такой же 2011 год я и узнал о Любви Шашковой, какая радуется нас своей солнечной добротой и многообразием. Из этого же журнала я впервые узнал такие произведения поэтессы, как «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с надеждой», «Из трех книг», «Луг золотой», «Два вольных крыла», «Песни жаворонков» и публицистические вещи «Хранители огня», «Предполагаем жить». У Любви Шашковой широкая журналистская душа с такой же широкой поэтической душой поэтессы, для которой «лето - петь, осень - жать, зима - на печи лежать, думушки перебирать».

Что ж, зима и впрямь не за горами. Через какие-то дни и недели пролетит золотая осень, а там и впрямь «первый заморозок стукнет, облетят

шальные листья»... «Ты права, ведунья-птаха, ведь и мне в предзимье этом откровенье поздних ягод драгоценнее, чем летом. Длишь и длишь ты эту связь беспечальных светлых звуков, чтоб, играя и смеясь, жизнь перетекала к внукам»...

Представьте, мне на моем девятом десятке именно хочется, чтобы жизнь перетекала к внукам. У меня так их двое, они уже имеют своих детей, какие мне и моей женке приходится уже правнуками.

О поэзии и биографических данных Любви Константиновны Шашковой я прознал только нынче, в августе 2018-го, когда листал «Простор» времен очаковских и покоренья Крыма. Наверно, я их читал и прежде, но старость дает о себе знать, отчего по сему поводу я и написал: «Стихи не стареют - стареют поэты». Чего скрывать, я старый человек, иду по своему девятому десятку, но с поэзией не расстаюсь. Может, и правда расстанусь после этой книги и налягу на старый и новый книжный мир, который создавало и создает человечество нашей планеты...

Глава двадцать пятая

Как бы меня жизнь ни крутила и ни бросала из стороны в сторону, эту свою «Веселовскую исповедь» решил закончить на нечетной главе. А все как всплыли гадания цыганки, какая нагадала мне, что мне будет всегда везти в жизни на нечетные числа. Аргументировала она свои утверждения тем, что мой день и год рождения на нечетные числа, как и у моей Гульчатай. Сын наш тоже родился в нечетном году и в нечетном месяце. Если на прикидку, то жизнь у нас с женой и у наших детей сложилась. Мы с женой так разменяли уже свои восьмерки, на «дембеле» мы с нею уже двадцать лет. У детей наших тоже все о'кей. С распадом Союза Алтай принял их дружески и приветливо, дал жилье и работу, и они теперь посещают Казахстан и свою Веселовку в нем в свои отпускные годы с душой.

Конечно, и мы с бабушкой не остаемся в долгу, ответно навещаем детей на их Алтае, какой стал им близкими родным. Предложения детей переехать к ним на жительство, где они за нами присмотрят, мы с бабушкой отвергаем, потому как Казахстан и Веселовка - наша родина и наша судьба. Бро-

сать родину и не любить ее? Не тех мы кровей! У себя в Казахстане и своей Веселовке мы и закроем свои глаза. Если это случится зимою, то дети из своего Алтая могут приехать и похоронить нас, а если наш последний час наступит летом, то алтайцы не сумеют бросить горсть земли на наши гробы, поскольку в Веселовке нет морга, где бы нас могли сохранить до кладбищенских крестов. Неведомо почему, но больница в Веселовке есть, а морга в ней нет, отчего покойники могут пролежать в избе день-два, а там их место на кладбище...

Это мои старческие суждения о наших последних днях с моей Гульчай. Какими они будут и когда придут - Бог весть, а кто первый уйдет из этой жизни, тут и вовсе загадка. Мне так хотелось бы отбросить копыта вперед моей Кадиши Калкеновны. Люди помогут ей во всех похоронных хлопотах, а дальше пусть поживет без меня и, может, даже отдохнет от моих писательских замашек, когда меня какие-то мысли будят даже среди ночи, отчего я соскакиваю с постели и нарушаю покой и сон моей жизненной половины.

Такие старческие мысли донимают меня часто и густо, но я их хороню в себе и доверяю своему дневнику. Гульче своей, конечно, ни слова, так что живем мы на своем «дембеле» уже целых два десятка лет и претензий друг к другу никаких не имеем. Бабка моя после своих домашних дел уходит во двор на посиделки с такими же дремучими бабками, а я, конечно, засиживаюсь за своей писаниной, после какой наступает пятикилометровая прогулка в ту степь, где ямщики давным-давно не замерзают.

Что удивительно, в степи глухой у меня родилось немало моих стихов, какие даже вышли отдельной книгой. Не знаю почему, но в степи с природой, с ковылями, с птицами и сусликами моя голова отчего-то работает особенно продуктивно. Особенно наваливаются на меня стихи, так что мой блокнот полнится изо дня в день. Полнился он вчера и позавчера, полнится и сегодня. Стихотворных сборников наработал я аж целую семерку, так что мои восемьдесят два и сегодня в работе. Из прозы у меня на сегодня под руками вот эта исповедь, на какой и планирую завязать свою писанину раз и навсегда.

Прозой мне вообще писать нечего, а вот стихи, паразиты, меня донимают и сегодня. Куда от них бежать, я не представляю, и можно ли вообще убежать от стихов? Хотелось бы спросить о том у Пушкина, Лермонтова,

того же Есенина. До них мне, конечно, как до Лондона пешком, но все равно какую-то творческую жизнь я делаю. Главное, что меня знают в издательском доме «Классик» нашей областной Сарыарки, знают и принимают к издательству всяческие мои творческие завихрения.

Больше это были мои стихотворные выкладки. Прозаическим вещам я тоже отдаю свое время и даже сообразил два романа, две книги «Пестрые письма» очеркового плана и такого же плана «Мои дороги» с подзаголовком «Блуждающие повести», вышедшие в 2017-ом. В нынешнем 2018-ом вышли две мои книги - прозаическая «С миру по нитке» и поэтическая «Жизни моей колесница». Как я просил всегда, обе эти книги по двадцать экземпляров. Мне как раз хватает раздать их друзьям-пенсионерам и родне, наделив и веселовскую библиотеку. Друзья и родня прочтут меня как бы по обязанности, а библиотечный читатель - по желанию. В Веселовке одиннадцать тысяч боевого и шустрого населения, из каких любителей книжного мира наберется какая-то сотня-другая. Если меня прочтет столько веселовцев, я непременно окажусь на седьмом небе.

Я уже не раз говорил, что не падок на известность, на свою выпуклость хотя бы в Веселовке, но, признаться, хочется, чтобы обо мне как-то да говорили. Скажем, в тех же Веселовских трех школах. Вот прочли бы меня старшеклассники и даже пригласили бы на обсуждение той или другой из пятнадцати моих книг. Молодой народ от природы любопытен, и я ответил бы на все их вопросы, например: «Почему у вас почти повсюду герои железнодорожники?». Конечно, я бы сказал, что хорошо знаю железнодорожный народ, поскольку лично отдал железной дороге сорок лет своей жизни. Сюда входят два года железнодорожного училища и сорок лет Веселовского депо. Все, что было близко мне и что я хорошо знал, о том я писал в своих книгах. Среди героев книг были и мои друзья, с которыми я учился, работал и целую пятилетку жил в Веселовке, какую друзья мои покинул все до единого. Свои положенные после училища четыре года они отработал и разбрелись из Веселовки по своим домам и краям. Из двенадцати училищных гавриков, посланных в Веселовское локомотивное депо вместе со мною, в Веселовке остался я один. Только я один отдал Веселовскому депо сорок лет, оно же меня и выпроводило на «дембель».

Где сейчас эти одиннадцать человек, каких приютило у себя шесть десятков лет назад Веселовское депо - Бог весть. Единственное, что мне

известно: в 1994-ом прямо в автобусе заснул и не проснулся мой друг Николай Дудич, какой жил и работал в областной Сарыарке на заводе РГТО. Ему было всего лишь пятьдесят четыре года. Второй мой друг Павел Крашановский умер в Кривом Роге в 2016-ом, дотянув до семидесяти восьми годков.

Павел и Николай и впрямь были моими друзьями, поскольку все два училищных года они приезжали на выходные дни ко мне домой в Жалтырь, какой отстоял от Акмолы всего лишь в ста двадцати верстах. По «железке» по тому времени, когда бегали еще паровозы, это укладывалось в три часа езды. Дома у меня друзьяки отдыхали и лакомились не училищной похлебкой, а экстра-блюдами, которые так классно готовила моя матушка.

Этих друзей теперь на свете нет, а о прочей братве, покинувшей Веселовку после отработки положенных четырех лет, я понятия не имею. Ни о ком из них не слышал все эти пятьдесят четыре года, когда они покинули Веселовское депо и саму Веселовку. Все они, конечно, продолжали работать на «железке», но где, в каком депо - не ведаю, не знаю. Кто-то из них, отслесарив положенные четыре года в Веселовском депо, наверняка подался в помощники машиниста и машинисты. Конечно, им наверняка пришлось переучиваться со своей слесарной службы, о чем мечтал и я. Позже я понял: поездная работа - не мой хлеб, поскольку я был тупой по электрической части тепловоза, а помощник и машинист тепловозную электрику должны были знать, как свои пять пальцев, иначе тепловоз тебе не подчинится и не тронется с места. Может, потому я и был пятнадцать лет слесарем дизельной группы тепловоза.

Все эти годы, почти целый шестидесятник, о своих друзьях-товарищах по Акмолинскому железнодорожному училищу я ничего не знаю и по сегодняшний день. Кто из них жив и так же, как и я, идет по своему девятому десятку, не имею представления, хотя очень хотелось бы встретиться и вспомнить наши училищные и веселовские годы, какие наложили на нас свой жизненный отпечаток. Ничего я не услышал и не читал о них в нашей печати как о передовиках, об ударниках коммунистического труда, что было у нас в свое время модно. Ничего не писалось и не говорилось и обо мне, но я не сходил с веселовской доски почета, так что обо мне знали все семьсот душ локомотивного депо Веселовка.

Что удивляло, о друзьях-товарищах по работе писали в нашей районной газете, а обо мне - ни слова, ни полслова. Почему журналисты набрасывались на них, я не представлял, хотя сам был не последним передовиком в своем Веселовском депо. Не ведаю, почему меня обходили. Подумывал: журналисты наверняка знали, что я окончил журналистский факультет и с дипломом журналиста целую пятилетку так же слесарил тепловозы, как и до этого. А до этого я шесть лет заочно учился в КазГУ, ездил на зимние и летние учебные сессии. После шести лет учебы все равно грудился слесарем в своем дизельном цехе целую брежневскую пятилетку. Журналистский мой диплом нужен был деповскому начальству, как зайцу вытрезвитель, потому я продолжал пахать за своим слесарным верстаком и на тепловозе.

Было время, когда я удивлялся: для деповского начальства я оставался все тем же слесарем. Как все, ходил в свою смену, отрабатывал день-ночь и на сорок восемь. Так продолжалось две хрущевские пятилетки и одна брежневская. В депо я числился передовиком, как все, получал грамоты и премии. Своим высшим образованием я никого не удивил, разве кроме самого себя. Удивился хотя бы тому, как это у меня хватило тям и ума поступить в КазГУ, тогда как я был веселовским дуб дубом. Большим умом я не блистал, книги читал через пень-колоду и в журналистике разбирался, как свинья в апельсинах. А вот подался же, прореха на человечестве, в университет, поступил и, главное, продержался в нем все шесть лет, даже умудрился получить диплом. А ведь были у нас на курсе и такие студенты, какие почему-то бросили учебу. Что на них влияло, я не понимал, только они говорили: учеба в их годы вещь трудная и недоступная. Кому нет полтинника, тому еще можно покувыркаться, а кому стукнуло столько или около - вещь не учебная...

Мне наверняка было проще, поскольку я решил набираться ума, когда мне шибануло только двадцать пять. Диплом я получил в тридцать один, а это значило, что мне следовало по жизни шагать и шагать, что я и делал только не по журналисткой линии, не в журналистской сфере. Диплом журналиста так и остался лежать у меня в каком-то захудалом чемодане, какой валялся под кроватью и валяется по сей день, когда я уже двадцать лет как на «дембеле».

Иногда разворачиваю свой диплом и с трепетом вспоминаю универ-

ситетскую заочку. Журналистом я не стал, но сохранилась память о шести учебных годах. После окончания КазГУ минуло уже полета лет, а многие детали сессионных дней и ночей помнятся мне и по сей день, когда я иду по своему девятому десятку. Мои друзья-однокурсники каким-то образом кучковались и весело проводили время, я же к их сборищам не подходил, а жил своей сессионной жизнью. Они все были действующими живыми журналистами, но без диплома, тогда как среди них затерялся один единственный слесарь. Меня они как раз и спрашивали: что потянуло меня в журналистику? Конечно, мне было только двадцать пять, а уже с дипломом можно было рискнуть в «Казправду» или «Ленинскую смену» и вообще выйти на журналистскую дорогу, чего я в жизни не сделал...

Ни о чем подобном я никогда не мечтал, а на журналистику пошел по совету моего друга, журналиста из районной газеты, какой приезжал к нам в депо по своим журналистским делам. Журналист этот читал нашу деповскую стенную газету «Тепловозник», материалы которой ему крайне нравились. Узнав, что редактором этой газеты являюсь я, посоветовал идти в журналистику, потому как он заметил, что есть во мне особый журналистский дух.

После уезда журналиста из «районки» я задумался над предложением знакомого человека и вот таким образом и оказался в КазГУ. Как все, писал сочинение, как все, сдавал прочие экзамены, среди каких не было ничего математического и электрического, а все словесное. Ну, а слово я любил. Голова над классными сочинениями работала у меня просто классно, поэтому, наверное, на вступительном сочинении я и проскочил в университет.

А учеба давалась мне относительно легко. По-английски я шарил довольно крепко еще со школьной скамьи. В школе учитель английского даже умудрялся балакать со мной на английском, и вроде у нас это получалось. Во всяком случае, по-английски у меня были сплошные пятерки. По другим предметам я никак не блистал, хотя отстающим не был, но среднячком так был сплошь и рядом. В целом я считал себя, как было у нас принято в депо говорить, Ванькой с пивзавода. Присказка про пивзавод - деповское изобретение, неизвестно кто его придумал и изобрел...

О своей будущей судьбе с этим самым журналистским дипломом я как-то не задумывался, но затрагивало безразличие ко мне деповского начальства. Целую пятилетку с дипломом о высшем образовании я слесарил

тепловозы наравне со всеми, ничем не выделялся и не выпендривался, Обиды на начальство не имел, поскольку сам решил учиться на гуманитарном факультете, какой в депо нужен был, как зайцу зеленый светофор.

После моей слесарной работы с дипломом о высшем образовании, захватившей целую пятилетку, меня задело безразличие деповского начальства лично ко мне и к моему диплому, результатом чего явилось мое заявление об уходе из депо по собственному желанию, какому я отдал три пятилетки. Ушел я в организацию, которая имела такой же железнодорожный статус. Она строила железные дороги и вела строительство жилья для железнодорожников. В этой организации, глядя на мои документы и мой диплом, начальник Владимир Иванович Стороженко, царство ему небесное, с ходу назначил меня начальником снабжения, каким я прокантовался еще три пятилетки.

На этой должности у меня были постоянные полеты по большому Советскому Союзу во многие города, какие выпускали продукцию для железнодорожного полотна, а потом и для электрификации этого самого полотна. После завершения всех работ по строительству железнодорожных путей и их электрификации организацию в 1987-ом сократили, вынудив меня вновь податься в свое Веселовское депо, где я трудился еще десять лет, но в должности инженера по снабжению. Когда подошел мой пенсионный срок, меня тихо и скромно «дембельнули». Случилось это за несколько дней до нового 2000-го, с какого я нахожусь на этом самом «дембеле».

Не хотелось бы повторяться, но на этом самом «дембеле» на меня ни с того, ни с сего нагрянули вдруг поэтические завихрения. Не знаю, чем я провинился перед духом Лермонтова и Есенина, только они начали доставать меня и днем, и ночью. Мне ничего не оставалось, кроме как завести журнал-дневник в толстой обложке, в которой я начал тискать все, что приходило в мою седую голову. А приходило довольно многое. Удивлялся: откуда все бралось? Ведь никогда не засиживался и не задумывался над жизнью, какую я прожил...

А прожил я - дай Бог каждому, совсем немало. Два года назад разменял круглую восьмерку с нулем и вот уже как бы не все семьсот дней иду по своему девятому десятку. Думал, что поэзия оставит меня, побаловала стишками и теперь успокоится, перейдет к какому-то более молодому и талантливому, какой деятельный и у какого вся жизнь впереди. Так нет

же, не оставляют меня ни поэзия, ни проза, какая тоже начала откуда-то рождаться. Я удивлялся ее появлению, но не смог от нее никуда спрятаться. Думал: избавлюсь от нее на прогулке в той степи, однако она меня и там доставала. Мне оставалось лишь тискать все в свой блокнот, который полнел и, кажется, даже улыбался всем моим проделкам и проделкам моей головы.

Со стихами я справлялся легко, как повар с картошкой, а с прозой - не тут-то было. Дома, заглядывая в свой рабочий дневник и суммируя все прозаические записи, нашел какой-то стержень повествования, какой я озаглавил как «Пестрые письма». В этих самых «Пестрых письмах» сделал такое вступление: «Незабвенный Салтыков-Щедрин вряд ли осудил бы меня за заголовок, какой я похитил из его сочинений. Похитил я не иначе как напрокат, желая отразить жизненные болезни, сходные с щедринским пестрым временем. Конечно, нынешний век имеет свои специфические болезни, какие принято называть у нас недостатками, упущениями и совсем редко ошибками, рожденными людьми со своей властью. Простая народная масса все жизненные негативы принимает с болью и за решением их, естественно, обращается к своим властям, какие своей вины не признают, ссылаясь на более высокие государственные органы, у каких свои средства, свои законы и свое законодательство. Некоторые вопросы остаются нерешенными и по сей день, люди уходят ни с чем, а чиновники так и остаются в своих мягких креслах в городе и на селе».

Продвигая дальше свои «Пестрые письма», я остановился на моменте, когда исчезло в Веселовке автобусное движение. Все время оно служило веселовцам, а в 2017 - 2018-ом веселовский автобус исчез, и неизвестно когда он возвратится на веселовские улицы. Абай, будь он веселовцем наших дней, наверняка бы сказал в своих «Словах назидания»: «Что же вы, господа, допускаете такое? Вам не жалко людей, не жалко детей? До СНГ у вас были денюжки на содержание автобуса, а при СН Г ваш карман окончательно продырявился? Коль заимели свою свободу и независимость, так и живите в ней по-человечески! А по-человечески - дайте людям то, что сделает их жизнь более цивилизованной».

Насчет названия «Пестрые письма», которые я умыкнул у Салтыкова-Щедрина, думаю следующее: Михаил Евграфович, будь он жив, прописал бы мне, мужику из Веселовки, одно наказание - прокормить двух

генералов, что нынче очень непросто. Генералы салтыковского времени довольствовались яблоком, селедкой да кофе со сдобной булкой, а нынешних вряд ли прокормишь такой подачкой. Нынешним барашка подавай, свининку да говяжий шашлычок, приправленный рюмкой дорогого вина. После всего этого генералов надо доставить отдыхать на Канары и другие благодатные места. Суп из пригоршни они вовсе есть не станут, хотя и будут пухнуть с голоду. Так что мне остается лишь благодарить писателя за то, что он не дал мне подобного поручения...

После вступительной части пошли живые «Пестрые письма», какие затрагивали многие жизненные вопросы моей области и моей Веселовки. В моей Веселовке, например, в 2000-ом ликвидировали и разобрали большую пятиэтажную котельную, поверженную, как говорило большое областное начальство, за нерентабельность и убыточность. Уже двадцать лет Веселовка живет без центрального отопления, а веселовцы вынуждены ставить в своих квартирах печи времени Александра Сергеевича и Арины Родионовны.

«Пестрые письма» затрагивали вопросы платного лечения и обучения, какие до СНГ были бесплатными. Не знаю, откуда можно было набраться ума, когда надо платить за лечение и обучение? Нынче не каждого заманишь в вуз за обучением, потому как в кармане не звенит. То же самое и с лечением: коль платить нечем, так лучше отлежаться дома, а то и вовсе отбросить копыта, чтобы не быть нахабой в семье родным и близким.

Затрагивали «Пестрые письма» и другие вопросы, такие, к примеру, как «Что год Собаки нам готовит?», «Мечты, мечты», «Где вы, инженеры человеческих душ?», «О тех, у кого слово тянется к перу», «Первый звонок и первый урок», «Дух большевиков и большевизма», «Дети войны», «Железнодорожные страдания», «Евразия, тебя сглазили?», «Дайте литературное поле», «О чем толкуем, господа?», «Жизнь ты, жизнь», «Давайте спросим себя», «Мои мысли о себе», «Чужие мысли обо мне», «Космические раздумья»...

Конечно, всего не приведешь, но книга вышла в изумительно красивом оформлении. Вместе с «Пестрыми письмами» редакция поместила и книгу «Мои дороги», так что под одной толстой обложкой оказались сразу две книги. Точно так же под одной обложкой оказались и еще две мои книги - «Агадырские рассветы» и «Пестрые этюды», вышедшие в продуктивном

для меня 2017-ом. Не ожидал я от издательского дома «Классик» такой шустрости - две книги под одной обложкой! А книги оказались удивительно красивыми и привлекательными. Конечно, тут поработала типография «Арко», перед которой я просто склоняю старческую голову.

...Сегодня к вечеру я занимался какой-то своей писаниной, а Гульча моя что-то колдовала с телевизором. Я тоже поднимал глаза и видел выступления Маши Распутиной и Филиппа Киркорова. Гульча моя, переключаясь на другие каналы, сказала мне:

- Эти артисты мне просто примелькались, так что правильно ты их как-то перекрестил - Распутка Машина и Киркор Филиппов. Примелькались они, как тот же Баск Николаев и Галк Максимов - тоже твоё изобретение. Думаю, Сагентай Калкенович, правильно делаешь, когда хоть как-то оживляешь свои произведения. Какую книгу ни возьмем - ну скука несусветная! Конечно, красивые герои, красивые их поступки, красивые и их речи, какие, однако, не задевают читателя. А в твоих вещах с Распуткой и Киркоровым, да Максимовым Гадком и тем же Баском Николаевым просматривается красивый юмористический дух, чего нам часто просто не хватает. Не знаю, кто еще на такой юмористический подвиг готов из наших писателей-поэтов, но тебе бы я, Тюлебай Даркенович, выдала премию за твоё усердие. Кстати, ты где-то Тишмана называл Марковым, Пьеху - так Пьехом Стасовым, Газманова - так Газманом Олеговым из той же серии. Думаю, Тугамбай Калкен-оглы, надо тебе за твои изобретения выписать большую премию в пятьдесят, а то и все сто тысяч тенге, чего, конечно, никто никогда для тебя не сделает. За издание своих книг, Тугамбай, ты вгоняешь меня в нищету, а вот чтобы тебе выдали на чай и на сахар, у нас никто не решится и не уподобится.

- И мне бы хотелось, Рабига Калкеновна, чтобы на мои книги кто-нибудь обратил внимание. Двадцать экземпляров, какими выходят мои книги, это для меня, для нас с тобой, для друзей и для родни, а на продажу, чтобы получить хоть минимальный гонорар, должно, думаю, заботиться издательство. Выпускает же алматинское издательство «Жазуши» книги десятками тысяч экземпляров, какие не залеживаются на магазинных полках! Как это делается, я не знаю, за продажу книг наверняка получает какую-то акшу и автор. Не влачит же нищенское существование тот же Олжас Сулейменов и иже с ним писательский народ.

- Думаю, что не влачит. Не то, что мы с тобой концы с концами сводим...

- Но мы же не голодаем! У тебя в холодильнике так черт ногу сломит. Мяса какого хочешь и сколько хочешь, только мамонтового не хватает!

- На мясе, что ли, жизнь построена? А почему бы нам на старости не смотаться в ту же Турцию или ту же Францию, где есть что посмотреть? Бабки мои так не нахвалятся на детей, какие по миру разъезжают. Чтобы разъезжать, нужны большие тенге. Разве мы не можем накопить на наши две пенсии? На питание много ли нам, старикам, надо? Одеться-обуться у нас хватает еще с коммунистической поры, а на старости не мешало бы свет посмотреть да себя показать. Двое из моих бабок из посиделок так уж побывал в Турции, с чем и хвалятся на своих посиделках: мол, все в Турции необычно - необычные люди, необычные магазины и необычный в них товар. Необычное у них обслуживание, необычное питание и в целом все у них необычное. Необычны у них дома, улицы и тротуары, как необычны и проезжие дороги. Нашим с ихними не сравнится. А все как турки умеют жить. Надо бы нам многому у них поучиться...

- Ну ты даешь, Кадиша Калкеновна! Зачем нам равняться на турок, англичан, американцев, на французов да разных итальянцев с испанцами? Пусть они живут своей жизнью, а мы будем жить своей. Таков нынче век, Амина Калкеновна.

- Когда в кармане звенит, то всюду можно жить. Пенсии у нас с тобой неплохие, но ты, Калдыбек Туkenович, за пятнадцать своих книг сколько отвалил? Уж точно вагон и маленькую тележку. Понятно, что книги даром не издаются, это и коту нашему известно. Книги я твои люблю, родня любит и читает, и друзьям твоим они нравятся. А вот белый свет о них ни сном, ни духом ничего не ведает.

- Он будет ведасть, когда какие-то власти распорядятся издать их большим тиражом, как, скажем, книгу стихов Владимира Гундарева «Светлень-река», изданную издательством «Жазуши» в Алма-Ате в 1980-ом тиражом в семь тысяч экземпляров. Я был бы рад, если бы меня издали хотя бы одготысячным тиражом и пустили этот тираж в продажу. Мне и бабли не нужны, потому как нам своих хватает, а вот чтобы обо мне знал читательский мир, этого мне здорово хочется...

На тему экземпляров мы с женой больше не говорили. Она мне сде-

лала упрек в растрате наших пенсионных средств на издание моих книг, каких я за двенадцать лет состряпал аж целых пятнадцать штук. На деле же она слишком преувеличила мои расходы на мои книги. Из моей пенсии я выдаю ей на руки половину, а другой половиной распоряжаюсь по-своему. Какие-то средства из этой половины уходят на издание моих книг, а остаток я просто храню на непредвиденные расходы. Еженедельно покупаю газеты «Криминальные новости», «Жизнь», «Авиатрек», «Газета для пенсионеров». Хотел бы покупать и «Ярмарку», но в мой поселок она не поступает.

Для нас, пенсионеров, такие газеты просто необходимы. О том, что делается в нашем криминальном мире и конкретно в нашей области, газета говорит подробно и откровенно, за что я ей говорю рахмет. «Авиатрек» дает недельную телепрограмму, без какой тоже жить нельзя. «Газета для пенсионеров» - так это вообще наша газета. Не знаю, существует ли еще в мире подобное издание для пенсионеров, а в нашей области существует, за что надо поблагодарить редакторов и издателей этой газеты. Женка моя так вообще упивается этой газетой, где она находит нужные и полезные советы о том, как старушенциям следить за собой, за своим здоровьем. Там пишут, как надо правильно питаться, когда ложиться и вставать, что делать со своим лицом, чтобы оно не слишком старело. В газете вообще много советов о правильной жизни.

Пользуюсь этими советами и я. Выбираю, чтобы дольше прожить, чтобы закончить эту книгу и на ней завязать с писаниной. В мои годы это и будет выход к долголетию. О чем уж точно думает любой человек на земле, а я, Максим Веселовский, и подавно.

Почему такое стремление к долгожительству? На первое мое двадцатилетие выпала война, прощание с отцом, уходящим на войну, военные годы жизни моего аула и его народа, когда не раз приходилось голодать и холодать. Другие тоже едва сводили концы с концами, но люди жили работой, как-то помогали друг другу и дождались большой Победы, после какой жизнь, конечно, начала налаживаться. Матушка работала на своем комбайне «Сталинец», а трое ее детей ходили в школу. Приглядывала за ними какая-то тетка-латышка, какая с другими немцами была эвакуирована в наш аул из Центральной России, что практиковалось в начале войны. В наш аул наехали немцы аж с самой Волги, среди каких оказалась и наша

латышка. Матушка почему-то приютила ее у себя. Сама она в хлебоуборочный сезон пропадала на полевом стане. За домом и детьми, конечно, следила латышка. Как они ладили с матушкой, я не ведаю, но латышка продержалась у нас до Победы и вернулась в свой край.

Что было дальше, я уже как-то говорил. Приехали мамыны братья и увезли нашу семью к себе в железнодорожный Жалтырь, где они оба работали и жили. Матушка до пенсии трудилась все на том же прицепном комбайне, а мы с сестренкой учились до аттестата зрелости. Наш старший братан Иван служил пять лет в Приморском крае. В целинную годину я подался на целину, пробыл там два года, потом два года в железнодорожном училище и распределение в локомотивное депо станции Веселовка. Депо приняло сразу двенадцать училищных выпускников, какие, отработав положенные четыре года, оставили депо и Веселовку кроме меня. В Веселовке я уже шестьдесят лет, столько же лет живу и с моей Гульчатой. На «дембеле» с нею мы уже двадцать лет, на каком я сработал пятнадцать книг. Книгам я отдал себя всего, о чем не жалею. Наверное, у каждого пишущего такой настрой, какой пишет для всех людей, в кругу каких он живет и пишет об их человеческой жизни, легкой и трудной, сладкой и горькой, мягкой и жесткой.

Насчет же вагона и маленькой тележки Рабига моя явно переборщила. Я ей никогда не докладывался, куда и сколько плачу. Насчет пятнадцати книг - это ее женские соображения. А я считаю, что с меня за книги берут слишком мало. Пятнадцать книг, да каких! Думаю, с меня нужно взять еще столько же или, в крайне случае, еще половину. Я бы так одной типографии «Арко» заплатил столько, сколько бы она запросила.

Рабигу свою я оттянул за вагон и за тележку. Пенсией я делюсь с ней пополам, какая у меня совсем не маленькая. Я сорок лет отдал «железке», а она для пенсионеров не скупилась прежде, не скупится и теперь. Насчет того, что мы еле концы с концами сводим, тоже оттянул свою Гульчатую-Кадишу. Спрашивал: чего в доме нет? Говорит: все есть. Ковры, паласы, стенка, обуться-одеться завались. Питания - хоть целую рот корми. Два телевизора - один для нее в спальне, другой для меня в зале. «Притом, как я знаю, у тебя сберкнижка трещит, сама ее у себя держу и вижу, что там живет. А насчет того, что ты вколачиваешь меня в нищету, так это просто слова, чтобы не отмалчиваться!».

Поговорили мы с женкой на тему нашего житья-бытья и пришли к выводу, что мои пятнадцать книг заслуживают хороших денег издателям. Те, что я заплатил, обычная ерундистика. Эти мои книги уж точно продлят мне жизнь, я это чувствую. Издательство же молчит и не спрашивает у меня никакой доплаты. Думаю, что просто жалеют долбаного старика. А я готов дать столько, сколько требуется. Главное, у меня есть мои книги. Не знаю, у кого из современных авторов есть столько книг. А у меня, жителя Веселовки Максима Веселовского, есть. А кто такой, по сути, этот Веселовский? Обычный дедуган, обычный пенсионер, который сторбатился и неровно оброс. Но каким бы он ни был прорехой на человечестве, а вот пятнадцать книг состряпал!

Как бы ни было, а в каждой книге чья-то судьба, чья-то душа, как и душа самого автора вот в этой исповеди. Жан-Жак Руссо в своей «Исповеди» поведал о своей жизни, а я в «Веселовской исповеди» - о своей. Руссо жил триста лет назад, а я живу теперь, сегодня, сейчас и хочу, чтобы и обо мне читатель знал теперь, сегодня и сейчас. Если будут знать и помнить, то мне еще будет просто мягко лежать в моем гробу...

В жизни много всяческих моментов, какие человек учится преодолевать. Какие-то трудные моменты преодолел и я, отчего с полным правом расстаюсь со своим читателем и издателями, каких я полюбили и пред которыми преклоняю свою старческую голову.

КОНЕЦ

Максим Веселовский
Январь-август 2018 г.
пос. Веселовка

Содержание

Предисловие.....	3
Глава 1.....	5
Глава 2.....	10
Глава 3.....	16
Глава 4.....	25
Глава 5.....	30
Глава 6.....	41
Глава 7.....	48
Глава 8.....	55
Глава 9.....	62
Глава 10.....	73
Глава 11.....	80
Глава 12.....	86
Глава 13.....	94
Глава 14.....	103
Глава 15.....	109
Глава 16.....	116
Глава 17.....	128
Глава 18.....	135
Глава 19.....	147
Глава 20.....	157
Глава 21.....	169
Глава 22.....	181
Глава 23.....	211
Глава 24.....	231
Глава 25.....	249